

НИКОЛАЙ
БАБОГЛУ

**ГВОЗДИКИ
РАСЦВЕЛИ
ВНОВЬ**

ЛИТЕРАТУРА
АРТИСТИКЭ

НИКОЛАЙ
БАБОГЛУ

**ГВОЗДИКИ
РАСЦВЕЛИ
ВНОВЬ**

ПОВЕСТЬ, РАССКАЗЫ

**АРХИВ
СТЕПАНА КУРОГЛО**

Кишинев
Литература артистика
1986

84 Г—44
Б 12

Перевод с гагаузского
Владимира Измайлова

Художник О. Градинарь

Б $\frac{4702150000-59}{M756(12)-86}$ 100-86

©Издательство «Литература артистикэ», 1979.
©Перевод на русский язык. Издательство
«Литература артистикэ», 1986.

*Сорокалетию воссоединения Бессарабии
с Советской Родиной и образования
Молдавской Советской Социалистической
Республики посвящается.*

ГВОЗДИКИ РАСЦВЕЛИ ВНОВЬ

ПОВЕСТЬ

Часть первая

1

— Зина, иди сюда! — позвал Тодур Чилингир свою дочь. Из глинобитной избенки, крытой камышом, которую гордо называли домом, вышла девушка лет шестнадцати-семнадцати. Несколько шагов, и она вошла в землянку-кузницу, мало чем отличающуюся от «дома», разве что была пониже — на три четверти в земле. Зина стала усердно раздувать огонь мехами.

— Почему ты не обула терлики?¹ Сколько можно говорить о том, что сюда нельзя заходить босиком. Наступишь на что-нибудь острое или горячее, а потом возись с тобой! — Кузнец повернул подкову и ловкими ударами придал ей нужную форму, затем, взяв мочалку, брызнул водой в огонь, чтобы угмонить пламя.

— Мало у меня других забот, — ворчал он, — не хватало еще этих неприятностей.

¹ Терлики — тапочки из домашнего войлока.

Сам Тодур был одет, как и положено кузнецу: залатанный кожаный передник защищал грудь от искр, на ногах большие очень старые сапоги, удобные тем, что надевались и снимались легко и быстро.

— У меня терлики порвались, — ответила Зина.

— Шейте другие, — рассердившись, велел отец.

— Из чего шить-то? В доме на заплату ни лоскутка не найдется.

— Так вытките! На то вы и женщины.

— Из чего ткать-то? Сам знаешь, что настриг от всех трех овечек забрали сборщики шерсти в примарию¹, а из холста что за терлики на один день?

— Да, что-то я не видел излишков холста в нашем доме.

Тодур стал сердиться на истинных виновников его тяжелой жизни — власть имущих. Он мысленно спорил с ними: силой захватили нашу землю захватчики и отторгли Бессарабию от Советской страны. А ведь как ни трудно было в восемнадцатом, бедняки успели понять, что Советская власть — для них и ради них.

... Шерсть берут, виноград берут, фрукты берут! А налоги! За землю, за скот, за птицу, за ремесло и черт его знает за что еще станут брать! Вот Кеор Симу — кларнетист, человек совсем слепой, живет в вечном мраке. И надо же у этого несчастного налог брать да еще его лохмотья конфисковать за недоимки, видите ли, за то, что играет на кларнете. Селяне приглаша-

¹ Примария — сельская управа при власти бояр (рум.).

ют Симу играть на свадьбах и дают ему на пропитание, чтобы несчастный по миру не пошел... А власти — мол, зарабатывать, казну грабишь, королю налог плати! Изверги, не стесняются у умирающего от голода в пазухе хлеб искать!

Тодур плюнул от злости, вытащил из огня раскаленную подкову и, переворачивая, продолжал бить по ней. Наковальня звенела тонким мелодичным звоном. Зина, раздувая мехи, задумчиво смотрела на ловкие, точные удары отца.

— Ну, я пошла, — сказала она, — мне еще рожки трясти и полы глиной мазать.

— А мать что делает?

— У нее тоже работы хватает. Искупала Петю, а теперь кормит его.

— Ты мне еще ненадолго нужна здесь... или ладно, я все сделаю сам, а ты иди помоги маме.

«Была бы ты мальчишкой, — в который раз подумал Тодур, — нашлась бы для тебя работа...»

У кузнеца было два сына: старший — Вани (его отец считал уже почти взрослым, он учился в третьем классе) и младший — еще в саллангаче¹ — Пети. Старшего сына Тодур не спешил перегружать работой. Пусть растет, учится, думал он, успеет помогать в хозяйстве, главное, подготовить из него надежного помощника в борьбе, без которой, Тодур это твердо знал, не обойтись.

Вместе с Вани училась Галя, дочь школьного учителя, жившего по соседству. Дети везде бывали вместе и были очень привязаны друг

¹ Саллангач — люлька, колыбель (гагауз.).

к другу. Отец Гали, Иван Петрович Галев, и Тодур Чилингир были знакомы давно. Еще когда Вани и Галя были малышами, родители договорились учить их не только румынскому, на котором учили в школе, а еще и русскому языку. Иван Петрович Галев был опытным педагогом и имел хорошую домашнюю библиотеку. Он взялся учить детей дома. Галев приехал в село Долукиой из России, женился на местной девушке и учительствовал в сельской школе. Почему он покинул Россию, никто не знал. Чилингир был уверен, что Галев не от Советской власти бежал, а нес ее с собой.

Когда Вани перешел в третий класс, они с Галей ежедневно после уроков приходили к ней домой заниматься русским. Дети подружались еще больше. Легко и непринужденно они чувствовали себя в обоих домах, где их одинаково любили. Особенно их связывало тайное изучение русского языка. Эта тайна помогла усваивать русский язык быстрее, чем школьные предметы.

В семье Тодура очень любили цветы. Их цветник был лучшим в селе. Детям очень нравилось ухаживать за ним. Вместе со взрослыми с кувшинчиками или сусаками¹ в руках они поливали цветы, подвязывали их. Здесь были крупные и мелкие розы, тюльпаны, петушки. Самые разнообразные расцветки и причудливые формы радовали глаз. Особенно обильным было осеннее цветение. Краски и запахи становились более насыщенными.

---

¹ Сусаки — пустотелые тыквы (*гагауз.*). На Буджаке из них делают лейки, черпаки и другую посуду.

Стоял сентябрь. Вани и Галя возвращались из школы. Вдруг у перекрестка мальчик остановился и воскликнул:

— Галя, Галя, смотри: журавли, журавли летят!

— Ку-у-ур-р-р курлы, ку-р-р-р! — слышались голоса небесных путников. Они взмахами крыльев то ли приветствовали детей, то ли прощались с ними.

— Вижу, Вани, вижу! Вот они в два ряда цепочкой построились! — закричала девочка.

— Давай сосчитаем их!

— Давай! Раз, два, три, четыре, пять! — Сине небо слепило глаза, а журавли становились все мельче, и непривычная грусть овладела детскими сердцами... Шальная длинная паутина легла на детские лица и даже запуталась в Галиных ресницах.

— Ах, эта паутина лезет мне прямо в глаза. Она меня сбила.

— И меня тоже.

— Ну вот, а журавли уже улетели.

Странно, почему из множества перелетных птиц именно отлет журавлей действует с такой покоряющей силой грусти на взрослых и детей, на стариков и молодежь? Загадка...

Галя, которая до того хотела попрыгать на одной ноге, для этого отдала Вани сумку, сейчас погрузилась и притихла. А он стоял с двумя домоткаными торбочками, сделанными с большим вкусом: их углы завершались крупными кистями из разноцветных шерстяных ниток, из тех же ниток были сплетены их лямки. Сейчас на них тоже легли тоненькие серебристые па-

утинки.

Дети возвращались домой притихшие и по-грустневшие, позабыв, что большинство их сверстников завидовали им, учащимся. Из всего села, где было около четырехсот детей, учились не более сотни.

С соседней улицы слышались тревожные голоса, залаяли собаки. Задыхаясь и плача, бежала женщина в черном... Это перчепторлар — сборщики налогов рыскали по селу. Особенно осенью они ни днем ни ночью не давали людям покоя, горсти зерна нельзя было припрятать от них.

Несмотря на свой возраст, Вани и Галя понимали, что такое сбор налогов. И в их давешнее веселье и в отлетную журавлиную грусть как будто вторглось что-то грозное из взрослой жизни, и потому они молча разошлись, кивнув друг другу. Вани отдал сумку Гале и не стал приглашать ее в свой палисадник. Хотя обычно они любили возиться, вскапывая землю, поливая цветы и собирая букеты в самых неожиданных сочетаниях. Этим, кстати, они и удивляли и сердили взрослых, потому что в те времена в наших местах цветы приносили только в дом, где покойник.

В этом году цветы в палисаднике Чилингиров росли буйно. Некоторые поднимались выше изгороди и выглядывали на улицу. Осенью, вплоть до первых снегов, цветы продолжали украшать двор этого малозаметного домика. У цветника останавливались сельчане, любуясь, да и сам Тодур любил постоять, вдыхая сложный аромат и тоже любуясь, хоть и делал вид, что ему не до цветов. И только сегодня некому было любоваться.

В разных концах села люди повторяли: перчепторлар, перчепторлар...

Зина вошла в избу.

— Мам, там к тебе пришла какая-то женщина, просит цветы.

— О боже, неужели опять кто-то умер?! — воскликнула Марина, отнимая ребенка от груди и кладя его в саллангач — люльку.

— Зина, — сказала она дочери, — качай Петю, он должен скоро заснуть.

Женщина ждала Марину возле дома.

— Прошу тебя, мари гелин¹, дай мне немного цветов и пару веточек базилика. Какой же у вас красивый палисадник! Ох, родная моя, где бы люди брали цветы, если бы вас не было?

— Булю² Маричи, кто у вас умер?

— Нашего Степана сын. У него близнецы родились, так один на второй день от роду скончался, по нем мы хоть не столько горевали, а этому уже три года было. Как же трудно растила его невестка, какой чудесный мальчик был, хорошо говорил уже!..

Слезы мешали женщине разговаривать, концами черного платка она то и дело вытирала глаза.

— Сегодня уже две женщины приходили за цветами. Юрекь³, булю Маричи, юрекь повсюду.

— Да, да, наш тоже умер от юрекь-гезен-

---

¹ Мари — обращение к женщине, гелин — невестка (гагауз.).

² Булю — тетя, обращение к пожилым женщинам (гагауз.).

³ Юрекь — дизентерия (гагауз.).

тери, да поди она, проклятая, даалара-ташлара¹. Откуда свалилась на наши головы? Уносит самых маленьких, самых невинных.

— Мои дети тоже в опасности, булью Маричи, девочка, пожалуй, уже вышла из этого возраста, но мальчишка в любой момент может заболеть.

— Ах, мари гелин, и взрослые болеют от этой гезентери, избави нас бог от этого несчастья. Возьми немного святой воды и побрызгай в доме.

— Не знаю, поможет ли это, очень боимся. Наверное, потому мне снятся такие страшные сны. Я даже не хочу их никому рассказывать.

— Разве не будешь бояться,— говорила булью Маричи, продолжая вытирать слезы концами платка,— эта болезнь без добычи не уходит. Аман, аман! — произнесла она возглас высшего несчастья.

— Теперь это случается так часто! На прошлой неделе тоже приходила одна женщина за цветами, и мы с ней немного поговорили. К нам постоянно приходят за цветами, поэтому мы первые узнаем о новой смерти. Я слушаю этих людей, и всех мне их жалко. Сразу начинаю думать о своих. Иногда мне кажется, что в нашем селе не останется ни одного ребенка.

— Все же славные у вас цветы! — отвлеклась женщина, глядя на палисадник. — Великое это дело, Марина!

— Э, сестра, разве для смерти разводили мы цветы, для красоты, думали. А тут вот ге-

---

¹ Даалара-ташлара — пропади пропадом (гагауз.).

зентери и покойник за покойником...

Медицинское слово («дизентерия») наши гагаузы произносили как гезентери, что означало («много бегать»). Уже пожилым человеком я узнал, что у сибиряков эта болезнь тоже называлась «ямщину гонять».

— О чем же вы говорили с той женщиной, мари гелин? — спросила после паузы Маричи.

— Батюшка Мокану говорит, на их магале похоронил в один день троих детей, айолум!¹ На поминках люди спросили у него: «За что же бог забирает малолеток, чем они так провинились перед всевышним?» И поп ответил, что это божья кара за то, что в селе так долго церковь закрыта.

— А может, и впрямь причина в том, что народ стал бессердечнее, бога забывает. Вчера опять ходили сборщики средств на достройку церкви. Исколесили все село, а Титур Ангил и Минку Христу рассказывают, что еле-еле собрали мешок ячменя. Народ никак не хочет жертвовать на церковь. Вот до чего мы дожили. мари гелин!

— А что же люди могут дать, Маричи булю? — спросила Марина. — Урожай год от года слабее. Там, где два колоса, растет один. Кормов не хватает. Поля обрабатывают только вручную, скот падает, а сборщиков становится все больше: перчепторлар дерут, на церковь собирают, на монастырь собирают, пастухам дай, сторожам, гардистам² дай, а сами в конце концов остаемся голодными.

---

¹ Айолум — милая (гагауз.).

² Гардисты — помощники жандармов из местного населения.

— Это верно,—согласилась женщина, от горя не совсем понимавшая, какой оборот приобретает разговор, и, немного собравшись с мыслями, добавила:— Но какие же мы христиане, если не будем давать денег на достройку церкви? Аллах уже не может терпеть наших грехов и являет нам разные знамения. У меня, айолум, тоже нечего было дать, но я тайком от Степана все же дала сборщикам миску пшеницы. Только бы поскорее закончили ремонт и открыли церковь.

Женщины зашли в палисадник. Марина, собирая цветы, продолжала разговор.

— А ты не слышала, что наши подаяния попадают ладно бы только к бабушке в карман, а то и к примарю, и к примаряткам, и к подрядчику.

— Господи,—встрепенулась Маричи.— Разве на такое может пойти христианин? Если среди нас есть такие, то нечего удивляться, что кара аллаха обрушивается на детей. Видно, конец света приближается! А кто тебе это сказал?

— Однажды к нам в кузницу пришел Тодур Арфонос. Они разговаривали об этом с моим мужем, а я, как водится у нас, женщин, немножко подслушала. Арфонос говорил об этом с опаской. Главный вор, оказывается, сельский примарь и сам бабушка Мокану. С ними заодно также сборщики Титур Ангил и Минку Христу, им тоже кое-что перепадает.

— Аман аллахым¹. Как люди греха не боятся! И не думают о том, что в аду придется гореть. Вот из-за таких и гибнут наши безвинные дети, аа-аа-а-х-ах!

— Не знаю,—сказала Марина, внутренне не соглашаясь с этим,— правда это или нет, но вы-

---

¹ Аман аллахым!— О боже! (гагауз.).

ходит, муж прав, что не разрешает мне давать что-либо на ремонт церкви. Он говорит, что все сборщики — воры. Только однажды, чтобы окончательно не впасть в грех, я тоже тайком от мужа дала им ведро кукурузы.

— Мари гелин, а ведь если хорошенько подумать, то мужья наши во многом правы.— Мысли Маричи круто изменили направление. Горе не мешает женщине быть мудрой.— Подумать только — пять лет уже ремонтируют церковь. Что там и отремонтировать-то? Каждый год собирают, собирают, а дело на месте. За это время можно было новую построить, не то что старую отремонтировать.

— Закрыли церковь на ремонт и теперь под этим предлогом грабят,— согласилась Марина.— А мы, дурочки, все несем и несем им в мешки, отрываем от детей!

— Я слыхала, будто жена самого примаря заявила, что церковь на следующий год уже откроют.

— Так она и в прошлом году говорила. Муж говорит, что примарю выгодно тянуть работы.

Женщины умолкли. Марина, рассмотрев приготовленный букет, предложила:

— Вот, пожалуйста, Маричи булю, цветы и несколько веточек базилика.

— Спасибо, гелин. Какие свежие, красивые цветы! Если бы не покойнику нести, а дарить молодым, идущим на свидание,— заплакала Маричи.— Возьми, пожалуйста, несколько монет за цветы,— сказала она, поднимая подол верхнего платья из домотканой тонкой шерсти и шаря в кармане нижнего.

— Не надо, Маричи булю, мы не продаем

цветы. Не хватало только еще продавать их для покойников.

— Тогда еще раз спасибо, Марино!

— У Степана есть еще дети?— спросила Марина, провожая женщину.

— Да, трое. Две девочки и мальчик. Дай аллах хоть им здоровья. Они постарше, может, несчастье их не коснется.

— Маричи булю, и в вашей магале ходят эти перчепторлар?

— Конечно, ходят, где только они не ходят? У наших соседей отняли последние тряпки и единственную лошадь увели.

— Мы тоже их боимся,— сказала Марина,— нам часто напоминают о налогах на кузню. А Зине надо приданое готовить. Отказываем себе во всем, а еще не собрали. Подрастет девушка, стыдно будет. Муж в кузне зиму и лето коптитса да и труд нелегкий, а эти негодяи готовы по миру пустить.

— До свиданья, Марино, пойду, а то дом остался без присмотра. Надо невестке помочь, она от горя совсем потеряла голову.

Пришла новая осень. Работы по ремонту церкви в селе Долукой с грехом пополам были завершены. В последний раз собрали у кого что смогли урвать: полотенца, лампадное масло, камни для забора. Церковь была побелена и выкрашена.

В конце концов в день святой богородицы было назначено освящение и открытие церкви. После этого торжества храм стал носить имя богородицы. Власти рассчитывали, что ежегодно день пятнадцатого августа будет отмечаться населе-

нием как двойной праздник: день храма и богородицы девы Марии.

В то утро площадь в центре села была вся заполнена народом. Примарь Вану Чювенжи, опоясанный трехцветным кушаком — цветов государственного флага, — знаменующим полноту власти, давал последние указания. Несколько пожилых мужчин с хоругвями и крестами в руках выстроились перед входом в храм с обеих сторон вымощенной и зацементированной дорожки, устланной коврами. Поодаль стояли жандармы во главе с шефом при всех регалиях, в блестящих остроконечных шлемах, за плечами грозно торчали стволы винтовок. За ними выстроились гардисты. Это были местные доносчики и сыщики, которых власти содержали за счет всевозможных сборов от населения. Видно было, что они вышли не на прогулку, а находятся на службе. В руках у гардистов были длинные палки — это простое оружие находило широкое применение.

— И эти холуи повсюду! Целая свора! — сказал Кыяк Диму стоящему рядом с ним Кючюк Иорьги. Иорьги не собирался идти сегодня в центр, да Диму его уговорил.

— Истя, сс-ссобаки ссобак стерегут, тт-тто-то, — метко бросил Иорьги о гардистах.

Диму и Иорьги жили по соседству и дружили. Они везде бывали вместе. Эти двое неразлучных были очень непохожи друг на друга: несколько неуклюжий Диму и юркий, подвижный Иорьги, который к тому же сильно заикался. Он очень любил в начале фразы произносить ничего не значащее гагаузское слово «нестя» — в нем он меньше заикался, — но и его не выговаривал правильно, а по-своему «истя!» В середине предложения он надолго задерживался на согласных и

в конце вставлял другое свое любимое слово «то-то», используя его как бы для тормоза, потому что после разгона ему трудно было останавливаться. Они молча ждали, что будет дальше.

С церковной паперти шесть священнослужителей торжественно читали молитвы. Среди них был и местный священник Мокану. Святые отцы блистали золотом риз, в одной руке каждый из них держал крест, а в другой кадило. Громко произносились молитвы, дымили кадила. Густой запах ладана обволакивал неподвижно стоявших богомольцев. Около десяти утра послышались тяжелые и редкие удары самого большого церковного колокола. Звон его был какой-то потрясающий. Из-за угла вынырнул новый блестящий автомобиль. Толпа как по команде повернула головы. Это чудо в селе видели впервые.

— Акыз¹, что это за чертовщина, как же он без лошадей сюда приперся?— шептались в толпе Дони Саургун и Санда Станилерин.

— Ты что мелешь, мари, «чертовщина»?!— сказала Санда.— Языком треплешь, говорят в этом..,— она показала пальцем на автомобиль,— приехал святой из святых — епископ!

— Не епископ, мари Санда, а епископ, сказали, приезжает.

— Бог его знает, как его по-настоящему зовут, но говорят, что важный человек.

Епископ приехал из Аккермана, чтобы освятить вновь открывавшуюся церковь. Власти старались сделать этот день как можно торжественнее, чтобы создать впечатление большого праздника. Они надеялись, что теперь эти толстокожие гагаузы станут отмечать день храма. Другие ре-

---

¹ Акыз—обращение к женщине, синоним мари (гагауз.).

лигиозные обряды и праздники неплохо укоренились у населения, а вот храмовый праздник среди этого сборища разных наций на юге Бессарабии никак не хотели отмечать.

Как жертвоприношение храму три сельских богача зарезали по быку. На окраине села, прямо под открытым небом, в наспах установленных котлах варили похлебку для бедняков, а во дворе примаря — сельского старосты готовили трапезу для его преосвященства епископа Аккерманского и Измаильского и для сельской знати.

Черный автомобиль остановился у церкви. Все священники и хор певчих пели возвышенные гимны в честь высокого гостя... аллилуйя, аллилуйя! Жандармы и гардисты кричали «ура». А толпа не знала, что ей делать. Люди, раскрыв рты, глазели на необычную одежду и длинную палку церковного владыки. Он прошел по коврам, поднялся на паперть. Дверь храма была распахнута, посредине виднелась протянутая лента. Три человека из постоянных посетителей церкви на тарелке преподнесли епископу ножницы. Владыка благословил подателей и, взяв ножницы, разрешил ленту. Затем медленно повернулся к народу и важно объявил от имени господ бога, что долукойская церковь открыта для богослужений. Церковный староста Титур Ангил и его помощник Минку Христу принесли святую воду в большом серебряном сосуде и вручили его преосвященству епископу снопом из базилика. Владыка отпустил эту воду, оформил крестообразно дверь и стены обновленного храма, затем — стоящих поблизости людей. Епископ возносил хвалу господу за то, что он помог совершить народу это трудное, но богоугодное дело. Хор певчих

CASAUL MILLIARINI

№ 10114

CENTRUL DE CERCETARI
STINTIFICE AL GAGAUZIEI

НИЦ ГАГАУЗИИ
им. М.В. МАРУНЕВИЧ

АРХИВ
СТЕПАНА КУРОГЛО

подхватывал его слова и пел то «Аллилуйя», то «Господи, помилуй», то «Поддай, господи».

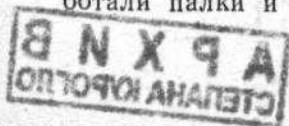
Первым в церковь вошел епископ, за ним местный священник Мокану и приехавшие на торжество священники из окрестных сел, за ними вошли представители власти. Легкий ветерок делал теплую погоду более прохладной и приятной. Воздух был наполнен запахами ладана; слышались церковные песни и крики «ура». Гардисты надрывали глотки за себя и за молчащую толпу. Люди устремились к дверям храма. Они хотели посмотреть, как выглядела новая церковь, на которую они столько раз давали свои трудовые гроши.

— Ура-аа! Да здравствует его преосвященство епископ Аккерманский и Измаильский! Да здравствует его величество король Карл Второй! — начинали жандармы, а гардисты подхватывали неправильно, но громко выговаривая слова здравицы. Они хотели заставить кричать собравшихся. Подталкивали то одного, то другого, но дружное «ура» не получалось.

Подошедший к Иорьги и Диму их сосед Арфонос Тодур сказал:

— Эти за стакан вина всю неделю будут кричать! — кивнул он в сторону гардистов. Тодур был одет, как все, в домотканые штаны и рубаху, босой. И все-таки вид у него был торжественнее и строже других...

За вошедшими в церковь представителями власти ринулся весь народ. Все спешили, каждый старался пролезть, впереди в дверях образовалась пробка. Теперь уже никто не мог двинуться с места. Были слышны крики и стоны. К толпе бросились жандармы и гардисты, и заработали палки и кулаки. Разогнав толпу, блю-

стителю порядка стали пускать в церковь только прилично одетых крестьян, а босоногих бедняков, цыган, нищих отгоняли дальше от святого места...

В церкви началось богослужение, которое длилось до часу дня. Люди, оставшиеся на площади, о чем-то говорили, сожалели, что не смогли попасть в храм, и уже начали расходиться по домам, однако многие остались до окончания службы, желая увидеть, что будет дальше.

Детей на площади становилось все больше. Они как мухи облепили машину епископа. Два вооруженных жандарма не могли справиться с любопытными голодранцами. Один из жандармов не долго думая так огрел кого-то из ребят, что завопили все и бросились врассыпную. К машине дети больше не подходили, но и расходиться не хотели. Теперь они смотрели на нее издали, находили в пыли следы колес, щупали и даже нюхали их...

Богослужение закончилось. Выйдя из храма, епископ соблаговолил повторить проповедь для тех, кто не уместился в церкви, а таких было много. Люди слушали, умилялись, толпились поближе к высокому священнослужителю. Наконец устроители праздника решили дать слово представителю народа. Для этого загодя был выбран Тодур Арфонос. Говорил он мастерски, с прибаутками и пословицами, да и с властями был в ладах, несмотря на то, что был беден. Между тем Тодур, и до того-то редко ходивший в церковь, был прямо разгневан праздником открытия и освящения храма. И решил, что настал его час. «Будь что будет, должен же я сказать когда-то правду беднякам, коли сам ее знаю».

— Дорогие односельчане, гости, ваше прео-

священство,— начал Тодур, обведя взглядом публику и низко кланяясь епископу и начальству. Казалось, выступавший вышел только для того, чтобы поблагодарить власти, но вышло иначе.

— В торжественный день собрались мы здесь,— продолжал оратор,— сегодня празднуем день пресвятой девы Марии. Господь бог, который находится над нами, говорят, всевидящий и знает не только наши дела, но и помыслы! Правду ли я говорю, братья?— спросил Тодур толпу.

— Правду, правду!— отвечали люди, удивляясь тому, что и у них о чем-то стали спрашивать.— Валяй дальше,— крикнул кто-то сзади.

— Спасибо господу, что дожили мы до сегодняшнего дня — дня открытия нашей церкви. С трудом и страданиями, но все же дожили. В поте лица трудились мы и сделали большое доброе дело — построили богу дом! Правду ли я говорю, люди?— снова спросил выступающий, но в этот раз мало кто ответил на его вопрос. Слушатели недоумевали. Куда он клонит? Все ждали, что же он скажет дальше. Жандармы и гардисты, чувствуя, что в толпе беспокойно, ходили между людьми, кое-кого одергивали.

— Пять лет (а это не пять дней), братцы, строили мы господу богу дом,— продолжал Тодур.— Понадобилось немало терпения, ведь последнее отдавали, терпя голод и холод. Построили, наконец. Правду ли я говорю, дорогие? Только, братцы, я одного не могу понять, как это случилось, что наша церковь смогла родить. За пять лет она заимела маленькую церквушку: разве у господина примаря дом не похож на церковь, ведь он только по величине уступает этому?— Тодур указал на храм. Руководство растерянно поглядывало вокруг. Нужно было срочно что-то

делать, а что именно, никто не знал, а Тодур продолжал:— Разве это неправда, долукойцы?

С первой же фразы речь Тодура Арфоноса не понравилась примарю, ну а этот последний вопрос как будто уколел его прямо в сердце. Слушатели же были похожи на черные тучи пред грозой.

— Правду говоришь, так и есть! Продолжай дальше!— слышались голоса. Тодур Арфонос посмотрел направо, где в толпе стояли его знакомые и друзья: учитель Иван Петрович Галев, кузнец Тодур Чилингир, крестьяне Кыяк Диму, Ялама Пани, Кючюк Йорьги и другие. Оттуда тоже доносились голоса: «Это правда! Церковь ремонтировали, а себе дома строили, народ грабили».

— Во имя божье грабили,— громко сказал Тодур,— а вы чего ж обижаетесь: сами отдавали последнее.

Мы хотим спросить сегодня примаря: зачем для церкви два раза кровлю привозили? Зачем понадобились кирпичи, если не возводились новые стены? Первой партией жести, предназначенной для церкви, примарь покрыл свой дом и кирпичи использовал для постройки своего дома!

Терпение у примаря лопнуло и, несмотря на присутствие епископа, он приказал жандармам схватить оратора.

Как же примарь с самого начала не догадался, что этот босоногий замышляет такую пакость?! От злости Чювенжи не находил себе места.

Жандармы схватили Тодура за полы антери¹, пытаясь оттащить его в сторону. Тодур держался изо всех сил и продолжал говорить:

— Примарь снюхался с жандармами, ради

---

¹ Антери — национальная одежда гагаузов, куртка, расшитая тесьмой.

наживы затоптал в грязь наши христианские чувства, он — безбожник и вор!..

Большинство собравшихся дружным гулом одобрения поддерживали оратора, удивляясь его смелости. Постепенно толпа окружала выступающего все теснее. Стражи порядка уже орудовали там палками, но не могли заставить Тодура замолчать.

— Примарь — наш главный мучитель, а поп Мокану и его прихвостни Титур Ангил и Минку Христу — стяжатели, обманщики, подлецы... И вы, разбойники! — кричал Тодур на гардистов и жандармов. — Служите на задних лапах перед ними, терзаете народ, а взамен собираете объедки с господских столов...

Один из гардистов ударил Тодура палкой по голове, а другой набросил на него шинель. Тодура, как огромную куклу, потащили на жандармский пост. Толпа шла следом, были слышны крики: «Освободите его!» Жандармы схватили еще несколько человек. Тодур пытался что-то еще говорить, но понять его было невозможно.

«Вот, оказывается, что замышлял этот «тихоня», — думал про себя примарь, — а я ему предложил возможность выступить...»

— Собака! — процедил он сквозь зубы.

Во время этой суматохи епископ сел в свой черный лимузин и уехал восвояси, подальше от беды. Не успело местное начальство угостить святого отца и торжественно проводить его. Только печальный звон большого колокола возвестил о его отъезде. Люди расходились с площади растревоженные. Им было о чем подумать после смелого выступления Тодура Арфоноса. Так неожиданно завершился праздник освящения церкви.

Вани был еще слишком мал, чтобы разобраться в окружающей действительности, но с каждым днем он все яснее понимал, что жители села делятся на два противоположных, враждующих между собой лагеря — богатых и бедных. Это разделение можно было наблюдать не только среди заказчиков отца, но и среди детей в школе. Более того, учителя, которых Вани вначале всех без исключения считал самыми хорошими людьми, делились, оказывается, на сочувствующих беднякам и враждебных им. Все это производило на мальчика сильное впечатление, заставляя задумываться, по-взрослому оценивать происходящие события. Вани любил учиться. Он быстро усвоил румынский язык, блестяще успевал по письму, чтению, счету. Один из учителей, господин Деллаолту, неустанно превозносил короля и заставлял класс молиться. Он мог прервать урок на самом интересном месте и приказать: «Ла ругэчуне!»¹ Ни в чем ему не уступал и сельский священник Мокану. На уроках закона божьего поп прилагал исключительное усердие, чтобы воспитать в учениках веру в бога и короля. Мальчик внимательно наблюдал за всем этим, пытаясь разобраться. Он уже хорошо понял то, что бедные люди бедны не потому, что они хуже богатых. Поэтому мальчик внимательно прислушивался к словам отца, который говорил: «Есть на этом свете и у бедняков друзья! Вот увидишь, Советская Россия нас не забудет, придет на помощь, а там у власти бедняки, рабочие...»

Тодур Чилингир был знаменит своим мастер-

---

¹ Ла ругэчуне — к молитве встать (рум.).

ством не только в Долукиное, но и далеко за его пределами и пользовался большим уважением как человек смелых, а иногда и пугающих мыслей. Даже трудно было определить, за что его больше уважали — за ремесло или за ум и смелость высказываний. Детей Тодур старался воспитывать честными и справедливыми, но незаметно прививал им и осторожность, без которой не долго звенел бы его молот в кузне.

— Школа, сынок, дело хорошее, но власть-то в руках дармоедов,— говорил Тодур,— а учителя служат власти, оправдывают ее,— отец задумывался и добавлял:— А все же знания кое-какие дают — по счету, про растения и животных... Учись отделять мусор от полезных знаний!

Кузнец прекрасно понимал, что школа может отравить детское сознание едва ли не хуже церкви, но и не хотел, чтобы сын остался неграмотным. Да ведь в школе был не один Делаолту, был и Иван Петрович.

Прошло время. Вани и Галя перешли в четвертый класс, совместная учеба детей с каждым днем укрепляла их дружбу. Вани уже хорошо владел румынским языком и еще лучше русским. Он вместе с Галей после уроков в школе учил наизусть стихи Пушкина, басни Крылова, с интересом дети читали рассказы Чехова. Все эти книги были в домашней библиотеке Ивана Петровича.

* * *

В школе Иван Петрович Галев беседовал со своим коллегой господином Делаолту.

— Да, господин Галев, способный мальчик у

этого кузнеца, — говорил Делаолту об ученике Вани Чилингире.

— Я тоже это заметил, коллега, — сказал Иван Петрович, — у него великолепная память и собранность, как у взрослого.

— Родись он в более порядочной семье, я имею в виду обеспеченной, он сделал бы карьеру.

— Чем же плоха семья кузнеца?

— Не то, чтобы плоха, господин Галев, но там, кажется, большевистской заразой пахнет.

— Разве в нашем захолустье это возможно? — удивленно спросил Галев. — Как вам это удалось заметить?

— Да уж заметил! — похвастал Делаолту своей наблюдательностью. — А вы, господин Галев, заметили только его способности, значит, вы политически близоруки, а в наше время это недопустимо. — Делаолту помолчал и после паузы добавил: — Я недавно заметил, что он читал русскую книгу...

— При чем тут книга? — спросил Иван Петрович. — По-моему, книга в руках ученика — отрадное явление, на каком бы языке она ни была.

— Безусловно, безусловно, господин Галев, — Делаолту старался скрыть свою ненависть к России и к русскому языку, — но удивительно другое — откуда этот молокосос знает русский?

— Умному ребенку нетрудно изучить другой язык.

— Все это само собой разумеется, но возникает вопрос, почему он не выучил французский или английский, а выучил именно русский?

— Кому что нравится, коллега. Моя Галя,

например, свободно говорит и на русском и на гагаузском языках, к тому же отлично усвоила румынский...

— Вы — другое дело, — сказал Делаолту, — вы сюда приехали из России, русский — ваш родной язык, естественно, что ваш ребенок тоже его знает. Но ведь Тодур Чилингир — гагауз, в доме, я уверен, они разговаривают только на гагаузском и вдруг... ему зачем-то понадобилось обучить сына русскому языку. — Господину Делаолту была совершенно непонятна эта любовь к русскому языку и к России простых бессарабцев.

— По-видимому, не попалась ему французская или английская книга, а попалась русская в доступном изложении — вот он и увлекся. — Галев постарался закончить разговор, так как не без оснований предполагал, что именно Делаолту является одним из сыщиков сигуранцы, приставленных следить за прогрессивно настроенными людьми.

В селе Делаолту не пользовался особым уважением ни детей, ни родителей. Настоящим учителем люди считали Ивана Петровича Галева. Во-первых, за то, что он хорошо учил детей, не применяя телесных наказаний, которые были разрешены гласно и негласно, во-вторых, за то, что он был первым советчиком и помощником крестьян. Скольким людям он открыл глаза, скольким верный путь указал в туманные и запутанные времена до прихода Советской власти. Люди знали Галева и верили ему. В начале девятнадцатого года представители боярской власти объявили его, как и многих других, большевиком и выгнали из школы. Однако улики против него не нашлось, и, желая показать, что

местная интеллигенция в почете у новой власти, Ивана Петровича опять пригласили в школу, но не забыли установить за ним слежку сигуранцы. Галев был опытным конспиратором, и его не просто было захватить врасплох. Он прекрасно понимал, кем на самом деле является его коллега Делаолту, и частенько заводил с ним разговоры для того, чтобы лучше изучить противника. А Делаолту так и не узнал, что учитель Галев и кузнец Чилингир — давнишние друзья и что изучать Вани русский язык помогал Галев.

— Безусловно, другие языки тоже очень важны, — говорил Иван Петрович своему другу Тодуру, — но язык великой революции наши дети должны знать. Доживем, друг, до того дня, когда русский язык понадобится!

— Если мы не доживем, Иван Петрович, дети наши доживут. Спасибо вам, что помогли сына научить, я никогда этого не забуду, — благодарил кузнец.

— Доживем и мы и наши дети, — говорил Галев, — только не надо терять надежду, товарищ Чилингир. — Они с полуслова понимали, о каком дне шла речь. — Мы обязаны приблизить этот день всеми своими силами, — говорил Галев своему другу.

— Обязаны, но как? — спрашивал Тодур. — Почему так мало даете нам заданий? Ведь народ каждую минуту готов задушить своих мучителей, надо только начать.

— Нельзя начинать, пока не назреет момент и не будет приказа из вышестоящего центра. Не забудь, что мы с тобой в организации, а не в стихийно действующей бунтарской группе. Мы не можем устраивать драки где попало. Нам

нужно поддерживать народный дух, разъяснить, что день избавления недалек, что к нему надо готовиться, а когда настанет час — выступать решительно и сообща... Таковы задачи на данном этапе. Вот так и будем действовать.

— Мы всегда вас слушали, ведь вы — наш руководитель. Так будем поступать и впредь.

— Вы знаете, Федор Иванович, — сказал Галев, — примарь Чювенжи Вану зачастил в школу, я нередко его вижу с господином Делаолту. Вчера он опять приходил, я даже слышал, о чем они говорили.

— Может, Чювенжи решил наконец учиться грамоте или совершенствовать язык?

— Нет, друг мой, я полагаю, что тут другое, хотя он неграмотен и речь его ужасна. Он по-гагаузски говорит попеременно с румынским, а по-румынски — попеременно с гагаузским.

— А понять его не так просто и румынам и гагаузам! — добавил Чилингир, и друзья от души рассмеялись.

— Что же все-таки потянуло его в школу?

— А вот что: ходят слухи, что король готовит новый закон. Хочет распустить все партии.

— Наверное, ему показалось, что у нас слишком много демократии.

— Конечно, даже эту буржуазную пародию на демократию его величество хочет запретить в угоду фашистским элементам. А примарь хочет и при новом законе остаться на своем месте, поэтому учится у Делаолту, как стать фашистом.

Вот какой разговор услышал Галев в школе между Делаолту и примарем.

— Запомни, — говорил Делаолту, — имущие люди являются опорой государства. Голодран-

цы и босяки — это не сила. Из среды зажиточных людей должны расти и интеллигенция и политические лидеры. Поэтому я и настаиваю, чтобы именно порядочные люди (Делаолту всегда называл сельских богачей порядочными людьми) обучали своих детей не только в сельских школах, но и в городских и столичных лицеях и гимназиях.

— Это мне достаточно ясно, господин Делаолту. Но как в таком случае понимать королевскую конституцию? — спрашивал примарь, стремясь показать, что и он не совсем профан в политике.

— Что ты имеешь в виду? — спросил Делаолту.

— Конституцию, в которой написано, что все граждане нашего государства имеют одинаковые права.

— В законе много всего написано, но ты не забудь, что закон — это клочок бумаги, который находится в наших руках... Нужно уметь правильно ориентироваться в обстановке, господин Чювенжи!

— Вот сволочь! — сказал Тодур Чилингир. — И примаря приемам обмана и грабежа учит. Учи ученого.

— Делаолту только на том и держится, что подобные «законы» подхватывает быстро, здесь много ума не надо, как раз столько, сколько у него есть. Теперь понимаешь, как он ваших детей учит, разделяя их на «порядочных» и «непорядочных»? — спросил Иван Петрович.

— Двуличный он, — сказал Тодур.

— Вот тебе образчик королевской интеллигенции, — усмехнулся Иван Петрович. — Русская интеллигенция по-иному понимала и понимает

свой долг. В тяжелые времена она приносила себя в жертву ради интересов народа и родины. А эти — прислужники власть имущих да еще с фашистской идеологией...

Несмотря на брезгливое отношение к беднякам и их детям, господин Делаолту все же выделял среди них сына кузнеца Вани за его способности, стремление к знаниям и за его скромность, которая ему казалась покорностью. Он хотел, чтобы все дети богатых родителей были такими же, как этот босоногий Вани Чилингир. Их было бы легче учить. А то большинство детей «порядочных людей» учились плохо, портили настроение господину Делаолту.

* * *

Как-то в седьмом классе весной Вани стал пропускать занятия, а потом и вовсе перестал посещать школу. Господин Делаолту приказал заложить экипаж и поехал немного прогуляться по селу. Проезжая мимо кузницы, он решил зайти к хозяину, чтобы узнать, почему ученик не ходит в школу, а заодно прощупать настроение этих голодранцев. Для человека, занимающегося политикой, каковым считал себя Делаолту, это имело немаловажное значение.

— Тпру-у-у! — осадил лошадей кучер у ворот кузнеца. С заднего сиденья важно сошел учитель. Его узкое лицо под широкополой шляпой казалось еще уже. Он направился к кузнице, помахивая блестящей тростью, с которой никогда не расставался.

Во дворе у Тодура, как всегда в эту пору, было много людей. Здесь же Вани помогал отцу раздувать мехи.

— Здравствуйте, крестьяне!— ласково поздоровался Делаолту, приподнимая шляпу. Костюм Делаолту был новым, выглаженным, и от него несло какими-то духами. Он довольно грубо и неумело старался прикрыть свое истинное отношение к населению, за глаза часто называя их лапотниками и голодранцами. Особенно он ненавидел и презирал гагаузов.

— Господин Тодур!— обратился он к кузнецу, приближаясь к горячей наковальне.— Почему ваш сын не посещает школу?

— Что делать, господин учитель, сам я занемог, сильно в груди болит, а ведь семью нужно кормить, нужно работать, поэтому я и забрал его со школы, пусть мне помогает.

— И что же, вы решили его совсем не посылать в школу?

— Да, достаточно с него того, что он знает,— начал говорить Тодур не то, что думал, чтобы узнать мнение Делаолту. — Из нашей среды попом никто не станет, пусть сам зарабатывает свой кусок хлеба.

— Вы ошибаетесь, господин Чилингир!— продолжал хитрить Делаолту. — У нас каждый может стать тем, кем хочет, а ваш сын может стать и священником, и учителем, и агрономом. Он очень способный мальчик.

— Способный, но не во что его одеть и нечем накормить.

— Вы не так бедны, как стараетесь представить здесь, господин Тодур, а мальчик любит учиться и незачем отрывать его от школы.

— В моем доме все любят грамоту. Да и сам я когда-то хорошо учился в русской школе, но времена изменились и дальше продвинуться я не смог. — Тодур едва сдержался, чтобы не ска-

зять: «Если бы не ваша вероломная оккупация Бессарабии, возможно, и моя судьба сложилась бы иначе, а так...» Кузнец только глотнул слюну и после молчания добавил:— Вот и остался я здесь ремонтировать плуги и бороны таким же, как я, беднякам за горсть кукурузной муки.

— Если вы отпустите мальчика в школу еще в этом году, вы увидите, что он пробьет себе дорогу в науке.

— Оставьте, господин Делаолту, в наши дни в науку попадают дети богатых, а бедняки, даже очень одаренные, попадают туда!— Он показал на ручные мехи, у которых работал сын.— И на поле, к сапе...

Не понравились эти слова господину Делаолту. Он всегда считал, что к его словам прислушиваются все. И вот опять убедился, что во все не все и не всегда.

— Дело ваше, господин Чилингир,— поспешил завершить разговор Делаолту.— Мне очень жаль, что такой мальчик-феномен останется без образования.

* * *

Господину Делаолту совсем не нужен был Вани. После беседы с кузнецом он еще раз подумал о том, что эти босяки ненавидят власть, что это село Долукной — самое настоящее большевистское гнездо. А этот кузнец как будто и внутри пылал огнем, как пылал его горн. И что там за изделие накалялось? «Пускай у сапы и останутся!— со злобой подумал Делаолту.— Там не пошалишь! Да, таких совсем не стоит привлекать к учебе в школе!» Однако было горько от мысли, что не удалось воспитать верного слугу

короля, а может быть, и носителя идей самого Делаолту. Как ни презирал бедняков господин учитель, он понимал, что лучшие слуги режима — это лакеи из крестьян.

— Ку бине!¹ — бросил Делаолту кузнецу и, обводя мутным взглядом остальную публику, по-военному повернулся кругом и пошел к экипажу... На улице поднялось облако пыли и злобно залаяли соседские собаки.

Вани, увидев учителя, впервые зашедшего к ним во двор, по-детски смутился и отошел в темный угол. Он не хотел, чтобы господин учитель увидел его грязные от копоти лицо и руки, заплатанную рубашку. Мальчик внимательно слушал разговор отца с учителем. Он так и не понял, с добром или со злым умыслом приехал к ним учитель.

Вани стало больно, когда отец заявил, что больше не пустит его в школу. Ему было безразлично, на каком языке пойдет обучение. Он любил читать, писать, решать задачи и примеры, скучал по школьным товарищам. Сама мысль о разлуке со школой испугала его. Но и отец был прав во многом. Ему вспомнилось, как трудно было в школе первое время. В присутствии сынков богачей ему приходилось доставать из своей торбы положенный туда матерью завтрак — крошащийся малай², который нужно было есть с ладони, а рядом дети «порядочных людей» ели белый хлеб, мягкий и пушистый, как хлопковое волокно. Вани старался не смотреть на них, потому что ему невыносимо хотелось такого хлеба. Те-

¹ Ку бине — всего хорошего (рум.).

² Малай — хлеб из кукурузной муки (рум.).

перь многие трудности преодолены, дети «порядочных людей» охотно дружили с Вани. Они делились с ним белым хлебом, брынзой, конфетами. Порой сами не ели, а отдавали Вани, лишь бы он помог решить трудную задачу или написать сочинение. Мальчик старался помочь осмыслить написанное в учебнике, увлекался до того, что отказывался от оплаты. Он был честным, хорошим товарищем.

Одежда у Вани совсем прохудилась: ботинок не было, полушубок рваный. В разгар лета ему приходилось ходить в теплых шерстяных домотканых штанах «Разве неправду сказал отец, что мне не во что одеться,—думал мальчик,— правда и то, что иной раз семья садилась за стол, а есть было почти нечего...»

— Вспомни, сынок, что я говорил: учиться хорошо, да ведь надо учитывать, чему учат, как учат, кто учит! — сказал Тодур сыну, когда они остались одни.

— Папа, я буду учиться самостоятельно, — сказал Вани, — буду читать, писать, решать задачи, только купи мне учебники.

— Попросим Ивана Петровича, он добрый человек, не откажет нам в помощи, будешь ходить к нему каждый день учиться, у него и учебники для тебя найдутся.

— А Иван Петрович нам родственник? — спросил Вани после некоторой паузы.

— Нет, сынок, он нам не родственник, но роднее иных родственников. Вот повзрослеешь и сам поймешь.

Но мальчик и так прекрасно понимал, что Галев и отец были очень близкими друзьями, они хотят, чтобы все бедные люди на земле

жили хорошо, но Вани не догадывался, как это можно сделать. Ведь даже с ним, с Вани, отец как будто боялся говорить прямо. Все вроде намекал...

Прошлым летом во время косовицы его сестра и мать пошли с ночевкой к тетке косить ячмень, а он остался помогать отцу в кузнице. Вечером отец уложил его на сундурму — место для отдыха у дома, где было для них постелено, а сам, взяв ведра, пошел за водой.

— Спи, сынок, — сказал он, — мама и Зина не придут сегодня домой, а ты не бойся, ведь ты у меня уже большой, я сейчас вернусь и лягу рядом.

Сразу заснуть Вани не мог. Он услышал стук ведер, тяжелые шаги отца и скрип калитки... Потом прислушался к треску кузнечиков, посмотрел на ущербный месяц... На широкой сундурме рядом было постелено отцу. Сейчас он принесет ведра, повесит их на кривой сук абрикоса перед домом и ляжет рядом... Мальчик уснул...

Коротких летних ночей не хватало Вани для сна. Он спал крепко, и когда его утром будили, ему всегда хотелось еще немного поспать. Но в этот раз он проснулся до рассвета. В кузнице не было слышно звона наковальни, было темно, не пели петухи, и отца почему-то рядом не было... Вани почудилось, что в доме кто-то разговаривает. Он сразу узнал голоса: отец разговаривал с Иваном Петровичем Галевым на русском языке. В доме еще были люди, но их Вани не узнал.

— Товарищи, — говорил Галев, — самые опасные враги у нас — это Делаолту и его единомышленники. Это свора скрытых и явных фаши-

стов. Нам надо усилить разъяснительную работу, чтобы не допустить их влияния в народе. К сегодняшним страданиям и несправедливости они готовят новые, более страшные муки и горе народу. Трудящиеся должны знать, что час избавления близок, что только вместе с Советским Союзом мы сможем построить счастливую жизнь. Чем лучше люди поймут нас, большевиков, тем быстрее мы одержим победу... Скоро утро, нам пора расходиться.

Вани, случайно подслушавший этот разговор, понял, почему среди ночи эти люди собрались у них. Он догадался, почему такой близкий друг отца, Иван Петрович, никогда не бывает у них в гостях. Мальчик ничего не сказал отцу.

Весна постепенно вступала в свои права. Уже давно растаял снег, вдоль заборов образовались сухие дорожки, по которым ходили босые люди, начинали цвести вишни и жердели. Было тепло, с поля доносился запах первой травы. Почувяв этот запах, в селе то тут то там блеяли овцы, мычали коровы, телята. Скот просился на луга. В кузнице работы стало еще больше. Однажды Тодур сказал сыну:

— Сходи к Петю Геоза и скажи, что их заказ готов. Пусть завтра запряжет свою подводу, поедем в Болград за углем для кузницы.

Вани быстро умылся и направился к Геоза. Было обеденное время, и занятия в школе закончились. Проходя мимо, Вани невольно остановился у раскрытых дверей школы, сердце у него забилось. Из класса доносился голос Делаолту, наверно, он занимался с отстающими. Был бы он сегодня в школе, господин учитель уже пошел бы обедать. А с этими ослами — так называл Де-

лаолту тех, кто плохо учился,— остался бы Вани. Ребятам это было выгодно. Своего товарища они понимали лучше, чем учителя. Делаолту говорил по-румынски очень быстро и неразборчиво. Кроме того, внеурочные занятия с Вани заканчивались мирно. А когда с ними оставался сам господин учитель, финал очень часто был плачевным. Делаолту объяснял раз, второй, но если и на третий раз его не понимали, он от обычного метода обучения переходил к классическому.

— Турки, скоты, дураки!— кричал он во весь голос.— Стройтесь по одному у стола!— Сам брал упругий айвовый прут, специально для этого приготовленный, и бил по ладоням. Бедные дети устремлялись к дверям, а господин учитель бежал за ними и острым носком туфли бил куда попало. Дети убегали и учитель успокаивался. После такой дополнительной работы с отстающими Делаолту шел обедать...

Сегодня не выполнили задания и были оставлены после уроков почти полкласса. Делаолту объяснил урок второй раз, но никого пока не бил. У доски стоял Тоди Геоза, остальные что-то решали в тетрадах. Учитель вышел и остановился на ступеньках перед школой, чтобы выкурить сигару. Увидев его, мальчик поздоровался.

— Здравствуй, голубчик, что ты тут делаешь? Твой отец как будто не хотел пускать тебя в школу.

— Я иду к Пети Геоза по поручению отца и вот...

— А ну-ка зайди на минутку в класс,— ласково пригласил он мальчика. Вани вошел в свой класс, увидел товарищей-горемык, понуривших головы: Тоди Геоза, Герме Степу, Барза Вани, Коли Айы и еще многих. Сидели в основном де-

ти «порядочных людей», которые чаще оставались на дополнительные занятия. Никто из них не знал, да и сам Вани не догадывался, с какой целью позвал его учитель.

— Ну как, ты решил?— спросил учитель стоявшего у доски Геоза. Тот молчал, доска была чистая. Делаолту вызвал Степу Герме:

— Бери мел и решай! Ведь я только что объяснил вам этот тип задач.— Мальчик взял мел и принялся что-то писать, но так и не смог ничего решить.

— Выйди ты, Пети!— вызвал учитель следующего. Пети молчал.

— Выходите Иванчоглу, Паулеску, Трифоноглу, Гайдаржи, Кеменчежи...

У доски стояло уже восемь человек. Делаолту спросил остальных:

— Может быть, кто-то из вас сумеет решить эту задачу?

Ученики обреченно молчали.

— А ну, Ионел Чилингир, попробуй ты. Хотя давненько ты в школе не был, но, может быть, решишь?

— Хорошо, постараюсь, господин учитель.— Вани взял мел и стал писать, объясняя действия вслух. Так любил господин Делаолту.

— Аша-й, пуйуле!¹ Bravo! bravo!— приговаривал довольный учитель.

Как и ожидал Делаолту, Вани блестяще справился с задачей. Когда он закончил, учитель сказал:

— Вот видите, остолопы, мальчик уже два месяца в школу не ходит, ему никто эту тему не

---

¹ Аша, пуйуле — так, молодец (рум.).

объяснял, а решение он знает. А вам я вчера и сегодня объяснял этот материал, и никто из вас не смог решить. Почему вы такие тупые?—спрашивал Делаолту, сверля детей взглядом.—Ваши родители—видные люди села, настоящие хозяева, а вы только позорите их. Надо лучше учиться! Теперь быстро убирайтесь домой!—прогнал он провинившихся. И счастливые ребятишки метеорами вылетали из школы.

— Браво! Будь здоров! Теперь выполняй свое поручение.—Делаолту сунул в руку Вани двадцать лей.

— Мне не нужны деньги,—прошептал Вани.

— Молчать!—крикнул Делаолту.— Не перебить учителю!—и ушел.

Вани положил монету в карман, выбежал из класса и догнал ребят. Они весело благодарили его за избавление от айвового прута. А Вани шел и думал, что на эти деньги можно будет купить легкие летние штаны и не носить шерстяные, такие грубые, что они растирали колени до крови.

— Тебя что, учитель специально послал к нам, чтобы ты сообщил нашим родителям?—спрашивали встревоженные дети.

— Нет,—ответил Вани,—меня отец послал к Геоza.

Странно, но даже после такого триумфа Вани завидовал этим «ослам»—они продолжали учиться, а он шел по делу как подручный отца.

* * *

— Ты уже пришел?—спросил отец.—Что сказал Геоza?

— Его не было дома, но жена сказала, что

он помнит, о чем вы договорились. Завтра придет к нам на своей подводе.

— Что ты такой грустный?— спросил кузнец, прекратив работу и глядя сыну в глаза.

— Отец,— сказал Вани,— я хочу ходить в школу.

Тодур долго молчал и в конце концов спросил:

— Почему у тебя сжат кулак, что у тебя там?

Мальчик раскрыл ладонь, блеснула монета с профилем короля.

— Ты ходил бы в школу, сынок,— сердито сказал отец,— да вот эти виноваты,— он ткнул пальцем в изображение короля.— Этот проклятый немец пьет нашу кровь— и румын и бессарабцев.— Тодур опустил голову, его мозолистые, раздавленные тяжелой работой руки сами сжались в кулаки, открытая, в пятнах сажи грудь тяжело вздымалась. Кузнец обнял сына и поцеловал его в лоб.

— Папа, мне не нужен король этот.

— Э-э-э, Вани, если бы это от твоего желания зависело!

— Я хочу учиться вместе с ребятами.

— Будешь учиться, сынок, еще немного осталось ждать. Будешь учиться при Советской власти. А такие учителя, как Делаолту, тебя ничему хорошему не научат. Они враги и румынских и бессарабских трудящихся. Нельзя, чтобы такие типы отравляли вам души. Придут наши дни!— Вани не впервые показалось, что отец говорит от души, но и как будто повторяет чьи-то слова.

— Когда они придут?

— Придут, сынок, обязательно придут! Очень много крови пролито за это дело! Правда не мо-

жет умереть! Вот увидишь, вы будете счастливее нас.

Отец веселым жестом взъерошил Ванины волосы и произнес привычное: подрастешь — узнаешь.

Тодур говорил сыну правду, но Вани слышал не раз попа Мокану и учителя Делаолту, которые говорили совсем о другом со страстью и вроде бы убедительно, что предки бессарабцев и даже гагаузов были даки и римляне, и надо быть достойными предков, покорными и терпеливыми.

Отец тоже чувствовал, что сын его вырос и хочет понимать много глубже, полнее, потому и задает трудные вопросы.

— Да, кто тебе дал эти деньги?

— Господин Делаолту.

— За что? Чем ты заслужил?

И Вани рассказал подробно.

— Папа, а что с ними делать?

— Куплю тебе штаны. Ты-то их честно заработал... А выучиться ты еще успеешь. Я для этого сил не пожалею.

На следующий день Геоза Пети въехал на своей подводе во двор кузнеца. Крупные ухаженные лошади остановились против дверей домика, и в маленьком дворике стало негде повернуться. Геоза привез кузнецу два ведра мелкой картошки на семена в счет оплаты выполненного заказа и поехал с Тодуром на станцию Болград за углем. У Тодура было еще задание: под рубашкой у него лежал пакет от Ивана Петровича Галева, который он должен был передать Стояну Станеву, рабочему, заправляющему паровозы водой. Так поездки за углем помогали Тодуру выполнять роль связного с рабочими станции.

— Стоян с работы вернулся?— спрашивал Тодур.— Селям ему от уйчу Гани¹.

Уйчу Гани и был сам Галев. Стоян принимал пакет и отправлял его по цепочке в Бендеры. После этого кузнец нагружал подводу углем и отправлялся домой. Иногда Галев посылал бумагу на станцию Бессарабка. В таком случае Тодур привозил уголь с этой станции и передавал пакет Ангилу Кулеву, работавшему в паровозоремонтном депо. Через две эти точки осуществлялась связь сельской организации с городскими и руководящим центром.

В семнадцатом году Тодур Чилннгир, Иван Петрович Галев вместе со многими жителями села приветствовали революцию в России.

Крестьяне в то время плохо разбирались в происходящих событиях, но одно было понятно для всех: в России началась новая жизнь, была надежда, что трудовому народу станет легче, что крестьянство получит землю...

Но близкие и далекие враги Советов помогли румынским боярам отделить Бессарабию от Родины-матери... Иван Петрович Галев — старый большевик — лучше других понимал обстановку и твердо верил в то, что Бессарабия будет Советской. Ему было дано партийное задание: остаться на временно оккупированной Бессарабии, организовать подпольную работу, поддерживать дух трудящихся в трудное время и готовить их для выступления в нужный момент, когда накопится достаточно сил для работы за воссоединение.

Теперь у Галева было много помощников и друзей, готовых приступить к открытой борьбе с

---

¹ Уйчу — брат матери (гагауз.).

оккупантами, многие из них уже стихийно сражались с врагами, но кровопролитие в данный момент не имело смысла. Нужно было беречь силы. Галев собирал вокруг себя самых надежных товарищей, истинных патриотов, и с их помощью проводил большую разъяснительную работу. Главная задача была — сохранить в народе веру в то, что дело, начатое рабочими и крестьянами России, не погибло, что пробьет час и для бессарабского народа. Главным помощником Галева стал вскоре Тодур Чилингир, а затем и многие товарищи, составившие подпольную организацию большевиков.

Двадцать один год прошел с момента ухода русских войск. Народ был измучен, истерзан, но не сломлен. Разбуженные в Октябре люди не забывали короткого мига свободы и своих ожиданий в то время. Так что материал у Ивана Петровича, Тодура Чилингиря и их друзей был горячим, иной раз им приходилось подалеже прятать «спички», чтобы избежать «пожара». Надо было беречь организацию и ждать. А ждать, как известно, трудней всего...

Вечером Тодур возвратился с углем со станции Бессарабка в Долукной. Дома жена с сыном и дочерью посадили на огороде мелкую картошку, посеяли лук, чеснок, фасоль и другую зелень. Назавтра было воскресенье, и перед тем, как ложиться спать, Тодур сказал сыну:

— Завтра никуда не уходи, пойдем с тобой к столбовому камню.

— А что мы там будем делать?

— Завтра узнаешь, — ответил отец.

На околице села, где заканчивалась улица

Бююк Сокак¹, с незапамятных времен стоял каменный столб, который крестьяне называли Дирек Таш. Никто не знал, кто и когда его установил. И улица, где стоял камень, не зря называлась Бююк Сокак, она была прямая и намного шире других улиц села. К камню Дирек Таш привел своего сына Тодур Чилингир в то воскресенье.

— На этом месте, Вани, мы в восемнадцатом году распрощались с русскими братьями. Тебе уже шестнадцать, ты хорошо читаешь по-русски. Прочти и обдумай, что написали наши товарищи в те дни расставания, и ты поймешь, почему мы не теряем надежду на то, что день воссоединения недалек.

Мальчик с трудом прочитал на огромном каменном столбе выцарапанную солдатским штыком надпись:

«Бессарабия, уходя клянемся вернуться!
Большевики румчерода».

— Теперь тебе понятно, сынок?

— Понятно. А почему власти не снесли этот камень или не стерли надпись?

— Потому что не догадываются. А люди знают, да молчат.

Вани провел пальцем по еле заметным царапинам, словно проверяя надпись. И в душе юнца зовуще прозвучало загадочное слово румчерод.

— Скорее бы наступил этот день!

После того, как Вани с отцом побывали возле Дирек Таш, прошло менее года.

Дни были наполнены бесконечным ожиданием, когда слухи, рассказы отца, который все больше доверял Вани, намеренные обмолвки

---

¹ Бююк Сокак — Большая улица (гагауз.).

Ивана Петровича Галева как бы сливались в одно слово — скоро, скоро!

Но когда же?

Внешне Вани жил как обыкновенный сельский юнец, работал у отца в кузнице, по вечерам уже погуливал по посиделкам, поглядывая на девушек со смущением и задором. Многие сверстники не думали о том, о чем думал Вани, не ждали так, как он ждал, а жили просто, как извечно заведено. Передать им силу своей убежденности и своего ожидания Вани не умел да и не смел. Он понимал, что связан с отцом не только как сын, а работать с молодежью ему никто не поручал. Отец об этом не думал, Иван Петрович излишне осторожничал. Хотя поручения по связи вместо отца Вани уже выполнял не раз.

Весной того года крестьяне как и всегда мазили, белили дома, чистили, подметали дворы. Эти дела завершались перед выходом на основные полевые работы. И это негласное соревнование за чистоту заканчивалось смотром результатов на дернеке¹, где самые языкатые бабы весело и остроумно рассказывали о недостатках убранных того или иного двора.

Домочадцы Тодура Чилингера тоже были участниками этого общесельского соревнования. Узенький и низкий домик кузнеца не мог равняться с некоторыми соседскими по объему и красоте, но в отношении чистоты и порядка он им не уступал. Марина с детьми готовили свой домик и двор к весне. Стены выбелили, маленькие, словно игрушечные, оконца покрасили, палисадник очистили от сушняка, вскопали и подготови-

---

¹ Дернек — собрание, сход жителей села, улицы (гагауз.).

ли для высадки весенней рассады. Все было сделано заботливо. Только ветхую крышу домика хозяева не могли обновить. Погнивший от старости камыш крошился и падал во двор и палисадник. И кому-нибудь ежедневно приходилось этот мусор убирать. Не смогли к весне хозяева выпрямить и заднюю стенку дома, которая с каждым годом кренилась все больше и больше. Дворик кузнеца трудно было содержать в порядке из-за ежедневного многолюдья. Весной всего становилось больше — и поломанного инвентаря.

Здесь еле вмещался весь инвентарь, ожидавший ремонта: разобранные подводы, колеса, сваленные прямо у наковальни, бороны, сапы, топоры.

Сегодня на дворе кузнеца вокруг неразлучных друзей Кыяк Диму и Кючюк Иорьги собрались остальные заказчики. Кыяк Диму был одет в старый, разукрашенный сафьяновыми тесемками кептарь¹, серые домотканые дими² и чарыки³ из пестрой свиной кожи.

Иорьги был в колушке с рваными на локтях рукавами, из которых выбивались клочья овчины.

— Что будешь ремонтировать? — спросил Диму, стараясь как-то завязать разговор.

— Истя, а ты пр-разве не видишь? — вместо ответа спросил Иорьги, в этот раз не сумев завершить предложение привычным «то-то», толь-

---

¹ Кептарь — безрукавка из овчины с национальным узором (молд.).

² Дими — штаны из грубой шерстяной домотканой ткани (гагауз.).

³ Чарыки — обувь из свиной кожи (гагауз.).

ко пожевал во рту язык, как будто дожевывал непроглоченный кусок. У Иорьги все было необыкновенным и странным. Всеобщее внимание привлекала его манера разговаривать. Люди называли его толстозыким, говорили, что он жует язык, прежде чем выплюнет слово. И правда, прежде чем Иорьги начинал говорить, его острые длинные усы начинали шевелиться, приподниматься. Во время разговора концы усов были направлены вверх, а когда он заканчивал предложение, усы постепенно опускались вниз.

Говорил он редко, но зато к сказанному им ничего не смог бы добавить и сам шайтан¹.

— Вижу, что держишь в руках засов от двери,— сказал недовольно Диму.

— Истя, зз-засов, оббрезка начинается, ддверь ззакрою и ттуда, тто-то!— Иорьги показал на дорогу к винограднику...

Жил Иорьги вместе с братом в маленьком домике, похожем на землянку, недалеко от Тодура. Он часто заглядывал к Чилингиру. Здесь находил себе собеседника, здесь узнавал новости. Его брат овдовел еще в молодости, а сам Иорьги никогда не женился. Два брата, два существа жили на земле незаметно и честно. Бедность была их постоянным жизненным спутником. Мало хорошего они видели на своем веку, иначе и быть не могло. Их имущество состояло из старинного сундучка, унаследованного от матери. В сундучке хранились вещи, приготовленные на случай смерти и для особо важных дней.

Братья Кючюк добывали себе пропитание поденной работой у кулаков или же сторожили виноградники села.

---

¹ Шайтан — черт (гагауз.).

Сейчас Иорьги молчал. Разговор почему-то не клеился...

— И я пришел с пустяковым делом, хочу попросить кузнеца зубья для бороны сделать, да вот вижу, что очередь не подходит,— заговорил Диму.

— Истя, не сс-скоро пп-подойдет, тт-то!— ответил бормотанием Иорьги и снова замолчал.

Во двор кузницы зашел Тынчу Яраса, поздоровался и обратился к кузнецу:

— Тодур бате¹, я пришел просить вас, чтобы вы отремонтировали мой плуг. Скоро сеять, а он негодный. Оттянуть бы надо лемех. Сел совсем, тупой, как полено.

— Хей, дружок Тт-тынчо! Спросил ббы, кк-кто пп-последний в очереди, тт-тто-то!

— Разве ж я собираюсь вас опередить? Интересно только, сможет ли дядя Тодур отремонтировать.

— Э-э, брат, лемех оттянуть не косу отбить, тут работы!.. И ошибиться нельзя, пережечь, к примеру... Так что, Тынчу, оплату давай вперед.

— Разве вы забыли, что мы условились сами об оплате с нового урожая?

— Нет,— сказал кузнец,— уговори мою семью не есть до нового урожая, тогда я подожду с оплатой. Ты дай мне пару килограммов муки, и плуг сделаю.

— Что вы, друзья, я сам за муку с неба звездочку ловлю.

— Возьми у своего тестя!— сказал кузнец.— У него амбары трещат от зерна, а ты, глупец, за лепешку с неба звездочку ловишь.

— С тех пор, как умерла жена,— огорченно сказал Тынчу,— мы с тестем разбили миску.

¹ Тодур бате — дядя Тодур (гагауз.).

— Истя, богатства захотелось тебе, Тынчу,— вмешался в разговор Иорьги,— ввот ттебе и богатство, тто-то!

— У каждого свое горе,— обиженно сказал Тынчу и ушел, глубоко вздыхая.

Во двор кузницы зашел Бакал Андрей, здоровый парень лет восемнадцати.

— Тодур чичо¹,— обратился он к кузнецу,— отец просил, чтобы вы сегодня отремонтировали наш плуг. Мы опаздываем с севом ячменя.

— А твой отец послал миску фасоли?— спросил кузнец.— Он обещал.

— Не послал. Сказал, что нам самим на один раз сварить осталось. Просил передать, что с нового урожая даст вам целую демирли² ячменя.

— Скажи своему отцу, сынок, что до нового урожая еще далеко. Сегодня нужно что-то в рот класть, иначе этот молоток не поднимается...

Во двор кузницы постепенно стекался народ. Все спешили отремонтировать свой нехитрый инвентарь, чтобы скорее выйти в поле.

— Я— вдова, ты знаешь,— сказала Санда,— очень прошу, Тодур бате, отремонтируйте мой плуг.

— Немного позже, гелин Санда. Сначала отремонтирую подводу Мортолозова Манола, он мне обещал немного зерна. Ежедневно семья два раза садится за стол, а на столе, сами знаете, как бывает весной — негусто.

Для всех людей весна — время радостных тревог и радостных трудов для земледельца, пахота, сев, посадка овощей в огороде, да и сама весна — время всегда волнующее и прекрасное. Вот толь-

---

¹ Тодур чичо — дядя Тодур (*гагауз.*).

² Демирли — мера веса, равна приблизительно 20 кг.

ко нет большего горя для земледельца, когда весной ему нечего кинуть в землю... А для нас, гаузов, такой была каждая весна, голодная, беспросветная, когда ни в своем сусাকে не найти ни зернышка, ни у соседа занять.

— У нас такое же положение. Прямо ума не приложу, чем заплатить вам за труд. Денег у нас годами не водится, зерна тоже нет. Я приберегла немного пшеницы на семена, так и оттуда по горсточке тянем. Надо бы скорее посеять, а то ничего не останется. Я вам, Тодур бате, дам одну курицу. Их две осталось, да все равно кормить нечем. Сейчас принесу.— Она повернулась так быстро, что взвился старый, заплатанный, грязноватый чукман, приоткрыв сзади ветхую юбку — видно, Санда давно махнула на себя рукой.

— Я понимаю, одинокой женщине очень трудно, но придется немного подождать.

К Тодуру подошла молодая женщина с грудным ребенком на руках. Второй ребенок, лет трех, держался за ее подол и не переставая хныкал:

— Хлебца-а-а-а да-ай! Я хочу мягенького хлебца!

— Замолчи! Шейтан пусть накормит тебя хлебом. Где мне его взять? Да еще мягенького ему захотелось. Я бы и на сухарик согласилась. Тодур чичо,— обратилась она к кузнецу,— отремонтируйте, пожалуйста, и наш плуг, там немного работы.

— Истя!— встрепенулся на сундурме Кючюк Иорьги, концы его усов торчали вверх, значит, он хотел сказать что-то важное.— Иди, сынок, кк-ко мне!— Он достал из-за пазухи кусок хлеба из курузной муки и дал мальчику.— Бб-ббери, он, пп-правда, не мягенький, но ппойдет, тто-то!

Ребенок схватил хлеб и сунул его в рот так стремительно, что с его головки свалилась пестрая таке — матерчатый детский головной убор — с голубой бусинкой, пришитой на макушке. Мать немедленно подняла ее, отряхнув от пыли, и вновь надела на голову замолчавшего сына. Иорьги снова уселся на место, сунув руки в рукава тулупчика, и концы его усов медленно опустились вниз.

— Спасибо, Иорьги бате! Скажи и ты «спасибо», чучело сопливое, просить умеешь, а благодарить некому! Человек тебе, может быть, свой последний кусок отдал! Какое же у вас все-таки доброе сердце, Иорьги бате,— сказала она.

— Истя, тто-то! — буркнул Иорьги.

— А почему вы мужа не прислали? — спросил женщину Тодур.

— Уже месяц как его забрали на концентратию¹ и неизвестно когда отпустят. Осталась одна с четырьмя детьми. У нас всего одна лошадь и мне еще нужен ортак², а то и тот клочок земли, который имеем, останется незасеянным.

— Отремонтруем, гелин, чуточку терпения — и все будет сделано. Нельзя все сразу.

— Потерпеть можно, Тодур бате, да время не терпит, весенний ветер сушит землю! А с опозданием посеешь, урожая не жди. Опять голод будет у порога стоять.

— Все это так, гелин, но нужно еще договориться об оплате.

— С нового урожая вдвойне заплачу, а сейчас нечем.

---

¹ Концентрате — мобилизация мужчин на работы при власти оккупантов (рум.).

² Ортак — напарник для совместной обработки земли (гагауз.).

— Я сочувствую твоему горю, мари гелин, я могу и бесплатно сделать, но ведь уголек, который я жгу, мне никто бесплатно не даст.

— Мужа взяли ночью из постели, жандармы налетели как вороны. В доме есть нечего, лошадь кормить нечем, а на ней еще надо пахать. Я осенью закопала в подвале немного свеклы, сейчас варю ее и кормлю детей, чтобы хоть как-нибудь дотянуть до нового урожая... Разве это жизнь? Пропадем мы и все!— женщина заплакала навзрыд.

— Истя, тто-тт-то! Ннет нам жизни!— вмешался в разговор Кючюк Иорьги.— Идд-дем к гг-гибели, тто-то!

Все, кто слушал эту женщину и видел голодного ребенка, переживали тяжелое чувство безысходности.

— Все вы для меня одинаковы. Были бы у меня четыре руки, я бы отремонтировал всем сразу— идите, сейте,— сказал кузнец,— но я, как видите, тоже имею детей и так же борюсь с нуждой, как все вы.

— Я вечером зайду,— сказала женщина и ушла, не дождавшись ответа.

— Приходите, постараюсь отремонтировать,— крикнул ей вслед Тодур.

На сундурме у кузнеца воцарилось молчание. Настроение у всех было довольно скверное.

— Весна нынче плохая,— промолвил Диму, надеясь все же втянуть кого-нибудь в разговор, но все молчали, лишь Иорьги пробормотал:

— Истя, пп-плохая, тт-тто-то!

— Люди истощенные, голодные, скот, который дотянул до весны, худой. А полюшко надо засеять, иначе на что будем надеяться?— продолжал Диму, обращаясь непосредственно к Иорьги. Но

тот молчал, жевал язык, шевелил усами, словно хотел что-то сказать, но не мог.

— А что вы хотите, если эти господа забрали мужчин,— вмешался в разговор посетитель, одетый в мешин — штаны из овечьей кожи с разрезом сбоку и со шнуром вместо пояса. Это был Андон Сюмбейли, коренастый, приземистый крестьянин.— Разве эта голодная женщина с детьми сможет вести хозяйство?

— Я слышал, что ее мужа забрали на работы вместо другого,— сказал Диму, довольный, что нашелся наконец собеседник.

— Это правда,— сказал Сюмбейли,— из Кагула пришла повестка на Андончун Тану, а он сунул взятку примарю да шефу жандармов и остался дома. А муж этой женщины «усердно служит» королю вместо него.

— Тану еще вчера выехал в поле на четырех волах. Богатый станет богаче, а бедный — беднее,— сказал Диму.

На миг затих звон молотка и уханье молота, которым махал один из добровольных молотобойцев кузнеца, и Тодур бросил Кючюк Иорьги:

— Вот ты и подумай, взвесь эту справедливость, может, людям выскажешь.— Тодур время от времени бросал в гомонящую, спорящую толпу слово или фразу, после которых люди говорили живей и резче.

— Истя, где тут справедливость?— спросил Иорьги, сильно заикаясь.

— Это не справедливость, а грабеж среди бела дня, именуемый государственным порядком!— все больше возмущался Сюмбейли.— Весной, в самую горячую пору, забирают из села сто пятьдесят молодых мужчин, наиболее пригодных для

работы в хозяйстве. Кому нужно это проклятое концентраре?

— Концентраре выгодно властям, братец, примарям, шефам... Богачей пугают и доят с них денежки, а бедняков вместо них посылают на работы. Вот так они нас добивают.

— Говорят, что это концентраре не только у нас, в Долукиное, а и в Кубее, и в Каракурте, и в Чийшии,— сказал кто-то.

— Оно по всей Бессарабии,— отозвался Андон.— И на кой черт нужны им эти люди?! Что они затеяли?

— Хотят перед уходом выжать из нас все соки.

— А ты думаешь, что они пожалеют кого-то? Нас, гагаузов, или каракуртских албанцев, или чийшийских болгар? Мы для них даже не пасынки, а рабы. Вот и стараются как можно больше с нас содрать.

Беседа на сундурме оживилась. Постепенно здесь собрались все посетители кузницы. Одни сидели, другие слушали стоя, надеясь узнать хорошие вести, но их было мало.

— Вы знаете, братцы,— сказал Андон, подтягивая за шнур свои заплатанные штаны,— я слышал, что они готовятся к войне с Россией, поэтому и участились эти концентраре.

— Еще чего не хватало,— рассердился Кыяк Диму.— Духу у них не хватит воевать с Россией.

— Оставь, Диму,— вмешался в разговор Пани Ялама,— не дай бог разразится война, они себе найдут помощников. Вспомни восемнадцатый год. Да их как воронья было против России.

— Прошли те времена. Сейчас не восемнадцатый год. На этот раз они найдут себе могилу.

— Найдут!

— Найдут наверняка,— слышались отовсюду голоса.

— Истя, ннайдут ссебе мм-ммогилу, ттто-тото!
— добавил Иорьги.

— Может, они и найдут себе могилу, но на войне кто больше всех пострадает?— спросил Ялама Пани и сам себе ответил:— Бедняки будут гибнуть. Бояре не пошлют своих сынков в огонь, а пошлют нас с тобой, таким же образом, как делают с концентраре.

— Я против русских не пойду, пусть хоть на месте меня расстреляют!

— Я тоже не пойду!

— И я не пойду, пусть не надеются!

— Мы, истя, пп-против русских не пойдем, тт-тто-тто!— как бы подытоживая сказанное, промолвил Иорьги.

— Пусть только дадут мне винтовку, я найду, куда ее направлять,— сказал плечистый худой парень.— Идут ли мне эти дырявые мешин?— спрашивал он людей. — Я, молодой здоровый человек, не могу зарабатывать себе на пропитание, не имею нательного белья, сорочка из чукмана до крови растерла мне кожу. Сколько можно терпеть?

— Пусть только дадут оружие,— сказал кто-то еще,— мы найдем ему применение.

— Мы голодными остались.

— Нас вши едят!— говорили люди.

— Истя, нас ззаживо ед-ддят!— концы усов у Иорьги торчали вверх, он усердно «жевал язык», готовясь сказать что-то важное, но никак не мог начать. Люди молча ждали, не смея перебивать. В конце концов он поспешно начал:

— Истя, вчера к нам ихние присланные сс-сса-нитары пп-ппожаловали, пп-проверили чистоту.

Пп-почему — спрашивают — белье не меняете?
Кк-как же, отвечаю, мы с братом чч-часто мм-меняем: я снимаю — он одевает, он снимает — я одеваю...

Люди засмеялись, но смех был какой-то глухой, безрадостный... В кузнице звенел молоток о наковальню, бухал как бубен молот. И эта веселая мелодия труда перекрывала и унылые вздохи и тоскливые слова людей.

Разговор прервался. Люди смотрели на раскаленное добела железо: кузнец вытащил из горна на наковальню половинки железной оси для сварки. Двое помощников-молотобойцев точными ударами били туда, куда показывал ручником кузнец. Удар ручника о раскаленное железо был глуховатым, почти не слышным, но, соскальзывая на наковальню, отзывался звонко, сдвоенно: дескать, хорошо, молодцы!

В завершение сам мастер ловкими ударами придал сварке окончательную форму и бросил готовую ось в корыто с холодной водой. Клубы белого пара с шумом поднялись вверх и заполнили кузницу, вырвались в двери — сваренная ось шипела в воде. Тодур выпрямился, положил в огонь другую заготовку и вытер пот с морщинистого лба...

— В прошлое воскресенье в церкви было интересно, — заговорил Кыяк Диму, теребя свою жиденькую бородку. — Когда закончилось богослужение, батюшка Мокану произнес длинную речь.

— Что же он опять намолол? — спросил Пани Ялама.

— Думаете, братцы, кто-нибудь понял, о чем он болтал на румынском языке? Только в конце, когда он воскликнул: «Трэяскэ мажестатя са ре-

желе Румынией Карол ал дойля»¹, всем стало ясно, куда клонил святой отец.

— А почему бы ему и не восхвалять короля? У него всего вдоволь. Говорят, он калачами лошадей кормит,— возмущенно сказал Пани.

— После окончания проповеди,— продолжал Диму,— Мокану стал спрашивать, всё ли поняли уважаемые прихожане. Если что кому не ясно — пусть задают вопросы. Вот и Котян там был,— обратился Диму к стоящему рядом человеку.— Ты, кажется, что-то спросил батюшку.

— Нет, я говорю ему: «Батюшка, никто ничего не понял!» Он спрашивает:— «Никто ничего?» Я отвечаю: «Никто ничегошеньки, батюшка!»

— Мокану стало неловко,— рассказывал дальше Диму,— видит, что все молчат, так он начал по-гагаузски говорить: «Спрашивайте, люди, не стесняйтесь, в божьем доме можно обо всем говорить откровенно». А люди молчат. Наконец Сармысак Танасын Маричи спросила: «Правда, батюшка, что скоро русские придут?» Поп поперхнулся.

— Молодец, старуха! А ведь она там как бы своей считается, догорающие свечи в церкви гасит.

— Батюшка Мокану, наверное, выступление Тодура Арфоноса вспомнил,— улыбаясь сказал Кыяк Диму.

— Дд-дда, да, истя, ккогда епископа пр-рразвеселили, тт-то!— живо сказал Иорьги, и концы его усов заняли вертикальное положение.

Люди дружно рассмеялись.

---

¹ Да здравствует его величество король Румынии Карл II (рум.).

Тодур Арфонос тоже был частым посетителем кузницы, но сегодня его здесь не было. После выступления Тодура на празднике открытия церкви жандармам было дано негласное указание избить его так, чтоб запомнил, а потом выпустить. Жандармы все исполнили, как было велено, но Арфонос оказался крепче, чем предполагали власти. Он остался в живых, только после этой истории стал реже показываться на улице.

— А ведь наш батюшка Мокану, оказывается, выучил гагаузский язык, — рассуждал вслух Кыяк Диму.

— А что ему остается делать, — сказал Пани Ялама, — ему же надо как-то втереться в доверие местного населения. Когда в восемнадцатом году он появился здесь, все его имущество помещалось в одной плетенке, а теперь у него две пары волов, две пары лошадей, не считая награбленного золота.

— И тридцать шесть гектаров нашей лучшей земли ему принадлежит.

— Что же он все-таки ответил Маричи? — спрашивали слушатели.

— Вначале помолчал, — сказал Диму, — видимо, не знал, с чего начать, потом успокоился и заговорил по-лисьи ласково: «Дорогие прихожане, божья паства, нельзя верить во все уличные слухи и пустые разговоры! Эту ложь придумали враги! А вам, госпожа Маричи, нельзя подобные вопросы в церкви задавать». А Маричи ему говорит: «Вы, батюшка, сами сказали, что обо всем можно спрашивать, душу можно раскрыть, а теперь укоряете...» А Мокану ей в ответ: «Я просил задавать христианские вопросы, а не

осквернять словом дом божий. Теперь тебе немедленно нужно сообщить жандармскому шефу, господину Дихору, кто тебе об этом говорил, а не сообщишь, так господь тебя накажет». Потом Мокану еще долго говорил о том, что король заботится о народе на земле, а бог на небе, что народ Бессарабии сегодня как никогда счастлив. Все это было так тошно слушать, что прихожане стали потихоньку расходиться.

— Батюшка нам внушает, что мы чуть ли не родственники короля,— снова заговорил молодой парень.— Не стыдится ли его величество таких родственников-оборванцев?— показал он на свои лохмотья.

— Да, хорошее счастье,— подхватил Пани Ялама— иметь таких родственников. При помощи мучений и издевательств за двадцать два года нас породнили с королями и дали новую национальность— окрестили румынами.

— Истя, я пп-ппервый стал рр-ррумыном! Что, рразве не пп-ппохож?— Иорьги выпрямился, как суслик, взял под козырек и крикнул: «Истя, еу ссунт рр-ррумун дин Ддд-ддолукюойсю!¹»

Изнуренные, измученные люди недружно рассмеялись.

— Не очень-то ты похож на настоящего представителя боярской власти,— подметил Андон Сюмбейли.— Возьми палку и бей кого-нибудь, воруй у людей птицу...

— Истя, тт-ттачь дин гг-ггура, бб-бальшувикле! Алл-ла пп-ппост ди жыннд-дар!²— лицо у Иорьги стало свирепым, он надул щеки, выкатил

¹ Я — румын из Долукноя (искаж. рум.).

² Замолчи, большевик, за мной в жандармерию (искаж. рум.).

глаза, один ус у него обвис, а другой торчал вверх и дрожал, как у кота. Он устроил настоящую комедию.

Вокруг хохотали. Тодур Чилингир оставил работу и смеялся вместе со всеми. Только Иорьги был серьезен.

— Вот теперь ты похож на оккупанта,— сказал Андон.— А ну покажи нам, как ты будешь драпать из Бессарабии, когда придут русские?

— Истя, вв-ввот как,— Иорьги натянул на глаза шапку из овчины, потуже затянул тулупчик, воровато оглянувшись и захватив старое гусиное крыло, кинулся к воротам, изображая, что прячет за пазуху живого гуся. Народ покатывался со смеху.

Тодур Чилингир намеренно не вмешивался в такие разговоры, но всегда внимательно слушал их. На встречах с руководителями он докладывал товарищам о настроениях в народе. Галев очень высоко ценил эту информацию.

Часть вторая

Лето. На Буджакской равнине стояла хорошая погода. Легкий западный ветерок дул с утра до обеда. Во второй половине дня и ночью было безветренно, душно. Такая погода, по прогнозу местных знатоков, предвещала засуху, правда, эти прогнозы сбывались не часто. Люди спешили очистить от сорняков виноградники, посеять кукурузы, подсолнечника, и посетителей в кузнице не было. Как раз в такой летний день сидели возле дома Тодур и Марина.

— Зачем тебе нужен уголь, если нет заказов?— спросила Марина мужа.

— Ат немдән гебермәз...¹ Уголь никогда не помешает. Пусть лучше останется, чем не хватит,— ответил Тодур.

— Пусть останется, я не возражаю, но зачем тратить деньги на уголь, который будет лежать в сарае, если можно купить детям по рубашке? Надоело мне уже чинить это старье.

— Ничего, купим и рубашки,— спокойно ответил кузнец.— Вот завтра надо привезти еще одну подводку угля из Бессарабки и достаточно.

— Надо, надо!— рассердилась Марина.— Когда кончается неделя и надо менять белье, не ты об этом думаешь! Да разве только это? Такая жара стоит, детям нужно купить летнюю одежду. Зина уже совсем взрослая. Скоро стукнет двадцать, так и жди сватов. А сколько девушке нужно?! Но тебе это безразлично. Вани уже семнадцать лет, а у него даже дешевого костюма нет...

— Когда подвалит работа, как прошлой весной, ездить будет некогда. Пусть лежит, место не пролежит... А Вани и Зине, вернусь с углем из Бессарабки, подумаем, откуда выкроить им на обновы. Так что сначала уголь, потом все остальное. Начнутся дожди, кого я найму по распутице уголь возить? Да если кто и согласится, так втридорога сдерет.

Марина удивлялась спокойствию мужа, не зная, чем его объяснить. Она понимала, что Тодур по-своему прав и решила оставить его в покое. Марина не знала, что в данный момент Тодуру нужен был вовсе не уголь. Под этим предлогом Тодур посещал станции Болград и Бессарабку и привозил оттуда радостные для подпольщи-

---

¹ Гагаузская пословица, соответствующая русской: кашу маслом не испортишь.

ков весточки. Шел июнь сорокового года, и подпольщикам сообщали, что необходимо быть готовыми к встрече Красной Армии.

Сообщения из городского руководящего центра получал по инстанции Тодур и передавал лично в руки Ивану Петровичу Галеву. Тот расшифровывал их и читал на собраниях подпольщиков. Центр предупреждал, что надо быть готовыми ко всяким неожиданностям, враг перед уходом может натворить бед.

В последнее время сельская подпольная группа собиралась через день. Ночами люди приходили на виноградники к сторожу Кючюк Иорьги. Это было их любимое место. В назначенные дни Иорьги уходил домой спать, а в шалаше велись разговоры, делались сообщения, принимались важные решения. Виноградники были на расстоянии двух километров от села, в стороне от центральных дорог, поэтому по ночам сюда никто не заезжал. Кроме того, Иорьги частенько ломал свой шалаш и строил заново на новом месте. Люди приписывали это его чудачествам.

Нынешней ночью Иван Петрович сообщил подпольщикам о том, что королевская Румыния дала согласие мирно оставить Бессарабию.

— Послезавтра, двадцать восьмого июня, — с сияющим лицом сказал Галев, — на Кишиневском направлении советские танки пересекут Днестр, а в наши края, на Буджак, будет заброшен авиадесант. К двум часам десантники должны быть в Болграде. Они отрежут путь уходящим на Галац, исключая этим возможность вывоза ценностей и имущества.

— А у нас какое задание? — спросил Айдарлы Савели.

— А ты не догадываешься? — сказал Андон

Сюмбейли, которого три дня тому назад приняли в организацию.— Отомстим тем, кто до сих пор грабил нас и издевался над нами. Нельзя допустить, чтобы эти подонки ушли безнаказанными!

— Глубоко ошибаетесь, Андон Петрович!— резко оборвал его Галев.— Вы у нас недавно и поэтому должны запомнить, что дисциплина у нас — железная. Наши правительства согласились мирно решить бессарабский вопрос, и мы должны всячески способствовать этому. Народ ненавидит оккупантов, и если начнутся стычки — кровопролития не избежать, а допустить это ни в коем случае нельзя. Поэтому мы должны стараться остудить страсти, а не разжигать их. Нужно повсеместно объяснить народу, что виновники его страданий будут наказаны в законном порядке, а поднимать руку на своих обидчиков самовластно никто не имеет права. Нарушители этих указаний не только не помогут, а наоборот, помешают нашему делу.

— Для меня это слишком трудно,— сказал Андон.— Я столько лет ждал этого дня, а теперь не смей к злодеям и пальцем прикоснуться? Я так не смогу. Лучше закройте меня куда-нибудь.

— Мы здесь не в детские игры играем! Как это закрыть? У большевика должна быть сила воли и сознание! Мы солдаты партии и как нам прикажет партия, так и будем поступать! Предупреждаю, мы не допустим такого, а те, кто не надеется на себя и способен на самосуд, пусть уходит сейчас, но запомните, таких анархистов мы будем считать провокаторами.

— Можно рассказать людям, что послезавтра нас освободят?

— Нельзя!— ответил Иван Петрович,— в сообщении из центра сказано, что народ узнает обо

всем двадцать восьмого июня при появлении самолетов. Потерпите, братья, недолго осталось. Сразу после прихода Красной Армии мы должны собраться во дворе кузницы у Тодура Чилингира. Давайте договоримся о сигнале к сбору.

— Я дам сигнал,— сказал Тодур.— Звон моей наковальни слышен повсюду.

— Хорошо,— согласился Галев,— на звон наковальни собираемся у Чилингира и там проведем свой первый митинг. Расскажем народу о политической обстановке, а затем в Болграде состоится демонстрация трудящихся в честь воссоединения Бессарабии с Советским Союзом и встречи Красной Армии. Вот там и будем кричать «ура». Приготовьте знамена, лозунги. Вани и Галочка напишут лозунг «Да здравствует свободная социалистическая Бессарабия в семье народов СССР!» Пани и Тодур добудут несколько подвод, на которых поедут представители нашего села на демонстрацию в Болград.

На следующий день Тодур не успел еще как следует отдохнуть, как в кузницу притащили на волах косилку. Кузнец взялся ремонтировать с условием, что на этой неделе он сделать не сможет. Нужно было разжечь горн и начинать работу, но Тодур не мог работать, все его мысли были о завтрашнем дне. К нему подошел Вани.

— Отец, говорят, что румыны уходят.

— Как это уходят?— деланно удивился Тодур, напряженно думая о том, кто из его товарищей мог проболтаться.

— Мне Трифон рассказывал, они с ребятами уже три дня пасут лошадей на лугу возле железной дороги, и все три дня груженные эшелоны идут в Галац, а в сторону Кишинева ни один поезд не прошел.

«Значит, народ не спит»,— подумал Тодур. Хотел было поручить Вани разжечь горн и немного поработать, но отказался от этой мысли. Оставил все и пошел к людям.

На улицах людей было мало, все работали в поле. Во дворе жандармского поста стояли две нагруженные, накрытые брезентом и стянутые веревками подводы. «Что они увозят, грабители, как этому помешать?»— подумал Тодур. Из помещения поста выглянул жандарм и, увидев Чилингира, юркнул обратно. Век такого не было. Указаний останавливать подводы и проверять содержимое возов не было. А Чилингир за эти годы приучился к партийной дисциплине. Мелькнувшую было мысль об организации застав на пути ухода оккупантов пришлось с сожалением отбросить.

Чилингир вернулся домой и решил немного отдохнуть, потому что вечером должен был патрулировать на Бююк Сокак. Он лег на нары, где всегда отдыхал, но не мог уснуть: радостные мысли перемешались с тревожными: как поведут себя столь натерпевшиеся от оккупантов люди...

С наступлением сумерек Тодур пошел на место дежурства. По селу везде были расставлены патрули. Один из встретившихся с ним жителей рассказал ему, что в соседнем селе Казаклия крестьяне разоружили оккупантов, отобрали у них лошадей, раздели и прогнали в одном нижнем белье. Хорошо зная установку не трогать уходящих, Тодур все же отнесся к этому факту сочувственно. Ощущалось какое-то возбуждение. Когда совсем стемнело, на Бююк Сокак пришел Иван Петрович.

— Неправы казаклийцы! Стихийные выступления и беспорядки никому не нужны. У них нет

большевистской организации, а мы, хорошо зная это положение, не предупредили людей и этим допустили непростительную ошибку. Коммунисты должны все предвидеть и в любых обстоятельствах действовать по обстановке в интересах народа.

— По селу уже разошлись слухи, что оккупанты уходят. Не проговорился ли кто-нибудь из наших подпольщиков?— спросил Тодур.

— Не думаю. Люди и так все понимают: дороги забиты армией, которая движется к Пруту, поезда идут только в ту сторону. Да и пример казаклийцев... Какие уж тут секреты. Преждевременное объявление могло многих превратить в казаклийцев.

— Конечно, народ озлоблен,— согласился Тодур.

— Да, чаша страданий переполнена, но тем не менее допускать кровопролитие нельзя. Советская власть обещала оккупантам свободный отход. Завтра мы станем гражданами Советской страны, да мы уже сегодня стали. Так что же мы в подарок долгожданной Советской власти принесем анархию и дискредитацию?

Это сильно подействовало на всех, особенно непонятное слово дискредитация.

— Все ясно...— сказал кузнец.

— То-то, как говорит Кючюк Иорьги,— улыбнулся Иван Петрович.

— Двадцать два года терпели, осталось потерпеть до утра!

— Нет, не только до утра. Если и завтра найдутся горячие головы, их тоже нужно остудить. А вот «ура» можно будет кричать во весь голос.

На следующий день, двадцать восьмого июня тысяча девятьсот сорокового года, Тодур поднял-

ся рано, несмотря на то, что не успел отдохнуть после ночного дежурства. Он не спеша оделся во все праздничное и пошел к калитке. Людей на улице не было. Тодур заглянул в палисадник: цветы были политы с вечера, и жара предстоящего летнего дня не была им страшна. Они начинали просыпаться, и цветник был похож на живой ковер. Особенно радовали глаз красные гвоздики — крупные, яркие! «Оказывается, мир прекрасен, — подумал кузнец, — а я только сейчас это заметил».

К нему подошла Марина и удивленно спросила:

— Куда это ты вырядился? Неужто в церковь собрался?

— Да, я мечтал об этом всю свою жизнь, — улыбаясь сказал Тодур.

— А то я хотела предупредить тебя, что сегодня не воскресенье, а пятница. Ты так часто туда ходишь, что забыл, в какой день служба.

— Ничего, что службы нет. Я все же пойду помолюсь батюшке Мокану перед дальней дорожкой и попрошаюсь с ним навсегда.

— Всю ночь где-то ходил, а теперь, когда люди на работу спешат, ты в церковь собрался, — уже серьезно сказала жена.

— Нет, дорогая моя, не нужна мне твоя церковь! Туда бабы ходят языки почесать да слащавые речи батюшки Мокану послушать.

— Куда же ты вырядился все-таки? Не в кузницу же собрался?

— Сегодня твоего священника Мокану и других незваных гостей в путь-дорожку провожаем, — признался Тодур. — Не могу же я таких «важных» лиц провожать в рабочей одежде.

— А ну-ка, Тоди, рассказывай, что происходит, — заинтересовалась Марина. Подошел Вани.

— Отец, что это гудит?

— Не знаю,— ответил Тодур и подумал: «Неужели прямо с утра, а ведь было сказано, что после обеда». Но вдалеке действительно был слышен гул. Он все приближался и приближался.

— Смотрите, смотрите!— крикнул Вани, указывая на едва заметные самолеты. Их было очень много.— Смотри, отец, они летят по три.— Вани чувствовал, что происходит что-то очень хорошее, но что именно, понять не мог. Он выбежал на улицу, детвора и подростки со всей магалы собрались вокруг него. Все смотрели на небо и считали самолеты.

— Анастасчык, сколько ты насчитал?

— А ты, Нюклай?

— Двадцать один. Их очень много. Невозможно сосчитать.

В селе в те времена и машина была диковинкой, а такое огромное количество самолетов казалось чудом и даже внушало страх.

— Да здравствует Советская власть!— крикнул Тодур, бросая вверх смушковую шапку.— Ура-а!

Теперь и Вани понял, что происходит.

— Ура-а-а, ура-а-а,— подхватил он, а на улице кричали и шумели дети и взрослые, хотя многие и не понимали сути происходящего.

— Смотрите, на крыльях самолетов красные звезды!

Тодур как-то помолодел. Он метался вокруг, не зная, что делать от волнения и радости.

— Ура-а-а, ура-а-а! Да здравствует освобожденная Бессарабия!— он быстро побежал в кузницу, схватил большой молот и стал бить по наковальне. Вани взял молот поменьше и стал ему вторить. Они так весело и дружно били, что ка-

залось, играет музыка на большом празднике. Жители села из всех концов тянулись к кузнице. Заранее намеченный подпольщиками план действий выполнялся точно. Пришли Иван Петрович Галев, Арфонос Тодур, Андон Сюмбейли и многие другие мужчины, женщины, дети.

Разные чувства волновали собравшихся: одни боялись войны, особенно те, у которых кормильцы — отцы, братья, мужья — были на заработках в Добрудже, на нефтяных промыслах в Плоешти и в других местах, других охватил страх невиданного зрелища. Толпа буквально оцепенела, глядя в небо. Из чрева железных, мирно гудящих птиц посыпались люди, и не успела толпа испугаться, как над каждым из парашютистов раскрылись разноцветные округлые полотнища, падение людей замедлялось, они приближались к земле, словно давая людям привыкнуть и рассмотреть: на множестве тонких веревочек под каждым куполом висел человек с винтовкой в руках и с мешком за спиной. Они приземлялись на лугу бесшумно, без криков, без стрельбы. Только луговина расцветала полотнищами невиданно и ярко. Толпа еще не смела двинуться навстречу небесным гостям, а Вани побежал туда.

Тодур заметил, что Вани рядом нет, и спросил:

— Где Вани?

— Это я послал его туда, — отозвался Иван Петрович, который впервые открыто пришел к своему товарищу домой, — как вы думаете, справится?

— Безусловно, справится, — уверенно ответил отец.

А Вани как на крыльях мчался навстречу белым, голубым, желтым куполам... Через некото-

рое время ребята вернулись обратно, и люди окружили их плотным кольцом.

— Я первый сказал ему «здравствуйте»,— захлебываясь, рассказывал Вани,— а он обнял меня и поцеловал. Они спросили у нас дорогу на Болград, и мы им показали. Там как раз проезжал кайраклиец на подводе, он посадил к себе пятерых солдат и сказал, что довезет их бесплатно, этих солдат зовут красноармейцы. Они сказали, что бояр и помещиков отныне не будет, а в Бессарабии будет установлена Советская власть!

На середину двора вынесли стол и табуретки. За стол сели Галев, Чилингир и несколько стариков. Остальные разместились прямо на земле. День выдался прекрасный. Ласково пригревало солнышко, ветерок освежал разгоряченные лица, в небесной сини все еще гудели самолеты, с полей доносился приятный запах зреющих хлебов...

— Товарищи!— обратился Галев к собравшимся.— Много мук и страданий вынес наш народ, но это не повторится никогда! Советский Союз—единственное в мире государство рабочих и крестьян— берет нас под свою защиту. Наша большевистская партия все двадцать два года оккупации выполняла в подполье очень трудную и нужную работу. Несмотря на террор и насилие, связь с трудящимися продолжала крепнуть. Подпольная группа большевиков существовала и в нашем селе,— Иван Петрович представил членов долукунойской подпольной организации.— Только нашего товарища Клементи Григория нет с нами. Три года назад он был до смерти замучен палачами в тюрьме Дофтана. Он погиб за дело трудящихся, приближая сегодняшний день. Почтим его память минутой молчания!

Все встали и обнажили головы.

— Преодолевая невероятные трудности, партия вместе с трудящимися шла к сегодняшнему дню,— продолжал Иван Петрович,— и вот этот день настал. Впереди нас ждет большая, трудная работа — построение новой жизни. Не простое это дело, но перед нами великий пример Советского государства.

Слово предоставили Тодуру Чилингиру.

— Спасибо русским, спасибо Советской власти за то, что еще раз освободили нас. наших предков Россия освободила от турецких поработителей, приютила бессарабцев, дала им землю, а теперь избавила нас от оккупантов. Да здравствует Советская власть и свободная Бессарабия!— закончил Тодур и во весь голос крикнул «ура».

— Ура-а-а, ура-а-а, ура-а-а!— дружно подхватили люди. Несколько крепких мужиков стали качать Ивана Петровича, а потом Чилингира. Постепенно страсти улеглись.

— Слава тебе, господи,— крестясь и радуясь, причитали в толпе женщины,— наши пришли, может быть, мужья теперь возвратятся из этих концлагерей и хоть немного станет легче жить.

— Не сомневайтесь, все возвратятся домой,— сказал Галев.— Уже отдано распоряжение о возвращении людей по месту жительства в трехдневный срок.

К кузнице продолжал стекаться народ. Во дворе было тесно, многие стояли на улице. Говорили о сегодняшних событиях. Не было здесь только сельских богачей. Они спрятались за высокие заборы и кованые ворота и настороженно ждали дальнейшего развития событий.

— Что же теперь будут делать примарь, жан-

дармы и их прихвостни?— спросил Кыяк Диму своего соседа Кючюк Иорьги.

— Истя, взять ббы нн-нам тт-теперь пп-палку да дд-дать им хорошенько, пп-пусть бы попробовали, лл-легко ли?

— Здесь ты, Иорьги-ага, ошибаешься,— сказал Андон Сюмбейли,— учинять драки запрещено.

— Истя, хей ты, черномм-мазый, что-то ты их бб-больно защищаешь, нн-не сс-собираешься ли с ними удирать?

— Андон правду говорит, Иорьги-ага, несколько дней назад и он думал так же, но все заблуждения идут от незнания. Советский Союз дипломатическим путем добился разрешения бессарабского вопроса без кровопролития. А если же мы сами затеем кровопролитие, то прежде всего подведем Советскую страну. Наша задача помогать Советской власти, снизу укреплять ее, проводить ее указания в жизнь... Да что там! Жизнь перестраивать по-советски. Вот к чему мы готовились, а не совершали непродуманных акций.

— Истя, м-мне, Иван Петрович, обидно, что в-вы нне пп-приняли меня на вв-ваше т-тайное собрание. Я бы тт-тоже пп-помогал вам, а то, выходит, что мм-мы на гг-готовое пп-пришли.

— А мы сейчас вас приглашаем, Иорьги-ага, в дальнейшем у нас работы будет много больше, чем до сих пор. Теперь при помощи всех трудящихся мы должны такую прекрасную жизнь построить, чтобы враги лопнули от зависти, а друзья гордились и радовались вместе с нами.

— Истя, мм-мы пп-полностью согласны с вами.

— Вот и хорошо, что все поняли и согласились. Только еще раз хочу вас всех предупредить:

страсти в сторону! Никто ни на кого не смеет поднимать руку. Все приехавшие к нам имеют право беспрепятственно возвратиться к себе домой, и наши, где бы они ни находились, возвратятся сюда.

— Истя, если бы мне вчера сс-сказали, Иван Петрович, что вы большевик, я бы не поверил, а вв-вы, окк-кказывается, хороший большевик! Но пп-почему Андона взяли, а меня не взяли?

— Я же говорю вам, что сейчас берем мы всех! Кто с нами, большевиками, пусть едет на демонстрацию в город!

— Мы все поедем,— кричали люди.— Да здравствует Советская власть! Да здравствует Красная Армия!

— Что это случилось с нашим Иорьги сегодня? — обратился к своему собеседнику Диму Кыяк.— Он прежде никогда столько не говорил и заикается меньше. Вот посмотри, как живо о чем-то рассуждает. Совсем другой человек!..

Час спустя по Болградской дороге ехали подводы, нагруженные людьми. На двадцати подводах разместились сто пятьдесят долукойцев, а еще больше народу шагало в город пешком. Люди стекались со всех окрестных сел. По этой дороге даже в дни самых больших базаров не двигалась никогда такая толпа. Галев держал красное знамя с силуэтом Ленина, другие долукойцы несли несколько лозунгов и портретов Маркса, Энгельса, Ленина. Июньский день выдался жарким, дышать нечем было, однако зной ничуть не мешал праздничному настроению людей. В густой колонне движущихся кто-то запел народную песню, остальные дружно подхватили ее. Пели даже те, кто никогда не пел. Общий подъем,

охвативший всех, был удивительным по новизне и необычности.

Ключок Иорьги никогда в жизни не видел так много знамен и портретов, сколько их было на демонстрации. «Где же находились эти портреты и знамена до сих пор?— размышлял он про себя.— Наверное, были спрятаны».

Долукинойцы возвратились с демонстрации поздно. На следующий день, как и было сообщено в городе, в село приехал представитель Красной Армии. Утром бывшие подпольщики во главе с Галевым собрались в примарии. Туда же пришел и Ключок Иорьги. И первым делом он обратился к Тодуру Чилингиру с просьбой «принять его в большевики». Иорьги считал, что имеет право быть в партии, если во время оккупации хоть и несознательно, но все же помогал подпольщикам.

— Иорьги-ага, вам ведь товарищ Галев обещал, что вы будете принимать участие в нашей работе, все будут принимать.

— Истя, я сс-сейчас х-хочу узнать.

— В таком случае идемте к нему.

— Истя, товарищ Галев, принимайте меня в бб-большевики!

— Как, прямо сейчас?— спросил Галев.

— Истя, с-сейчас запишите, я бб-буду честно работать!

— Хорошо, мы вас запишем и работу дадим, но в партию так сразу не принимают. Сначала мы вас подготовим, а потом примем,— Галев достал блокнот и записал фамилию Иорьги. Он мало что понял из объяснений Галева, но тот факт, что его записали, был вполне достаточным, чтобы он считал себя большевиком.— С сегодняшнего дня будете работать в сельсовете дежурным. Нужно объ-

явить народу, что сегодня в три часа дня на главной площади состоится сход, на котором будут избраны члены сельсовета.

К трем часам крестьяне в нарядных одеждах собрались на площади. Мужчины были подпоясаны красными шерстяными кушаками, в высоких бараньих шапках, многие старики явились на сход в национальных вышитых антери. Женщины были одеты в широкие платья, сверкали на солнце их скромные украшения.

Нарядное одеяние у гагаузов издавна является символом согласия и радости. Например, если во время сватовства родители девушки вышли к гостям в повседневном наряде — свадьбе не бывать! И наоборот, если родители невесты появились в лучшем своем наряде — есть согласие на свадьбу. Таким образом и долукиойцы выражали свое полное согласие с Советской властью.

Ровно в пятнадцать часов сельский сход начал работу. С докладом выступил представитель Красной Армии, открытым голосованием были избраны девятнадцать членов сельсовета. В их число вошли Тодур Чилингир, Андон Сюмбейли, Иван Петрович Галев, Пани Ялама и другие трудолюбивые честные люди. Председателем сельсовета единогласно был избран Андон Сюмбейли.

На сходе еще раз напомнили людям, что советская дипломатия одержала победу за столом переговоров, что теперь власть в бессарабских селах и городах переходит в руки Советов. Сегодня единодушно избранный Совет села Долукиой приступает к выполнению своих обязанностей. Первое требование Совета к гражданам — соблюдать порядок, не руководствоваться в своих действиях чувством мести. Все представители бывшей власти имеют право беспрепятственно возвращаться к

себе домой. В то же время уроженцы Бессарабии, каким-то образом оказавшиеся за пределами края, вскоре возвратятся по домам.

Люди со слезами благодарности на глазах слушали эти вести. К концу работы собрания представитель Красной Армии, сидевший в президиуме рядом с Андоном Сюмбейли, шепнул ему что-то на ухо. Андон обратился к собравшимся:

— Товарищи, если кому-нибудь что-нибудь не ясно, задавайте вопросы, пожалуйста.

Люди молчали. Их уже двадцать два года никто ни о чем не спрашивал, им трудно было сразу перестроиться.

— Я хочу спросить,— несмело поднял руку Танас Капсомун.

— Пожалуйста, Танас-ага, спрашивай.

— Мне неловко спрашивать при товарище из Красной Армии, но это, как говорится, скрывать трудно... Как нам быть с голодом-то?

— О чем он спрашивает?— поинтересовался командир Красной Армии. Иван Петрович перевел вопрос на русский язык.

— Говорит, что голодают. В селе больше половины населения не имеют хлеба.

— Сейчас разберемся. Поднимите руки, кто голодает.

Больше половины рук взметнулось вверх.

— Подождите, спокойнее!— уже несколько смелее сказал Андон Сюмбейли.— Все, кто нуждается в хлебе, подходите сюда, сейчас составим список.

Иван Петрович поручил Вани Чилингиру составить список. С этого дня он вместе со старшими товарищами принимал участие во всех мероприятиях Советской власти. На очередном заседании депутаты единодушно утвердили Вани секретарем

Долукойского сельского Совета. Вани с особенным удовольствием называл старших товарищами и даже к отцу иногда обращался «товарищ Чилингир».

После собрания люди не расходились. Пришли сельские музыканты: кларнетисты Кеор Симу и Азманка Тоди, скрипачи Стоюнун Мити и Чингеня Тодур, барабанщик Тодур Модаларын. Без них не проходило ни одно событие в Долукойе. Музыканты играли не отдыхая, переходя от одной мелодии к другой. Дюз ава сменилась калгымайжой, затем пошли маарамжа, кадынжа, солдатча¹ и так без конца. Пары старались переплясать друг друга — то плавно, грациозно, то до буйства энергично, весело, шумно, высоко подпрыгивая. В самом центре площади плясали знаменитые на весь Буджак исполнительницы народных танцев Модаларын Маринка, Станилерин Санда и другие, притопывая ногами, пощелкивая гальцами и хлопая в ладоши. Молодежь старалась не отставать от них, танцуя изящно и стремительно, а зрители подбадривали их возгласами и аплодисментами. Вскоре в танец были вовлечены почти все присутствующие. Круг стал таким огромным, что на площади не хватало места. Внутри круга сделали второй, а внутри второго — третий. Самый большой круг двигался медленно, второй — немного быстрее, а третий — еще быстрее. После общего танца музыканты сделали небольшой перерыв, а когда заиграли вновь, в середину, словно коршун на добычу, кинулся Мийял Узунбийыклы, семидесятилетний юркий старик. Он танцевал русскую солдатскую. Сначала он наклонился, коснулся земли, крикнул что-то по-

¹ Названия гагаузских народных танцев.

русски и подпрыгнул так высоко, как будто его вытолкнули пружиной, а дальше пошли движения и прыжки одни азартнее других, а затем присядки, и все это под пронзительный свист. Некоторые зрители были вынуждены отойти подальше — взбитая танцором пыль лезла в глаза.

— Вот это настоящая солдатская! — выкрикнул кто-то в толпе.

— Да, братцы, не зря он пять лет при царе в казачьем полку служил.

— Царю-то, говорят, служил неважно: нес на демонстрации лозунг «Долой самодержавие!», за что в тюрьму угодил, ну а плясать здорово научился!

Все на площади было интересно и необычно, но, наверное, самым интересным и необычным был Кючюк Иорьги. Он ни минуты не стоял на месте. Он сновал в толпе, появлялся то здесь, то там, криками подбадривал танцующих. Свой заплатанный тулупчик он сбросил и надел новое антери, но на голове осталась старая соломенная шляпа с покоробленными полями и дыркой на тулье. Он смешно подражал танцующим, и люди хохотали над ним.

— Никогда еще эта площадь не знала такого веселья, — говорили между собой старики.

Гулянье закончилось уже в сумерки. На площади остались лишь вновь избранные девятнадцать депутатов. Началось первое заседание Совета. Прежде всего утвердили штат. Кючюк Иорьги был назначен дежурным сельсовета. Его напарником стал бывший работник примарии гардист Димитали Тодур, который прежде не раз страдал от своего неумения служить господам. Они были приглашены на заседание Совета.

— Вы будете по очереди через ночь дежурить у

телефона, а также оповещать крестьян о разных мероприятиях, намеченных сельсоветом,— сказал Андон Сюмбейли,— оплатой тоже не обидим. Ну как, согласны?

— Конечно, Андон батьо,— ответил Димитали Тодур.— Я было нанялся к тем вора́м из-за куска хлеба, земли-то у меня нет. А они только палкой и кормили, я их с первого дня ненавидел.

— Пора уже забывать о них, товарищ Тодур. Сегодня после заседания вы с Иорьги останетесь дежурить вдвоем, а завтра утром первым делом надо снять старую вывеску. Повесите временную, Вани пишет ее, потом повесим постоянную, красивую. Здесь теперь не примария, а сельсовет. Перейдем к следующему вопросу. У нас на повестке дня вопрос «О конфискации хлеба у сельских богачей для оказания помощи голодающим».

— Пшеницу из амбаров примария изъять в первую очередь,— предложил Тодур Чилингир.

— Кукурузу из поповских чит — кукурузохранилищ раздать нуждающимся,— добавила Стефанида Статова.

— Раздать, конечно,— поддержали все,— их земли батраки и поденщики обрабатывали.

— Попадью мы как-то не замечали на прошевке кукурузы,— добавил кто-то.

Вани все аккуратно записывал в тетрадь.

Заседание закончилось после полуночи. Поздно возвращались домой после первого трудового дня уполномоченные новой власти. Когда Андон Сюмбейли пришел домой, жена подала ему холодную мамалыгу и постный борщ в той же глиняной миске, что и прежде, ел он той же щербатой деревянной ложкой, но сегодня батраку Андону этот поздний ужин казался необыкновенно вкусным.

На следующий день, рано утром председатель пришел в сельсовет. На крыльце он столкнулся с Тодуром Димитали.

— Доброе утро, товарищ Тодур, ну как прошло первое дежурство?

— Дежурство прошло тихо. Когда же вы успели отдохнуть? Вчера разошлись очень поздно, а сейчас еще шести нет.

— Слишком много дел, бай Тодур, надо все успеть.

— При прежней власти сюда собирались лишь к одиннадцати, а в пять уже уходили.

— Надо забывать о прежних порядках. Мы — работники — привыкли поздно ложиться, рано вставать. А где бай Иорьги?

— Пошел за метлой, мы хотим подмести двор и улицу перед сельсоветом.

— Очень хорошо, но прежде всего надо заменить старую вывеску.

Тодур залез на лестницу, а Иорьги поддерживал ее внизу. Тодур ломал вывеску на куски и бросал их вниз. Иорьги, не выдержав, бросил лестницу и принялся топтать их ногами.

— На тебе! Меня примарь, истя, так истопптал на Кумлуке¹.

К восьми часам в сельсовете собрались все депутаты. Начинались будни новой жизни. Начинали претворяться в жизнь первые важнейшие решения Совета. На следующий день Иван Петрович собрал членов партии и прочитал им доклад об изменении форм и методов работы после выхода из подполья, о первоочередных задачах работы с народом.

---

¹ Кумлук — название местности (гагауз.).

— Первоочередная, неотложная задача — конфисковать хлеб у кулаков и накормить голодных. В дальнейшем нас ждут еще более важные и ответственные дела. Нам предстоит вывести Бессарабию на путь социализма и коммунизма. Для этого нам нужно организовать бедняков, средние слои крестьянства, молодежь. Именем народа, с его помощью и для него будем строить совершенно новую жизнь. Наша задача — избавить родной край от нищеты и несправедливости. Как мы это будем делать, — Иван Петрович смущенно улыбнулся, — мне и самому не ясно, но придут на помощь советские товарищи.

Через несколько дней определился районный центр — поселок Чадыр-Лунга. Вскоре там состоялась партийная конференция. На ней был избран районный комитет партии.

* * *

Однажды утром к Чилингирам зашел Иван Петрович.

— Сегодня вечером будет заседание Совета, — сказал он улыбаясь. Галев удивительно помолодел за эти дни. Лицо его излучало радость, движения стали гибкими, походка пружинистой — от того, что он свободно, не таясь, заходил к товарищам, говорил без намеков и недомолвок. И привычные советским людям фразы в его устах звучали как открытие истины.

— Мы знаем, — сказал Вани, — Андон Петрович нас предупредил. А вы, Иван Петрович, откуда возвращаетесь?

— Из района. Можете меня поздравить, я назначен директором нашей сельской школы. По дороге сюда у меня возникла мысль перетянуть

тебя, Вани, на работу в школу, а с другой стороны, в сельсовете тебя некем заменить. Там ты, наверное, нужнее.

— А кому вы передадите руководство партиорганизацией?

— Никому, директорство — это моя прямая служба, а руководство партиорганизацией — партийное поручение, общественная работа. Меня беспокоит то, что очень мало времени остается до начала учебного года. Успеем ли мы все сделать? А сделать надо очень много, чтобы первого сентября наши дети сели за парты. Старые здания нужно срочно отремонтировать, нужно подобрать и приспособить для занятий новые и еще многое-многое другое. Эти вопросы мы подробно обсудим на заседании Совета и на партсобрании. До свиданья, друзья, до вечера.

В семь часов вечера Андон Сюмбейли открыл заседание Совета. Вани вел протокол. Решался вопрос о земле. Все депутаты единогласно решили безземельным крестьянам, кроме хлеба, выделить уже засеянные участки земли богачей. Кроме того, было решено: бывшим батракам, недополучившим за свой труд от хозяев-кулаков в прошлом, произвести перерасчет и взыскать с хозяев плату. А недополучали практически все батраки.

В перерыве депутаты продолжали беседовать о только что принятом решении.

— Истя, вв-вот это решение! Пп-пусть засеянное отд-дадут, мм-мироеды! Это им рр-расплата за наши слезы, тт-то-то! — оживленно говорил Кючюк Иорьги.

Люди заходили в сельский Совет, но не забывали, что еще вчера здесь была примария, и никто не решался заходить в комнату начальства, а тут же в коридоре рассказывали свои жалобы

дежурным Кючюк Иорьги и Тодуру Димитали, которых тоже считали начальниками. Они возвышались в глазах односельчан, да и сами себя считали ответственными за все.

Димитали Тодур достал записи жалоб, с которыми обратились люди.

— Андрей Бакал батрачил у Андончун Тану, который кормил работников одними помоями да еще и недоплатил им по три демирли кукурузы, а Азманка Тоди целый год батрачил у Гермеазлы Вани, а тот выставил его без оплаты.

— Вот теперь пусть и рассчитываются, мироеды!— сказала Стефанида.

— И вам, Иорьги-ага, рассказывают люди о своих страданиях?— спросил Вани Чилингир.

— Истя, кк-конечно, рр-рассказывают. Здесь в коридоре мы первыми узнаем обо всем. Станилерин Санда батрачила целых дд-двенадцать лет у Сс-ссулу Недю. Этот мм-ммироед как будто ее удочерил, а кк-когда она вышла замуж, ни пп-приданого, ни вв-вещей девушке не дал, тто-тто!

— Это неплохо, товарищи дежурные, что вы помогаете нам в работе. Хорошо, что люди идут к нам и рассказывают о своем горе. Нужно, чтобы они верили нам, шли к нам, а не застревали около вас. А то люди могут подумать, что мы недоступное начальство, как при оккупантах.

— Об этом можете не беспокоиться, товарищ секретарь, люди идут в сельсовет, как к себе домой,— сказал Димитали.

После перерыва слово взял Иван Петрович Галев. Обсуждался вопрос о подготовке школы к новому учебному году и об обучении неграмотных.

— Товарищи,— начал Галев,— прежней влас-

ти было безразлично, что наши дети оставались неграмотными. В списках школы значилось 250 учащихся, а фактически училось менее половины записанных. Неграмотными оставались прежде всего дети бедняков, потому что у них не было средств для покупки одежды, дорогостоящих учебников и тетрадей. Кроме того, прежние учителя, которые, к счастью, ушли от нас, были заражены фашистскими идеями. Все вы знали господина Делаолту. Он безжалостно избивал детей, относился к ним высокомерно. Все учителя в равной мере ненавидели и русский и гагаузский языки. Я проработал среди них пятнадцать лет и уверен, что если бы они пронюхали, что я являюсь руководителем подполья, то без суда и следствия надели бы мне петлю на шею. Тяжко мне было смотреть, товарищи, как уродуют сознание наших детей, а выхода не было. Но вот день избавления настал. Теперь мы должны создать свою советскую школу. В дневное время будут учиться дети до шестнадцати лет, молодежь от шестнадцати до тридцати лет — вечером. Но на этом мы не остановимся, мы добьемся ликвидации неграмотности и среди всего взрослого населения. В первую очередь, буквально в два-три дня надо провести перепись детей и молодежи, взять на учет неграмотных и малограмотных взрослых.

Кроме того, нам очень не хватает учителей. Я остался один. Учителей обещали прислать с Украины и из России. Но ведь их будет мало, к тому же они не знают местного языка, и им будет трудно, и нам. Поэтому надо на месте подыскать грамотную молодежь, отправить на курсы учителей. В дальнейшем они будут учить детей и сами учиться заочно.

Советская школа, как и все наши учебные за-

ведения, имеет демократическую основу. Соберем общее собрание и решим, на каком языке будет проводиться обучение.

— Мы согласны, чтобы наши дети обучались на русском языке,— сказал один из депутатов.

— Русский язык нам и так и так изучать — он объединяет народы Советской страны. Но тут надо подумать и решать вместе. Дело это тонкое. Голос народа — решающий фактор для нас — так учил Ленин,— сказал Галев.

На следующий день в Долукиой приехали секретарь райкома партии товарищ Лавров и председатель райисполкома товарищ Давиденко. Они побеседовали с председателем сельсовета и секретарем сельской парторганизации. Вани показал им протоколы заседаний Совета.

— Все правильно!— сказал секретарь райкома.— Если найдутся такие, которые откажутся отдать хлеб или землю, сообщите в район, мы пришлем вам помощь.

— Где ваши депутаты?— спросил Давиденко.

— Они конфискуют хлеб у богачей.

— Поедем посмотрим на месте, как идут дела,— предложил Лавров, направляясь к выходу.

Когда машина с районным начальством подъехала к дому Вану Чювенжи, самого крупного сельского богача, здесь в ожидании хлеба находились уже несколько десятков крестьян.

— Здравствуйте, товарищи,— поздоровались Давиденко и Лавров.

— Здравствуйте,— отвечали люди, снимая мятые шляпы и шапки и низко склоняя головы.

— Не нужно снимать шапки и кланяться. Мы ведь не помещики. Поздоровались и достаточно. Кого вы ждете?

— Депутатов сельсовета, они будут хлеб раздавать.

— А есть хлеб у этого богача?

— У этого вора? Да он пятнадцать лет был примарем села, рука об руку с оккупантами грабил нас!

— На него работали, наверное, сотни поденщиков и десятки батраков!

— Всем он постоянно недоплачивал!

— Сколько шкур он с нас спустил!

— И богу доброе дело сделал, вон ту церковь построил,— крестьянин показал на видневшийся за деревьями купол с крестом.

— А кроме церкви построил себе дом из святого материала!..

Люди выкрикивали возбужденно и горячо, впервые не боясь, что их схватят жандармы.

— И вы у него работали?— обратился Давиденко к одному из кричавших.

— Конечно, а еще он выводил нас на казенные бесплатные работы, а за отказ избивал плетью.

— У него амбары, полные пшеницы, и кукурузы очень много,— отозвался невысокий оборванный мужичок.

— Откуда вы знаете?— спросил Давиденко.

— И я у него много лет батрачил, а однажды на три дня раньше срока оставил работу, и он за это лишил меня полугодовой оплаты.

— А вот и депутаты!— сказала Саургунарарын Дони, высокая, очень худая женщина.

На дороге показалась телега. Депутаты Ньюлай Кабак, Тодур и Вани Чилингиры ехали с другого конца села, где уже раздали хлеб. Все вошли во двор. Вани огласил решение Совета о том, что крестьяне, которые должны получить хлеб из

амбаров Чювенжи, работали у него на полях, поэтому хлеб по праву принадлежит им.

В проеме двери показалась жена Чювенжи, безобразно толстая женщина.

— Вы что, сыпали туда зерно, что ли? Собрались, как вороны на дармовое,— кричала кулачка, стараясь заплакать.— Мы собирали этот хлеб по зернышку, а он достанется дармоедам и лежебокам.

— Ах ты, гадина!— расвирепел Кыяк Диму.— Это мы дармоеды и лежебоки? На себя бы посмотрела, кровопийца! Кто тебе эти амбары насыпал, пока ты на пуховиках жирела?

— Что вы смотрите на эту яловую корову?— вышла из себя Саургунарарын Дони.— Она скоро лопнет, а я от недоедания и тяжелого труда стала сухая, как жердь. Без клочка земли четверых детей воспитываю. А бог высоко, король — далеко, кому пожалуешься?

— Я не виновата, что ты худая,— прошипела кулачка,— много вас костлявых.

— Не виновата?— спросила Дони, сжимая кулаки.— Мужа моего отправила на концентрате вместо Андончун Тану, а с него не одну тысячку выкачали! Не виновата она... А я голодных детей в землянке закрывала и у вас поденно работала. Скажи, кто из нас мог жиреть, а кто худеть?

— Ты еще смеешь говорить что-то, подлая, ты никогда на поле не выходила,— набросилась на жену Чювенжи женщина из толпы,— Забыла, сколько лет я у тебя была служанкой, а вы вместо благодарности мне плату урезали, антихристы! И еще плачешь, притворщица. Мы кровавыми слезами плакали, да ты не замечала.

— Идите в дом,— спокойно предложил Тодур жене богача,— мы все сделаем сами.

Женщина медленно повернулась и покачиваясь вошла в большой, крытый железом дом.

Чит богача, сколоченный из крепких досок, с рассчитанными вентиляционными щелями, добротной крышей, выглядел настоящим амбаром по сравнению с плетеными кукурузохранилищами у более бедных крестьян. Люди открыли его, установили кукурузотеребилку, поставили весы, и работа закипела: одни вертели теребилку, другие подавали початки, третьи наполняли мешки зерном и взвешивали, выдавая каждому столько, сколько было выделено решением Совета.

Через несколько дней в районе состоялось совещание, на котором секретарь райкома предупредил, что бдительность должна быть на высоте.

— Вас не должно успокаивать то, что богачи пока молчат. Их молчание вынужденное. Беспечность очень дорого может обойтись нам, товарищи.

* * *

Во дворе школы под руководством Стефаниды Статовой работали одиннадцать женщин. Они помогали белить, красить, убирать, а в доме попа Мокану, согласно решению Совета, отделялись три новые классные комнаты. Здесь трудились директор школы и ученики старших классов. Они таскали парты, столы, стулья. Подготовка к новому учебному году шла полным ходом.

Однажды Вани Чилингир заглянул к своим школьным товарищам — Ивану Ушанлы, Ньюклау Варнели, Қоли Қирчоғлу и рассказал им, что местной школы крайне нужны учителя.

— В понедельник из нашего района будет отправлена группа молодежи на курсы учителей, нужно, чтобы и из Долукиной ребята поехали. Может быть, вы хотите? В школе вы учились лучше других и седьмой класс закончили успешно. А туда нужны способные ребята, и я думаю, что вы подходите.

— Я согласен,— сказал Нюклай,— только с матерью нужно посоветоваться.

— Мы тоже поедem,— решили ребята.

— В воскресенье соберемся в школе, там с вами побеседует директор, узнаете, что нужно с собой взять, где получить командировочные.

— Знаешь, Вани, это просто великолепно, что Иван Петрович будет директором. Какой умный и справедливый человек! Он единственный не бил учеников,— сказал Нюклай.— А кто еще поедет на курсы? Может быть, запишешь и Тоди Геоза, он тоже закончил семь классов. Чем больше ребят, тем веселее будет.

— Нет, Тоди закончил семь классов, не имея знаний. Господин Делаолту выдал ему документ потому, что он из богатой семьи. Советской школе нужны надежные кадры — с хорошими знаниями и правильными взглядами на жизнь.

По дороге домой Вани заглянул к Галевым.

— Иван Петрович, я подыскал три кандидатуры на курсы учителей.

— Спасибо, Вани. Ты — отличный агитатор. Ребята грамотные?

— Вы их знаете, Иван Петрович, все трое — ваши бывшие ученики. — Вани перечислил ребят.

— Очень хорошо, если они действительно пойдут по собственному желанию, дело у нас наладится.

— Папа,— прервала разговор Галя,— я тоже хочу поехать на курсы учителей.

— Вот вам и четвертая кандидатура,— улыбнулся Вани.

— Ты, Галочка, хорошо подумай, прежде чем выбрать профессию. Любишь ли ты учительскую работу, сможешь ли ей посвятить свою жизнь?

— Папа, я очень люблю детей, я давно хотела тебе сказать, что, как и ты, буду учителем.

— Тогда мы в сентябре пошлем тебя в педучилище на стационар, а через четыре года возвратишься настоящей учительницей.

— Нет, пап, лучше я поеду на эти курсы и уже через полтора месяца буду учить детей.

— Хорошо, Галочка. Нам сейчас очень нужны учителя. Будешь работать и учиться.

— Спасибо, папочка,— Галя обняла и поцеловала отца.

— Тебе, Галочка, будет легче заниматься, потому что ты владеешь русским языком, а остальным ребятам придется в короткое время овладеть им...

Но Галя уже не слушала того, что говорил ей отец, она побежала в другую комнату сообщить матери эту радостную весть.

— Мы тоже сегодня славно потрудились,— поделился своей радостью Иван Петрович.— Побелили три классные комнаты, помыли и расставили мебель. В доме Мокану убрали два простенка и подготовили еще три класса. Помогали и ребята и женщины. Советская власть словно разбудила людей.

Вечерело. Вани собрался уходить.

— Подожди, Вани, посидим за вечерним чаем,— пригласил Иван Петрович.

— Спасибо, я у вас частый гость, а вот вы к нам редко заходите.

— Сейчас мне уже можно у вас бывать, а раньше, как ты сам понимаешь, просто было нельзя.

— Я все же пойду. До свидания.

— До свидания.

Галя вышла проводить его до ворот.

— Ага, Ванижик¹, я учительницей стану,— радовалась девушка.

— Значит, ты уже Галина Ивановна?

— Да-да, я уже Галина Ивановна.

— А я — секретарь. Вот возьму и не запишу тебя на курсы.— Так, дурачась, как дети, они дошли до калитки.

И все же в последнее время они повзрослели. Слишком много вопросов приходилось им решать самостоятельно. События торопили их.

* * *

В пятницу утром председатель сельского Совета вызвал дежурного Кючюк Иорьги и просил его оповестить всех депутатов о том, что в шесть часов вечера состоится заседание.

В шесть часов все депутаты были в сборе. Совет решал очень важный вопрос. Необходимо было открыть сельскую библиотеку и клуб. По этому вопросу выступил представитель районного отдела культуры.

— Сельский Совет должен выделить помещение для библиотеки и клуба, а молодежь, я думаю, во всем поможет — белить, красить, убирать. Пусть товарищи вносят и свои предложения.

— Я прошу слова,— встал Андон Сюмбей-

---

¹ Ванижик — уменьшительно-ласкательное от Вани (гагауз.).

ли.— Самый вместительный дом в Долукиной у Вану Чювенжи, к тому же он в центре села. Это помещение подойдет для клуба, а в одной из его комнат можно будет разместить библиотеку. Кроме того, все вы прекрасно знаете, что Вану построил этот дом не на свои трудовые деньги, а за счет крестьян, поэтому я считаю, что сельский Совет имеет право конфисковать его. Пусть молодежь уберет простенки, отремонтирует хорошенько и приспособит под клуб большую комнату, а меньшую — под библиотеку. Такого мое предложение, товарищи депутаты.

— А Вану куда денем?— спросил кто-то из депутатов.

— Во дворе стоит его старый дом, вот в нем пусть и живет.

— Семья у него — всего три человека, а занимает два дома. Вполне достаточно будет одного. Все бы бедняки так жили.

— Кто за то, чтобы новый дом Вану Чювенжи конфисковать под клуб и библиотеку, прошу голосовать,— предложил Андон. Все дружно подняли руки.

Совет предложил Вани подыскать среди молодежи кандидатуры для должности заведующего клубом и библиотекаря. На этом заседание закончилось, и все разошлись по домам. В сельсовете остались только Вани, Галев и представитель районного отдела культуры.

— Хорошо, что за дела клуба и библиотеки берется молодежь,— заметил представитель отдела культуры.

— Хорошо,— согласился Галев,— но если бы у нас была сельская комсомольская организация, дела пошли бы намного лучше.

— Организацию можно создать, но прежде всего нужно вам подобрать хорошего руководителя.

— Намечаем вот этого парня,— Галев кивнул в сторону Вани,— но беда в том, что у него и так слишком много поручений.

— Я работы не боюсь, Иван Петрович, вы это хорошо знаете,— сказал Вани.

— Знаю, но ведь силы твои тоже не бесконечны.

— Можно начать с того, что в ближайшее время провести общее собрание молодежи села, поговорить о предстоящих делах, сплотить вокруг Вани человек десять активистов, которые станут ядром организации.

— Пожалуй, верно,— согласился Галев с товарищем из отдела культуры,— собрание мы можем провести не откладывая, хотя бы завтра. В субботу люди раньше возвращаются с работы, и мы пригласим их на пять часов вечера на центральную площадь, где обычно проходят наши собрания. Явку молодежи обеспечит Вани.

— Хорошо,— сказал Вани,— завтра утром Кючюк Иорьги обойдет все улицы и оповестит народ.

— У меня есть хорошая лекция о боевом и трудовом пути Ленинского комсомола, я останусь у вас на завтра и прочитаю ее на собрании,— сказал представитель отдела культуры.

— Вот и славно,— обрадовался Галев,— а ты, Вани, еще позаботься о том, чтобы с четырех часов на площади гремела музыка.

Субботним утром Кючюк Иорьги с колокольчиком в руках пошел извещать молодежь о предстоящем собрании. Иорьги-ага очень гордился своей должностью, тем, что он служит Советской власти. Ему очень нравилось, что посетители сель-

совета обращались и к нему, как к депутату. А посетителей было много, не то что в прежние времена, одного слова «примария» люди боялись. Даже те, кто жил рядом, старались кружной дорогой добираться домой, чтобы не попасться жандармам или примарию на глаза, а то бед не оберешься: или на принудительные работы пошлют, или поколотят. Теперь все переменялось. Люди избавились от страха, они могли обратиться в сельсовет по любому вопросу, и Иорьги считал себя одним из представителей этой замечательной новой власти. Как же ему было не гордиться, не радоваться? Ключок Иорьги переживал свои самые светлые, самые счастливые дни. Вот только этот телефон, будь он неладен! Стоило взять трубку, как язык во рту становился камнем. Пока он соберется с силами что-нибудь сказать — на другом конце провода уже начинают сердиться. Дай бог здоровья Вани Чилингиру — он быстро подходит к телефону и избавляет его от конфузов. А когда они с напарником дежурят вместе, Иорьги предоставляет телефон Тодуру, сам то подметает, то сбегает принести воды, то кого надо позовет.

Сегодня Иорьги надел новую антери, новые чарыки, новые саргы¹. На снежно-белых саргы четко выделялись накрученные из конского волоса черные бечевки, которые служили для завязывания саргы — обмоток и представляли собой своеобразную частицу национальной одежды. Иорьги выходил на обозрение села — вот почему не жалел свою лучшую последнюю одежонку, которую когда-то по местному обычаю приготовил для своих похорон. Сначала он пошел по главной

---

¹ Саргы — шерстяные, домотканые обмотки, портянки (гагауз.).

улице Бююк Сокак. Не спеша позванивая колокольчиком, дошел до первого перекрестка. Люди открывали калитки и выходили на улицу, а за ними уже бежала толпа босых разного возраста ребяташек. На перекрестке Иорьги остановился и крикнул:

— Ввечером в пп-пять часов мм-молодым нн-на соб-б-брание!

— А старикам нельзя прийти послушать?— спрашивали люди.

— Для молодежи бб-будет лл-лекция, тт-то-то. А ты, истя, если свобб-боден, пп-пприходи, не выгонят, тт-тто-то!

Таким образом до обеда он обошел все село, затем зашел к музыкантам и попросил их от имени секретаря сельсовета прийти к четырем часам на площадь поиграть для молодежи.

В четыре часа с площади послышались звуки музыки. Музыканты играли от всей души. Еще через полчаса на площади яблоку негде было упасть.

После лекции, в которой представитель районного отдела культуры очень интересно рассказал о возникновении и победоносном пути комсомола вплоть до настоящего времени, слово взял Иван Петрович Галев. Он сообщил, что в селе будет создана комсомольская организация, коротко рассказал, что такое комсомол, почему он называется Ленинским и является помощником партии. Потом говорил Вани, мучительно волнуясь, непривычно подыскивая слова, он временами чувствовал себя косноязыким, как Иорьги-ага, и все же высказал главное: комсомольцы должны быть лучше всех и в учебе, и в работе, и в поведении... И выкрикнул вдруг:

— Нельзя нам больше темными быть! Свет от-

крылся, нам понять надо, откуда, почему.— И совсем тихо закончил:— Сами знаете, когда светло, не то, что грязь, любую соринку видно!

Последние слова Вани вызвали оживление сверстников, которые еще не умели аплодировать. Все уже понимали, что главным в комсомоле на селе будет Вани, больше никому.

Иван Петрович закрыл собрание, предложив молодежи повеселиться. Музыканты начали с традиционного «Дюз ава». Девушки и парни, образовав круг, начали медленный, плавный танец.

Вани было не до веселья. Он раздал ребятам и девушкам много книжечек с Уставом ВЛКСМ. Заведующим клубом был назначен молодой, энергичный Пети Гайдаржи, а заведующей библиотекой Катринкаларын Мани — серьезная, задумчивая девушка. Вани договорился на завтра с несколькими ребятами, что они начнут перепись детей школьного возраста.

А площадь сотрясалась от веселья. Заиграли хору, затем пошли кадынжа, молдаванжа, калгымайжа, туканжа и другие танцы. В перерыве между танцами парни и девушки пели песни. К группе ребят, окружившей Вани, подошла Галя Галева.

— Поздравляю вас, ребята. Я слышала, что вы едете на курсы учителей.

— Верно,— отозвался Нюклай,— завтра нас приглашают к господину директору.

— Не к господину, а к товарищу директору,— поправил Вани.

— Знаю, а язык не поворачивается назвать товарищем директора школы.

— Я тоже еду на курсы,— не выдержала, чтобы не похвастать, Галя.

— Вот хорошо, одна девушка поедет с нами.

— А весело сегодня на нашем мейдане,— перервал разговор Коли Кирчоглу.

— Танцы замечательные, а песен нет,— добавил Нюклай.

— Давайте русскую песню споем!— вдруг предложила Галя.

— Спели бы с радостью, но мы ведь не знаем русских песен.

— Сейчас я вам все устрою,— вспомнила девушка и скрылась среди толпы.

Через несколько минут Галя возникла словно из-под земли, ведя за собой пятерых красноармейцев, которые до этого застенчиво смотрели на гулянье. Это были солдаты воинской части, которая с первого дня освобождения располагалась неподалеку от села.

— Давайте споем русскую песню! Вы начинайте, а мы быстро научимся,— предложила Галя. Ребята ее горячо поддержали. Солдаты начали петь:

Расцветали яблони и груши,
Поплыли туманы над рекой,
Выходила на берег Катюша,
На высокий берег на крутой.
Выходила, песню заводила
Про степного сизого орла,
Про того, которого любила,
Про того, чьи письма берегла...

Песня так увлекла ребят, что они забыли о танцах. Постепенно вокруг них собралась вся молодежь. Солдаты спели «Три танкиста», потом опять «Катюшу», мелодию которой дружно подхватила молодежь и музыканты. Потом спели гагаузскую песню, музыканты перешли на «Дюз ава», возобновились танцы. Красноармейцы немело танцевали гагаузские танцы, но когда они

сплясали «Яблочко», «Барыню», все восхищенно рукоплескали им, не желая отпускать. До позднего вечера продолжалось веселье.

С гулянья Вани и Галя возвращались вместе.

— Ты знаешь, Вани, меня сегодня красноармейцы спрашивали: «Кто этот кудрявый черноволосый парень?»

— И что же ты им ответила?

— Сказала, что ты секретарь нашего сельсовета, а они говорят: «Представительный парень и русский язык хорошо знает».

— Да, Галочка, и все это благодаря твоему отцу. Я этого никогда не забуду.

— Сейчас вы оба секретари,— пошутила Галя. Но Вани ответил очень серьезно:

— Да, секретари, только я еще начинающий, незрелый, только протоколы переписываю, а твой отец — секретарь бывшей подпольной большевистской организации, сейчас сельской организации. Есть разница между нами.

— Счастливые наши отцы,— вздохнула Галя. Все самое трудное и интересное уже сделали, нам ничего не осталось. Я тоже хочу посвятить свою жизнь народному делу.

— Нам предстоит не меньше работы.

— Да, но в мирные дни негде проявить героизм.

— Иван Петрович говорит, что сейчас работы стало больше.

— Но раньше было интересней. Почему я тогда не была взрослой? Я в последнее время догадывалась, что отец подпольщик, но никогда ему об этом не говорила.

— И я знал, что мой отец ненавидит чиновников и жандармов, но не думал, что он большевик.

— Мы с детства привыкли быть вместе, Вани. Мне бы хотелось, чтобы мы и работали вместе.

— Разве мы не вместе работаем?— спросил Вани, когда они подошли к Галиной калитке и остановились под сенью акаций.

— Как же вместе, если мне послезавтра надо ехать на курсы?

— Но ведь в сентябре ты вернешься, станешь учительницей.

— Ты знаешь, я очень боюсь, что у меня ничего не получится. Мне ведь еще нет и семнадцати, какая я учительница?

— Все у тебя получится. Главное — правильно понимать время, в котором живешь. Думаешь, мне легко быть секретарем в восемнадцать лет и притом без всяких курсов? Но я самостоятельно стараюсь все освоить и осознать.

— Ты на работе проходишь курсы. Папа говорит, что новое время создает и воспитывает новых людей.

— Так ведь не само же время,— несмело возразил Вани,— это делают люди. Иван Петрович и мы с тобой тоже.

— Галя, ты помнишь, как в третьем классе домнишоарэ¹ учительница посадила нас рядом на первую парту?— вспомнил Вани.

— Помню, а ты помнишь, как дети нас дразнили?

— Тили-тили-тесто, жених и невеста... Жалко, что я бросил школу, не окончив седьмой класс, теперь надо наверстать, а работы выше головы. Буду ждать вечерней школы. Ты, Галя, все же успеешь окончить хоть седьмой класс и грамотней меня.

---

¹ Домнишоарэ — барышня (рум.).

— Ой, Вани, а ты такой самостоятельный и умный,— похвалила Галя.

— Знаний у нас, я чувствую, не хватает.

— В вечерней школе будем учиться вместе и будем сидеть, как в третьем классе, за первой партой,— пошутила Галя.

Вани на мгновение задумался и снова заговорил о деле.

— И взрослые будут обучаться в школах ликбеза. Я уже подобрал и подготовил списки культармейцев для двадцати пяти групп.

— Есть работа учителям!

— Работы теперь всем хватит.

Время подходило к полуночи, луна своим светом прощупывала макушки высоких акаций, она всходила поздно, но светила довольно ярко. Они отошли дальше, в густые тени, но и здесь лунные лучи ловили их сквозь листья деревьев. Разговаривать как будто уже было не о чем, но никто не решался предложить: давай расходиться!

— Придешь послезавтра провожать меня на курсы?— нарушила молчание Галя.

— Если выкрою свободное время, обязательно приду. Сама знаешь, сколько сейчас работы в сельсовете...

— Если захочешь, то найдешь свободное время,— бросила Галя.

— Значит оставить работу и провожать тебя? Начнут и здесь дразнить «Тили-тили-тесто...»

— Не ты ли секретарь сельсовета? Тебе и положено курсантов отправлять учиться!

— Ты права, но будущих учителей все таки должен отправлять директор школы.

— Э-хе-е-е, не думаю! У папы сейчас столько работы!.. Вот увидишь, он тебе поручит нас провожать.

— Ну, тогда обязательно пойду,— улыбнулся Вани, и они расстались.

На улице было безлюдно. Высоко поднявшаяся луна укоротила тени. Приятные события последнего времени развеяли тревоги и опасения. Люди после рабочей недели спокойно и крепко спали. Лишь изредка раздавался ленивый лай собака и беспрерывно тянулся однообразный концерт ночных артистов — сверчков.

Молодые люди расстались, так и не сумев сказать друг другу, чем были переполнены их сердца. Вани хотелось постоянно — и днем и ночью — быть с Галей вместе, ни на час, ни на минуту не расставаться с ней. А между тем впереди предстояла разлука на полтора месяца.

«Что же, это и есть любовь? — спрашивал Вани самого себя, идя по ночной улице домой. — Я ведь ничего не могу понять, а высказать и вовсе». Вани считал себя виноватым в том, что в такое сложное время он переполнен личными чувствами, в которых и сам не может разобраться. Личное не должно мешать общественному, об этом он слышал от Давиденко, которым восхищался.

Придя домой, он второпях разделся и, улегшись, старался быстро заснуть, но... не тут-то было. Сон сегодня совсем не приходил к нему. Наконец-то уснул. Ему приснилось, что их с Галей вместе в комсомол принимали. Галя почему-то была одета, как невеста, во все белое, а он — как жених. Девушки пели песню, которую исполняют на свадьбах при одевании невесты. Играли музыканты, собралось много народу. На этом торжестве, в присутствии народа, Вани и Гале вручали комсомольские билеты, но во сне ускользнуло, какие они. Одновременно председатель сельского Совета Андон Петрович Сямбейли вручил

молодоженам право на получение в собственность много земли на лучшем поле Кирезлике...

Вани хотел крикнуть: «Подождите, нам не надо земли! Куда мы идем? Ведь мы за правду боремся, а это разве справедливо? Раньше одни были богаты, а теперь мы будем, а другие снова останутся голодными и босыми...»

Здесь Вани проснулся, необычный сон не дал ему отдохнуть. Время уже было позднее. Отец ушел на работу в сельсовет (он продолжал участвовать в раздаче хлеба и земли нуждающимся беднякам), а сын впервые сегодня опоздал на работу.

— Мама,— спросил Вани,— почему ты меня не разбудила? Я же должен был вместе с отцом уйти на работу!

— Жалко было будить, сынок, ты так крепко спал! Сегодня ведь воскресенье, почему бы тебе не отдохнуть?

— Воскресенье, мамочка, а сельсовет работает, сейчас много работы.

— А почему вчера ты так поздно пришел, сынок?

— А разве ты слышала, как я пришел?

— Конечно, слышала. Ты даже не поел, а лег спать. Разве можно целый день работать, на рассвете приходиться домой, не выспаться и опять идти на работу. Какая это будет работа?

— Совсем не хотелось есть среди ночи.

— Да ты хоть сейчас не торопись, садись как положено, позавтракай, а потом пойдешь. И отец велел не пускать тебя из дому без завтрака; потом увлекаешься и про еду забываешь... Ты уже второй день на обед не приходишь...

— Я у Ивана Петровича пообедал!— ответил Вани, не находя ничего для успокоения матери, и

стал есть манжу¹ из помидоров и жареного перца. Во время завтрака Вани все думал: почему длинные ресницы и румяные щеки Гали вчера особенно хорошо выглядели? С колыбели вместе растут, а он только сейчас начинает ее заново узнавать. А когда на площади пошли танцы, как будто лучше ее никто не танцевал, и песни она пела лучше всех! Красноармейцы с нее глаз не сводили, если бы Вани не проводил ее домой, то это обязательно бы сделал кто-то из них...

И опять он спрашивал себя «Вот это и есть любовь? Почему же ее не было раньше?..»

И вдруг ему вспомнился давешний сон. В самом деле, разве справедливо отобрать землю и богатство у одного и сделать богачом другого? Так в чем же справедливость? Всем поровну или всем вместе?

— На эти вопросы ты, Иван Чилингир, должен найти ответ во что бы то ни стало... А сейчас бегом на работу!

...Войдя в сельсовет, он тотчас же позвал дежурного:

— Я, Иван Тодурович. Сейчас и Иорьги придет, — немедленно откликнулся Димитали.

— Не надо меня по отчеству величать, Тодур Мартинович, — смутился Вани, — я ведь моложе вашего младшего сына.

— Как же Ив... Тодор... Вани, ты же теперь большой начальник! — И с трудом произнес по-русски: — Руководитель.

— Так что же? Всех руководителей мы зовем товарищами или по имени-отчеству, но это уж от возраста, а не от должности... — Взглянув на телефон, Вани спросил:

---

¹ Манжа — гагаузское блюдо, обычно перченое.

— Звонков не было?

— Из райкома спрашивали председателя. Я ответил, что он вместе с Иваном Петровичем и другими депутатами беднякам хлеб раздает, а потом все поедут на поле безземельным наделью выделять. Еще из райкома спросили о вас.

— Не сказали, по какому делу?

— Сказали, чтобы вы учителей на курсы посылали не завтра, а сегодня же, потому что послезавтра уже занятия начинаются и надо, чтобы все без опоздания были на месте.

— Хорошо, в таком случае вы сходите сейчас к Панаюдун Миялу, пусть быстро запряжет подводу и немедленно едет сюда. Он повезет курсантов на станцию. Потом сходишь к Ламбу Ушанлы — он там близко живет, — пусть его сын Вани придет в сельсовет, прямо сейчас же, для отправки на курсы.

— Сейчас же бегу! — Тодур с шапкой в руках направился к выходу.

— Бай Тодур, — остановил его Вани, — надо еще трех человек позвать.

— А кто они?

— Нюклай Варнели, Коли Кирчоглу и дочка Ивана Петровича. Пусть возьмут необходимые вещи. Прямо сейчас же они должны явиться в сельсовет готовыми к отправке на курсы.

— Скажу! — Тодур тут же нахлобучил на голову большую шапку из овчины и вышел. У него, бедного, вечно не хватало денег купить себе летний головной убор, поэтому и зимой и летом парился в шапке, края которой уже облысели и овечья кожа блестела, как лед на солнце.

Иорьгица — сын Мияла Панаюдуна — остановил у крыльца сельсовета пару вороных, запряженных в новую телегу, а в коридоре топтались

четверо молодых людей: три парня и девушка.

— Взяли все, что вам нужно?— спросил секретарь сельсовета курсантов.

— Взяли!— бойко ответила за всех девушка.

— Хорошо, тогда сейчас поедете,— сказал Вани.

В это время в сельский Совет пришли директор школы Иван Петрович Галев и председатель сельсовета Сюмбейли. Они побеседовали с курсантами, наказали им учиться так, чтобы не подвести долукиойцев. Вани Чилингиру поручили провозить ребят до райцентра, оформить там документы и затем на этой же подводе доставить их на станцию к поезду.

— Счастливого вам пути!— сказал Иван Петрович и пожал всем ребятам руки, а дочку поцеловал.

Перед тем как садиться на подводу, Вани незаметно для других бросил взгляд на Галю: сегодня она была еще красивее. Пестрое платьице с короткими рукавами облегалo ее хрупкую фигурку... Вани сел рядом с ездовым и крикнул:

— Поехали, Иорьгица!

— Счастливого пути!— еще раз пожелал отъезжающим Иван Петрович, когда подвода тронулась.

— В добрый час!— добавил председатель сельского Совета и обратился к Галеву:

— Впервые из наших местных учиться едут, учителями будут, а разве раньше у нас умных людей не было?..

* * *

Панаюдун Миял в воскресный день не захотел ехать на подводе в район.

— Поезжай ты, Иорьгица,— сказал он млад-

шему сыну,— с молодыми и разговор у тебя будет интересный, а я отдохну.

Иорьгица только этого и ждал. А теперь просьба секретаря сельсовета ехать по Бююк Сокак была для него самым подходящим делом. Иначе под каким бы предлогом он проехал по этой улице, где жила его зазноба? Притом была еще возможность похвастаться вороными лошадами, каких не было больше ни у кого в селе!

Вся семья Панаюдун Мияла гордилась своими действительно красивыми, ухоженными лошадьми, ведь другого богатства у них не было. Они, как и большинство жителей Долукиоя, страдали от безземелья. Бай Миял часто сам оставался без хлеба, но лошадей кормил. Лошади были его единственной опорой.

Арендованную землю нужно было обрабатывать хорошо, только тогда мало-мальски окупался труд. Сыновья Мияла, глядя на отца, тоже с детства полюбили лошадей и труд...

По воскресеньям улица Бююк Сокак всегда была многолюдной, а сейчас, летом, в воскресный полдень, повсюду стояли группками девушки и парни. Около заборов стояли и сидели женщины, образовав свой дернек, здесь они судачили о сельских событиях, делились новостями...

Иорьгица ехал по многолюдной улице медленно. Пусть все видят, что он работает на Советскую власть. Он гордился тем, что сельский Совет часто пользовался их лошадьми. Как бы там ни было, Иорьгица не спешил, будущие курсанты тоже важничали, потому что люди смотрели на подводу и о чем-то говорили. Не было сомнения, что именно сидящие на этой телеге были предметом их разговоров.

Доехали до дирек ташы¹, Вани предложил остановать здесь подводу, сам прыгнул с телеги, за ним слезли и все остальные. Он показал письма на камне и сказал, что эти строки здесь вот уже двадцать два года являются живыми свидетелями нашей верности Советской власти. Галя начала медленно читать, и остальные читали за ней: «Бессарабия, уходя, клянемся вернуться!

Большевики румчерода».

— Кто это написал?— спросила девушка.

Вани рассказал все то, что знал об этих строках из рассказов своего отца. Парни невольно сняли шапки, и Галя сказала: «Давайте, ребята, поклянемся, что будем достойными советскими людьми и настоящими учителями». Ребята смущенно переглянулись и хрипловатыми от волнения голосами повторили друг за другом: «Клянись». Поклялся даже Иорьгица, подхваченный порывом. Они поехали дальше полем.

Раздавались лишь покрякивания Иорьгицы, погонявшего лошадей:

— Дьо-о-о, хай ди-и-ий!

Стелилась под копыта коней и колеса телеги пыльная дорога, медленно проплывала родная степь, покрытая желтыми копнами соломы, сухими травами целины, переполненная треском кузнечиков, птичьими голосами.

Иногда хлебный запах перебивал запах спеющего винограда...

Галя все время ловила себя на том, что больше думает о расставании с Вани, чем с родными. Невольно восхищало, каким он стал взрослым, серьезным... Даже не обернулся ни разу к ней за долгую дорогу... Как раз в этот момент Вани

¹ Дирек ташы — столбовой камень (гагауз.)

обернулся и улыбнулся ей так открыто, что Галя неожиданно засмеялась, за ней засмеялись парни и долго хохотали над тем, что никто не знал, от чего смешно.

В районном центре они быстро оформили документы и на той же подводе с Иорьгицей поехали на железнодорожную станцию. Вскоре прибыл поезд. Вани, попрощавшись со всеми, особенно крепко сжал Галину ручку.

— В добрый час, товарищи! Учитесь хорошо и пишите! Обязательно пишите!..

— Будем писать,— ответила за всех Галя, и курсанты сели в поезд. Галин узел до вагона нес Нюклай Варнели. Вани же в это время подумал: «Почему я не записался на курсы учителей: сейчас бы не Нюклай, а я нес Галины вещи!»

Поезд ушел. По дороге домой Вани все время молчал, мысли сами невольно возвращались к Гале: «Если бы Галя не уехала сегодня, то вечером они обязательно бы встретились и он рассказал бы ей свой необычный сон... Почему она снится?— спросил бы ее... А кто его знает, может быть, и он ей снится. Хорошо было бы!.. А на курсах она может подружиться с Нюклаем и тогда, ясно, перестанет думать о нем...» Вани старался гнать от себя мысли о любви. «Нашел, о чем размышлять. Здесь, как говорится, мир опрокидывается вверх дном, а мне что лезет в голову». И он переходил мысленно к более серьезным делам, думал, какой будет жизнь в будущем. «...Власть в наших руках, сумеем мы облегчить жизнь людей или нет?..» Трудно ответить на сложнейшие вопросы, когда тебе всего восемнадцать.

Так неожиданно началась новая жизнь — работа, о которой даже не мечтал, и, самое главное, общественная, комсомольская работа.

Из всех прожитых восемнадцати это лето стало самым важным, оно открыло для Вани, как и для всех жителей Бессарабии, дорогу к новой жизни. Он горел желанием знать или хотя бы представить себе будущее, ему очень хотелось сделать его счастливым. Вани хотелось разобраться в этом самостоятельно, без помощи старших.

* * *

...Три человека, закатав до колен штаны, взявшись за руки, месили чамур¹, две девушки с засученными выше локтя рукавами крутили из мягкой глины комья и носили их в помещение. Там, внутри, еще пять-шесть человек, поднявшись на лестницы, мазали стены.

Здесь работала молодежь. Они разобрали простенки в доме бывшего богача Вану Чювенжи и готовили там зал нового клуба. Только что назначенный заведующий клубом Пети Гейдаржи был по горло занят работой: сам привозил необходимые материалы, показывал, как и что делать, сердился и ругал за неполадки, как настоящий хозяин большого дела.

Через неделю, после напряженного труда помещения клуба и библиотеки были готовы. Долукнойская молодежь получила место для собраний и других мероприятий. В клубе через день показывали кинофильмы, проводили лекции, устраивали танцы, различные вечера. По будням молодые люди трудились на полях, виноградниках, в садах. Вокруг Вани Чилингира собрался большой молодежный актив, в основном из бедняцких семей. По понедельникам активисты на

¹ Чамур — смешанная с соломой глина для мазки стен (гагауз.).

три часа собирались в клуб и изучали Устав Ленинского комсомола. Занятия проводила молодая девушка, инструктор райкома комсомола Лидия Захарова.

С приходом Советской власти жизнь в Долукинойе день ото дня становилась все полней и интересней. Не отдельные крестьяне, а основная масса трудящихся принимала участие в делах села, района. Много нового узнавали люди в эти дни, на многие события смотрели по-новому. Народ как бы пробудился от оцепенения. Однажды в кино показали, как в России работают в колхозе.

— Тарас Петрович,— обратился Вани к председателю райисполкома, выбрав для разговора удобный момент,— объясните, пожалуйста, что такое колхоз.

— Можно, Вани,— ответил Давиденко и подробно рассказал, что из себя представляют колхозы и как там живут и работают люди.

— И у нас будут колхозы?

— Безусловно, будут! Колхозный путь нам Ленин указал. Только колхоз приведет крестьянство к социализму.

О Ленине Вани слышал от отца еще мальчиком и думал, что он очень великий человек, если не было и дня, чтобы о нем не говорили. Портрет Ленина с первого дня висел в сельском Совете и в других районных и сельских учреждениях. Слово же «социализм» парень услышал впервые и не понимал его значения. Хотел Вани и об этом спросить, но не осмелился и оставил на следующий раз.

— Только вот кулаков надо будет выявить и обуздать,— продолжал свою мысль Давиденко,— а потом продвинемся дальше. Спешка в этом деле ни к чему. А кулаки нам могут здорово помешать.

— Тарас Петрович, а кого вы называете кулаками?

— Тех, кого вы называете богачами. Кулак — это тот сельский богач, который пользуется чужим трудом, эксплуатирует неимущих, наживается на почти бесплатном труде батраков, поденщиков...

С такими, как ваш бывший примарь Вану Чювенжи, проще. Он был весь на виду. С ним поступили по справедливости. Он еще будет отвечать перед советским законом. Сложнее с теми, кто начнет маскироваться, приbedняться, примазываться к середнякам, а середняков мы обижать не должны.

— А кто такие середняки?— спрашивает Вани.

— Это крестьяне, которые живут относительно справно, но за счет только своего труда.

— Теперь понял,— сказал Вани для того, чтобы Тарас Петрович не подумал, что он совсем бестолковый, а сам, как и прежде, плохо представлял себе, что такое эксплуатация.

— Есть, Вани, еще одна разновидность врагов, надо, чтобы ты их тоже знал. Потому что сельским активистам с ними наверняка придется сталкиваться. Кулаки всячески стараются привлечь на свою сторону бедняков и при их помощи помешать делу рабочих и крестьян, мешать строительству социализма. Как говорится, нашим камнем стараются бить по нашим же головам.

— Неужели среди бедняков найдутся такие, которые предадут своих?

— Редко это бывает, Вани, но не исключено. Недаром говорится, что нет леса без сушняка. Таких предателей мы называем подкулачниками. Это люди, привычные к подачкам, потому они и могут быть опасны.

— Думаю, что среди долукойцев таких не найдется.

— Не надо так думать, Вани, у нас схватка только начинается. Бдительность должна быть на высоте, так учит партия большевиков.

* * *

Тодуру Чилингиру как депутату и активисту доверили должность сельского финансиста. Он стал отвечать за сбор налогов и за страхование. Для того, чтобы бывший кузнец быстрее освоил новое дело, его послали на десятидневный семинар в город Кишинев. В это же время в Кишиневе находился секретарь партийной организации Иван Петрович Галев. Делами села Долукой управляли в основном председатель сельсовета Андон Сюмбейли и секретарь Вани Чилингр. Они старались работать так, чтобы не чувствовалось отсутствие опытных руководителей. Все вопросы старались решать по справедливости и главное — в соответствии с законами Советской власти. Другое дело, что самих-то законов они еще не знали.

Однажды утром к секретарю сельского Совета зашел дежурный Кючюк Иорьги и говорит:

— Пп-пришли жж-женщины, истя, ии-ищут пп-присидатиля...— Он еще что-то хотел сказать, но никак не смог выговорить.

— Зачем им председатель?

— Они, истя, пп-пп-прушение написали в Совет, истя, тт-тто!

— Что за прошение?— спросил Вани.— Такие, говорят, при короле писали. Сейчас пишут заявление. Во всяком случае, я так понимаю... Скажи, пусть заходят ко мне!

— Они пп-присидателю Андону хх-ххотят дд-ддать пп-ппрошение, истя, тт-тто-то!

— Он поехал на поле. Там в стороне Обаннар нарезает беднякам землю. Пусть отдадут эту бумагу мне, а я покажу ее председателю, когда вернется.

В кабинет секретаря повалили женщины: Анка, жена Титура Ангила, Кирана, жена Минку Христу, Маричи, баба Танаса Сармысак, а с ними и мать самого Вани.

— Садитесь, садитесь, женщины,— приветливо пригласил Вани.— Что произошло, не хлеб ли кончился?

— Нет, Вани,— вышла вперед Маричи, опираясь на свою палочку.— Мы прущение принесли.

— И ты, мама, с прощением пришла? Почему дома мне не сказала об этом?

— Это, сынок, не домашнее дело, общинное, потому мы и решили в сельский Совет прийти.

— Вот собрались мы, женщины, и попросили нам прущение написать,— перебив Марину, продолжила разговор баба Маричи.

— Дайте прочитать ваше прошение.

— Нет, мы хотим самому присидателю вручить ее.

— Хорошо, но Андон Петрович уехал на поле, вечером приедет. Если не секрет, расскажите и мне, что вы желаете.

Женщины посмотрели друг на дружку и взглядами согласились рассказать.

— Вот что, сынок Вани,— снова заговорила самая смелая баба Маричи, одетая в черное широкое платье, в черном сатиновом платке, она выглядела среди женщин как монахиня.— Как говорится, я одной ногой уже в могиле, и вот пе-

ред твоей родной матерью скажу, что есть в вашем порядке один недостаток.

— Какой же вы недостаток заметили, бабушка Маричи?

— Забыли вы, дети мои, про христианство, вот что...

— Правильно!

— Так оно и есть!— хором загалдели женщины, как гуси, идущие утром к пруду.— Кулуп себе сделали, так?

— Конечно, сделали, нужно было.

— Библиотеку открыли!..

— Не спешите, пожалуйста, рассказывайте по одной.

— Хорошо,— сказала баба Маричи и обратилась к женщинам:

— Я сусун, мари гелиняр!¹ Все скажу, сын мой, по порядку. Спасибо вам большое, хлеба дали и землицы, слава богу, получаем, но с тех пор, как батюшку Мокану прогнали, посмотрите, как покойников хоронят!.. Срамота одна! Я не хочу, сын мой, чтобы и меня так тащили в могилу без попа, я — христианка!..

— Попа Мокану никто не прогонял. Он сам сбежал. Видимо, чувствовал себя виновным не в божьих делах.

— А мы-то при чем? Наши дети остаются некрещеными!

— Кутью некому и негде святить!

— День святой Марии приближается, а церковь закрыта!

— Пора свадеб подходит, где венчать молодых? А без венца жить — грех неискупимый!— снова закричали женщины хором.

---

¹ Эй, вы, женщины, молчите! (гагауз.).

— И что же вы прикажете нам делать?— спросил секретарь.— Пойти кланяться попу Мокану из Румынии? Не вы ли сами говорили, что он грабит? Родился человек, женился, умер — он за все брал, не смотрел на то, что мы были голодными; вы разве забыли, что он с жандармами был заодно, все время только и хвалил короля — самого главного мучителя народа?

— Он нам не нужен!

— Мы в пружении написали, чтобы нам из России хорошего попа прислали, советского.

— Я слышал, — сказал Вани, — что вы, бабушка Маричи, как-то посмели спросить попа Мокану, когда русские придут, а он за это вас чуть в тюрьму не упек. Это было?

— Правда, сынок, было, но и без попа как жить-то? Мы просим другого попа, который с народом был бы и сельсовету подчинялся.

— Хорошо, — согласился Вани, — придет председатель и поедем попросим в районе другого попа, наверное, есть советские попы, — и сам крепко засомневался, но женщинам о сомнении ничего не сказал.

— Вот хорошо, сыночек, — похвалила мать Вани. — Ты все же не забыл бога. А то везде только и слышу, будто все эти служители новой власти — антихристы настоящие!..

— Не волнуйся за меня, мама, я народу служу и бога признаю.

— Конечно, верно ты делаешь, сын мой, конечно. Где это видано и слыхано, чтобы от бога отречься?!

— Да, да, страшнее этого нет греха на небе, и на земле, и под землей! — добавила Маричи.

— Это, говорят, все равно, что заживо умереть! — подхватила еще одна женщина.

— Конечно, сынок,— повторила Ванина мама,— ты христианин, ты крещеный, разве можно все это забыть?

— Успокойтесь, добьемся, чтобы и поп был у нас. Завтра же с Андоном Петровичем вдвоем поедем в район,— обещал Вани женщинам, и они успокоились. Отдали ему «прушение» и разошлись по домам.

— Женщины правы,— согласился и председатель Андон Сюмбейли, вернувшись вечером и выслушав рассказ секретаря.— Ладно, нам церковь не нужна, а людям?

— Наверно, это так,— сказал Вани и спросил:— Вы что, хотели оставить служить попу Мокану, чтобы он грабил бедняков и кричал «Да здравствует король!»?

— Про него, Вани, забудь. Разве он был истинным христианином? Нашей церкви нужен такой поп, который был бы честным, настоящим божьим человеком, большевиком, понял?

— Где же мы такого найдем?..

— Попросим в районе. Что, в России мало добрых людей? Если там есть такие твердые большевики, как товарищ Лавров и Давиденко, то и честные попы должны быть. Вот вчера получена телеграмма о том, что к нам в Долукиной направлены несколько учителей и один фельдшер. Попросим попа — и его пришлют.

— Завтра обратимся к товарищу Давиденко, он скажет, что нам делать.

— Дай-ка сюда это прошение, прочтем,— попросил Андон Сюмбейли. Рассмотрев бумагу повнимательней, он сказал:

— Подожди-ка, чей это почерк, как будто мне знакомый... А-а... вспомнил!... Это почерк Андончун Тану. Смотри, что он написал! «...сельсовет

отнял у батюшки Мокану земли насильно и потому человек бросил приход и бежал...» Выходит, он не удрал, а мы его прогнали, мы виноваты...

— Все это, понятно, ложь, но и то, что селу нужен поп,— тоже вполне ясно.

Оба они были согласны с этой мыслью. Хорошо, что от грабителя Мокану избавились, думали они, теперь и церковь села мы направим по новому пути...

На следующий день Панаюдун Миял, человек пожилой, запряг своих лошадей и поехал к сельскому Совету. На этот раз он чувствовал себя хорошо, да и задание было другого характера, потому сына не послал. Он остановился прямо перед помещением сельсовета, привязал вожжи к дереву и вошел в помещение. В коридоре он увидел дежурного Кючюк Иорьги и спросил его:

— Присидатили и секлетарь издесь?

— Истя, они-то зз-зздесь, а они зз-ззаняты.

Пп-подожди, гг-гговорю, кк-куда пп-прешься?

— Как это прусь, они ведь меня позвали.

— Пп-позвали, истя, зз-ззначит ждд-ди, в-выйдут и в район пп-поедете истя, тт-то-то!

Не понравилось Миялу обращение дежурного, но он не стал с ним пререкаться, а спросил по-хорошему:

— Бай Иорьги, правда, что начальство едет сегодня в район за попом?

— Истя, мм-ммне пп-ппоп с-ссовершенно не нужен!— ответил он, выразив явное недовольство этим вопросом.

— Кто же тебе нужен, сыч ты эдакий?— Миял на этот раз рассердился.— Как это село может быть без попа? Это как отара без пастуха! Понял, бесшабашная ты голова?

— Истя, ошиб-ббаешься, ббай Миял, это как отт-тара без ищака!

— Эх ты, как тебе не стыдно, еще христианином себя считаешь!

— Истя, я не считаю сс-себя, тт-тты считаешь ссебя, то-тто! Ты чч-ччас-тенько цц-целовал руку Мм-мокану. Я к нему не ходил, пп-ппонял, тто-тто! И если новый прид-дет, не пп-пойду, тто-тто-то!

— Пожалуй, ты прав, какая польза от тебя на свете?— решил едко высмеять дежурного Миял.— Ни богу свечка, ни черту кочерга. Крещен ты или нет— никто не знает; уже за пятьдесят— не женат и, видно, не будешь, значит, венчаться не надо, детей нет, крестить некого. Ясно, тебе ни церковь, ни поп не нужны, да и бога ты, наверное, давно забыл... А вот порядочным людям нужен священник.

— Бб-ббога ты сс-сюда не впутывай, хх-ххотя и он с тт-теми, кк-ккто ббо-ггат, тт-тто! А ппопы все гг-гграбители, то-тто!

— Т-т-тто-то, тт-тто-то!— Не находил Миял, что отвечать, и, не боясь греха, стал передразнивать зайку, потом добавил:— Откуда знать, не за безверие ли господь бог тебе язык скрутил!..

В это время из кабинета вышли секретарь и председатель с бумагами под мышкой и сели на подводу.

— Смотрите, какое красивое сиденье с узорчатой подушкой поставил сегодня бай Миял, для Вани так старался или для меня?— спросил Андон Петрович.

— Для обоих и для всего села,— льстиво ответил Миял,— слышал, что едем за попом и решил, что батюшке тоже надо показать наше гостеприимство. Пожалуйста, садитесь!

— Откуда вы это услышали?— спросил удивленно Вани.

— Вчера женщины гурьбой стояли у забора Андончун Тану и рассказывали, что ты сам обещал им привезти попа.

— Приедет он, но не думаю, что прямо-таки сегодня,— ответил Вани.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Райисполком находился в центре поселка Чадыр в большом доме под красной черепицей, где полтора месяца назад размещалась префектура боярской власти. Андон Петрович и Вани Чилингир вошли в приемную председателя, поздоровались с сидящей за столом секретаршей, попросили доложить о них. Девушка вошла в кабинет и быстро вернулась.

— Пожалуйста, заходите быстрее, потому что Тарас Петрович спешит на заседание бюро райкома.

Давиденко принял долукнойских руководителей очень тепло, несмотря на то, что спешил, пригласил их сесть.

— Пожалуйста, рассказывайте о ваших делах.

— Многое мы успели сделать, Тарас Петрович, для нашего села за это короткое время,— начал Андон Петрович,— но только одним делом обидели народ. Вот посмотрите, пожалуйста, что пишут нам женщины!— И он протянул прошение, которое захватил с собой.

Давиденко взял и, быстро пробежав его глазами, спросил:

— Вам лично вручили эту бумагу?

— Нет, мне вручили,— ответил Вани.— Андона Петровича не было в сельсовете.

— Почему на месте не собрали парторганизацию и не разобрали вопрос сами?

— Секретаря парторганизации Ивана Петровича нет дома,— сказал Андон.— Он в командировке в Кишиневе по делам школы.

— Трудное дело взяли вы на себя!

— Много трудных дел мы решили,— поспешил с ответом Вани,— и этот вопрос разрешим. Дети остаются некрещеными, покойников хоронят как попало, без священника... а мы себя христианами считаем,— повторял Вани слова матери.

— А ты что, разве в бога веришь?— спросил удивленно Давиденко.

— Ясно, верю. Кто в бога не верит? Мы все крещенные христиане.

— Да-а,— протянул Тарас Петрович и стал ходить по кабинету.

— Вы тоже верующий?— спросил он председателя долукиойского сельсовета.

— Ну, а как иначе может быть? Так слышали от своих родителей, так и продолжаем доброе дело. А что, могут быть среди нас и без веры?

— Да, да, могут быть, товарищи, и есть очень много.

— У нас, во всяком случае, в Долукиоие, надеюсь, таких нет,— перебил Тараса Петровича Вани, все еще не понимая, хорошо или плохо быть верующим.— И если даже найдется какой-нибудь безверный — мы не дадим такому позорить новую власть!

— Что бы вы с такими сделали, Иван Федорович?— живо поинтересовался председатель.

— Как это что? Я бы сам взялся за такого непутевого и, надеюсь, обратил бы к богу или пусть катит туда, куда румыны покатили...

— Да, хорошо, что у вас большое усердие, но

иногда это усердие не по разуму. Хорошего сына воспитал Федор Чилингир, научил его русскому языку, но одно дело упустил, жаль!

Вани опустил голову: ему никогда не приходилось еще попадать в такое положение. Он совершенно не понимал, что же плохого было в его словах, не понимал, в чем дело.

— Тебя, Вани, можно понять,— Давиденко положил руку на плечо парня,— но как понять товарища Сюмбейли? Андон Петрович, вы большевик, а все еще в религии путаетесь, это как понимать? Вы когда вступили в партию?

— Шестнадцатого мая.

— В каком году?

— Шестнадцатого мая тасяча девятьсот сорокового года.

— В подполье, значит.

— Да, еще когда мы работали тайно,— ответил Андон, не понимая, с какой целью задаются ему эти вопросы.

Давиденко снова задумался и после некоторого молчания задал еще один вопрос.

— И что же, вы теперь желаете вернуть того попа, который убежал от вас?

— Нет, о нем и речи быть не может. Он именем бога грабил бедняков, с жандармами был заодно и королю возносил хвалу...

— А вот в этом прошении вас обвиняют. Пишут, что по вашей вине ушел прекрасный божий слуга Мокану. Вот как оборачивается дело. Вы ходит, вам надо позвать Мокану назад, а он захочет позвать и своих друзей — жандармов...— После некоторой паузы Давиденко продолжал:— А на ваше место в сельсовет предложат вернуть Вану Чювенжи. И дело пойдет дальше — земли конфискованный хлеб придется вернуть назад го-

сподам... Что же будем делать? Вернемся назад?

— Нет,— Вани хотел снова внести ясность,— люди хотят себе нового попа. Чтобы он был настоящим божьим человеком. Ясно, что Мокану нам не нужен.

— Вот что, товарищи председатель и секретарь сельского Совета. Советская власть еще двадцать два года назад, декретом от 5 февраля 1918 г., отделила церковь от государства и школу от церкви. А вы, товарищи, не знаете политику нашей партии. Коммунист,— он перевел взгляд на Вани,— не может верить в бога. Религиозность несовместима со званием коммуниста и комсомольца. Мы — атеисты, то есть мы отрицаем всяких богов и веру в них.— И уже мягче закончил:— Так что вам, друзья мои, придется в ближайшее время выбирать партию или религию, церковь или комсомол. А ведь тебя, Вани, собирались рекомендовать как комсомольского вожака. Ты же активист и советский служащий. Теперь уж не знаю, как с этим будет.

Андон Сюмбейли и Вани растерянно переглядывались. Андон потерял дар речи, а Вани, непривычно занкаясь, спросил:

— Как же нам быть и что мы скажем женщинам и людям села?

— Пусть верующие сами ищут себе служителя, это их частное дело и больше ничье. Советская власть не вмешивается во внутренние дела церкви. Но и церковь не имеет права вмешиваться в дела нашего государства. Авторы же этого прошения, как следует из его содержания, пытаются вмешиваться в дела вашего сельского Совета, значит, в государственные дела. Мало того, они обвиняют вас, избранных народом руководителей, в том, что вы проводите линию

Советов, конфискуете хлеб, земли. Вы, как я вижу, даже не прочитали эту бумагу внимательно. Не разобравшись, тут же пошли по неправильному пути... Да вы только посмотрите, что здесь написано!— Тарас Петрович медленно, с расстановкой прочитал им строчки прошения.— Да это же явно антисоветское выступление, завуалированное в религиозную оболочку!

Услышав такое, Вани перестал вообще говорить, только глазами хлопал. Андон — тоже.

— Ты отцу это прошение показывал или Галеву?

— Их нет дома,— ответил Вани,— они в Кишиневе.

— Тогда понятно, почему вы ни с того ни с сего спотыкаетесь! Нет среди вас закаленных большевиков... Возьмите это прошение и идите домой. Когда возвратятся из командировки Иван Петрович Галев и Федор Иванович Чилингир, соберите всех членов партии, депутатов, активистов, прочтите внимательно это провокационное прошение и обсудите. А потом вынесите на сельский сход для обсуждения и разъяснения. А теперь, извините, я спешу на бюро.

Попрощавшись, Давиденко вышел и направился в райком. Взглянув на свои наручные часы, он заметил, что до начала заседания оставалось еще четверть часа: он не опаздывал. «Надо будет,— подумал Давиденко,— в ближайшее время собрать всех председателей и секретарей сельсоветов района и серьезно поговорить с ними по этим вопросам. Придется пригласить из Кишинева квалифицированного лектора, пусть растолкует им политику большевистской партии и Советского государства относительно религии и церкви...»

В долукинойском сельсовете шло собрание, на котором присутствовали коммунисты, депутаты, активисты, комсомольцы. Иван Петрович Галев прочитал собравшимся прошение женщин. Все слушали внимательно, застав дыхание.

— Давайте теперь, товарищи, попробуем разобратся,— сказал он после чтения,— кто является настоящим автором этой бумаги, от кого она исходит.

— Чьи подписи там имеются?— спросил Тодур Чилинбир.

— Здесь всего одиннадцать подписей. Первой подписала жена Вану Чювенжи, потом палец приложила Сармысак Маричи и, кстати, ваша супруга тоже свой палец приложила...

Тодур знал уже, что и его жена подписала прошение, но когда об этом прилюдно сказали, ему стало не по себе...

— Но почерк известен, написал Андончун Тану,— встал и заговорил один из депутатов,— это он собрал однажды вечером женщины и начал убеждать их, что село не может быть без попа. «Пусть Мокану вернется,— говорил,— он, дескать, никому не мешал...»

— И я сразу узнал почерк Тану,— сказал председатель Андон Петрович.

— Почерк узнали, а не догадались, что Андончун Тану и жена Вану Чювенжи пекутся совсем не о христианстве,— начал Галев.— Они поставили перед собой задачу сбить наш сельсовет с верного пути, вот что... А руководители нашего села, Андон и Вани, которым народ доверил власть, тут же попались на удочку провокатора. Вы, Андон Петрович, член партии, де-

путат, а о бдительности совсем забыли. Андончун Тану шестерых батраков держал, а летнее время нанимал десятки поденщиков, которых кормил одними помоями, и за труд им платил только четвертую часть того, что полагалось. Сколько бедняков он обобрал до нитки! Тогда он не думал, что грешно так поступать, да он в то время и церковь не посещал. А теперь, видите ли, бога вспомнил, какой праведник!.. Собрал самых бедных женщин, как Дони Саургун, Маричи Сармысак, впутал сюда и Марину Чилингир — расчет у него хитрый: у Марины муж — большевик, сын Вани — секретарь сельского Совета... Нашими же руками Советскую власть опорочить хотел...

После большого разговора по поводу прошения собрание приняло решение объявить выговор Андону Петровичу Сюмбейли и Ивану Федоровичу Чилингиру за утерю бдительности и политическую близорукость. Более строгих мер принимать не стали, учитывая почти всеобщую политическую безграмотность. Коммунисту Тодуру Чилингиру также было указано, что в семье большевика — бывшего подпольщика — процветает религиозное мировоззрение. Собрание обратило внимание всех присутствующих на то, что религия в Стране Советов является сугубо личным делом самих верующих.

В конце Галев сказал, что все религии, в том числе и христианская, служили и служат эксплуататорским классам. Вот почему, когда эти классы теряют власть, они стремятся, как это у нас и происходит, ухватиться за религию и с ее помощью установить заново свое господство или, по крайней мере, помешать делу рабочих и крестьян.

— Для активистов, коммунистов и комсомольцев по понедельникам в сельском Совете будет работать политкружок. Будем изучать историю, политику нашей партии и основы атеизма, то есть безбожья. Только постоянная, настойчивая учеба раскроет нам глаза и избавит нас от непредвиденных ошибок, которые еще ждут нас впереди.

Вани вышел с собрания потрясенным. Почему так произошло, что он хотел сделать доброе дело, а оказался виноватым? В чем мешает христианство людям? Он по сей день считал, что большевики одновременно являются и самыми праведными верующими. Как это получилось, что отец ничего ему не рассказывал про это? В смятении он ринулся к Ивану Петровичу. Вани любил своего отца, верил ему, но чистую правду он хотел все-таки услышать от первого своего учителя, которого и его отец считал своим учителем.

О многом говорил с ним Иван Петрович в тот вечер. Дал Вани несколько книг антирелигиозного содержания, из которых одна — «Библия для верующих и неверующих» Емельяна Ярославского. Французское имя второго автора Вани не смог запомнить, но содержание сразу заинтересовало парня. И почему-то особое волнение охватило его в эти минуты.

— Ничего, не волнуйся,— говорил учитель.— Нет таких людей, которые не ошибаются, только надо вовремя понять и исправить свои ошибки...

Вани твердо запомнил слова Галева о том, что второй автор был священнослужителем, монахом, и его отрицание бога особенно весомо.

— И с молодежью,— предложил Галев,—

надо будет прочитать и обсудить выдержки из этих книг, а если возникнут неясности, как прочтешь, разберем вместе.

Вани шел домой и думал: «Зимой я частенько и ночевать оставался у Галевых, а вот ни разу не обратил внимание, что в доме Ивана Петровича не было икон и лампадки... А у нас в единственной комнате, где мы жили, один угол дома был полон всевозможными святыми Петрами, Ильями и распятиями. В том же уголке висела лампадка, под которую был приспособлен полуразбитый винный стакан. По субботам мать всегда наливала в эту лампадку масла и зажигала ее на час — два...»

В доме света не было, Вани тихонечко лег в постель.

* * *

Вечерело. Семья Чилингир села ужинать, все домочадцы были в сборе. За ужином и начался разговор, который давно назревал.

— Все хорошо, вот вы вдвоем, отец и сын, служащими стали, как говорится, сельские заботы на ваших плечах. И хлеба получили, и землю засеянную, готовую нам дали; остается только в амбар засыпать. Только одно мне непонятно.

— Что тебе непонятно? — спросил Тодур жену необычным тоном, наперед зная, о чем она будет говорить.

— Не понимаю, почему церковь закрыта. Большой праздник святой Марии прошел, а мы и не поняли, что праздник был. Хотя бы колокол звенел! Народ уже начинает сердиться на вас. Вани, ты куда дел наше прущение? — спро-

си, Марина сына.— Ты обещал женщинам, что на следующий день будет поп, но уже прошло больше недели, а вы все молчите...

— Кто вам это прошение написал?— спросил Вани.— Ты знаешь, что там против Советской власти написано?

— Я не знаю, сын мой, что там написано, читать и писать не умею...

— Мама, коль не умеешь, почему же тогда палец приложила?— снова спросил сын.

— Так сказал Андончун Тану.

— Вы стали слушать Андончун Тану, соскучились по батюшке Мокану!— совсем сердито добавил Тодур.

— Да нет,— оправдывалась Марина,— мы не обязательно Мокану просим. Пусть будет другой, мы и Вани то же самое говорили. Но вы посмотрите, как покойников хоронят! Разве это красиво?

— Без попа хоронят, но реже хоронят,— сказал совсем резко Тодур.— Если бы не выдавала Советская власть хлеба, то батюшка Мокану при звоне колоколов очень «красиво» похоронил бы четверть села, возможно, кого-нибудь и из нашего дома!..

Вани молчал, впервые став свидетелем ссоры родителей. Только сейчас он начинал кое в чем разбираться. Отец продолжал:

— Сколько работал в подполье, я терпел эти твои иконы и лампадки. Они прикрывали меня, а теперь ты должна понять, что от них никакой пользы нет. Что же ты заодно с кулаком Андончун Тану, от которого страдала половина села? С сегодняшнего дня чтобы я больше не слышал, что ты бегаешь по селу с этими вопросами, потому что ты и Вани сбила с толку. И еще одно:

чтобы этих икон завтра же не было на стенах, убери их, куда хочешь.

— Ы-ы-ы, Тоди, что же вы делаете? Хотите, чтобы домовые поселились у нас? И куда можно убрать святые иконы — в кузню или в чит? Грех-то какой! Ой, Вани, Вани, сынок ты мой, вот это куда ты собираешься поступать, канцар-мол или шут его знает, как называется...

— Комсомол, комсомол, а не шут.

— Да-да, вот оно-то, говорят, антихристу служит. А ты, Вани, как вижу, и сестру Зину туда тянешь, нужно ли ей, девушке, это кондомольство? Не надо, дорогие мои, хоть ее оставьте, с кем же я буду на том свете?

— Марина, а ну-ка прямо расскажи нам, откуда принесла ты эти слухи в наш дом? — спросил Тодур жену, не на шутку рассердившись.

— Жена Вану, бре Тоди, с зажженной лампадкой становится на колени и молит бога, чтобы всевышний смертью наказал тех, кто забрал их земли, хлеб и дом. Она сама сказала на улице, что комсомольцы, депутаты и вся новая власть от антихристов...

— А-ха, вот кому Советская власть не нравится! Мы, собственно, и не ждали, чтобы таким, как Чювенжи и Андончун, новая власть понравилась. Кому мы нравимся — тех абсолютное большинство.

— Так-то оно так, но из-за церкви многие отходят. Приведите попа, вас больше будут уважать.

— Кто хочет, пусть слушает врагов: вскоре сами поймут, куда ведут их эти «доброжелатели». А что касается тебя, Марина, еще раз говорю, в церковные дела не лезь и божьих добро-

хотов не слушай!— резко сказал Тодур.— И если я столько лет состою в партии, значит, и дети мои, Вани, а если захочет, и Зина, поступят в комсомол. Ну, а для всевозможных Чювенжи и Андончун мы, конечно, антихристы. Да, мы неверующие, но словом «антихрист» они стараются оклеветать нас. Долго не будут клеветать, жандармы далеко ушли...

Марина молчала, недовольная. Не думала, что в такое радостное время так неладно пойдут их семейные дела. Ждала, что сын Вани будет с ней заодно, а теперь стало ясно, что он верил отцу.

— Запомните, дорогие мои,— обратился Тодур к своей семье,— нечего вам слушать пустые разговоры! Научитесь хорошо разбираться в людях. Вам, молодым,— он посмотрел в сторону Вани и Зины,— еще встретятся «друзья», которые прикрываются именем божьим и именем черта, лишь бы напугать. Знания, знания нам нужны...

В тот вечер в семье Тодура Чилингира говорили еще о многих других делах, и все же обо всем не сумели договориться. Марина не смела возражать мужу и сыну, боясь ссоры, но отказаться от бога и выкинуть иконы было выше ее сил — думала, легче сразу умереть.

* * *

Утром мимо сельского Совета шел Диму Кыяк. Увидев на посту своего старого друга и соседа Кючюк Иорьги, он остановился и спросил его:

— Как живешь, Иорьги-ага, как настроение?

— Истя, очч-чень хорош-шо, спп-пасибо,— ответил он.— А как у вв-вас?

— Хорошо, спасибо, и я доволен. Хлеб получил, со здоровьем благополучно.— Диму по привычке почесал бороду и добавил:— Ты теперь сельскими делами ворочаешь, загордился!

— Истя, гг-горжусь, тт-тто-то! Когда хлеб есть, и ты, вневось, гг-гордишься! А пп-почему ты как пп-прежде, кк-ккалитку открывать бб-ббоишься?

— Что же мне делать, мы так привыкли: больше дома нахожусь.

— Истя, вв-власть теперь наша, и ей сс-служить надо, тт-то-то! А ты пп-получил хлеб и лапки поджал, кк-ккак чч-ччерепаха!!!

— Ведь меня никуда не выбрали.

— Выйди из сккк-корлупы, тт-тто-то! Вращайся здесь, на печке кто тебя заметит? Есс-если не спешишь, дд-ддавай помоги мне выполнить общественную рабб-бботу!..

— Какую работу?

— Вв-ввыставить на кк-ккрышу этт-ти фф-ффлаги и пп-повесить эти лл-ллозунги.

— У тебя же есть помощник Димитали, где он?

— Он, истя, дд-ддорогой ммой, пп-по сс-сселу пошел извещать народ о том, что ввечером сельский сход бб-ббудет. Большой пп-праздник с-с-сегодня, тт-тто-то!

— Какой праздник?— спросил удивленно Диму.

— Истя, вот этого-то я кк-ккак рр-рраз не знаю, бб-братец. Ппо-ка эти фф-ффлаги прибьем, приедет Иван Петрович или Вани Чилинбир, или Андд-ддон Пп-петрович— от них и узнаем, тт-то-то!

«Ты смотри, как у него язык развязался,—

подумал Диму,—раньше полчаса мучился, пока два слова свяжет, а теперь так хорошо стал разговаривать!»

— Ты, бай Иорьги, находясь в обществе, говорливым стал!— не вытерпел Диму и похвалил друга в лицо, что было не в его характере. — Раньше ты знал только виноградники, свою землянку и кузницу Тодура Чилингера, а теперь ты среди людей всего села!..

— Т-тто-то-, истя!— изрек свое любимое выражение довольный Иорьги.— Иновое вв-время пп-пп-пришло! М-мы заново, истя, рр-рродились, бб-бbrateц, тт-тто-то!

Диму поставил лестницу и стал ее держать. Иорьги полез наверх. Укрепили сначала на правом углу фронтона красный флаг, а потом на левом — другой. В середине поместили большой портрет Ленина, как велел Иван Петрович, а затем вдвоем стали прикреплять и лозунги. Иорьги старался делать работу как можно лучше. Спускался с лестницы, отходил шагов пять-шесть назад, смотрел, кричал Диму, какой поправить угол, потом снова забирался наверх.

Они уже любовались своей работой, когда пришли Галев и Андон Сюмбейли, поздоровались с Диму и Иорьги, похвалили.

Председатель задал Диму тот же вопрос, что и Иорьги:

— Диму-ага, что это вас не было видно? Как здоровье?

— Спасибо сегодняшнему дню, товарищи присидатели,— спокойно ответил тот,— все хорошо...

— Ивв-вван Пп-петрович,— обратился Иорьги к секретарю,— объясните, пп-ппожалуйста, кк-ккакой сс-сегодня пп-ппраздник. Вот и Дд-

диму спросил мм-мменя, а я объяснить нне смог, истя...

— Сегодня, друзья, на нашей земле, во всей великой Советской стране большой праздник: наш край стал самостоятельным, образована наша республика. В Москве Сессия Верховного Совета узаконила желание бессарабских рабочих, крестьян и всех трудящихся, воссоединиться с братьями из-за Днестра и совместно в единой семье строить новую жизнь. Отныне мы имеем свое самостоятельное государство, которое называется Молдавская Советская Социалистическая Республика. Наша Молдавия, согласно воле живущих в ней народов, изъявила желание войти в состав Советского Союза. Она вступает в семью других советских республик как равная среди равных. Словом, так, как входят в отчий дом братья и сестры... Да прочтите вы лозунги, которые сами же повесили!—воскликнул Иван Петрович, но, вспомнив, что оба они неграмотные, сам же прочитал: «Да здравствует свободная и независимая Молдавская Советская Социалистическая Республика!», «Да здравствует единая семья советских республик — Советский Союз!»

— Спасибо, Иван Петрович. Думаете, мы не хотели сами прочитать?—признался Диму.— Просто грамотешка у нас еле капает,— и снова почесал свою реденькую бородку.

— Истя, в тт-темноте жж-жжили, тт-тто-то! Ттемные мы с тт-тобой, Ддим-мму! К свету сразу пп-ппривыкнуть не мм-мможем, тто-тто!

— Хорошо, что имеем свою республику,— сказал Андон,— научимся и читать и писать, одолеем темноту.

— Од-долеем, истя, тто-тто! Пп-ппонял ты те-

перь, бай Дд-диму?— спросил Иорьги своего друга и обнял его.— Ннаучимся, истя, и писать, истя, и читт-тать, а ты в ттакое ввремя закрылся и дд-дома сидишь!

— Не стоит закрываться, бай Диму!— продолжил мысль Иорьги Галев.— Вот у нас вечером по поводу этого праздника большой сельский сход, приходи сам и соседей приводи. На сходе доклад будет читать секретарь райкома товарищ Лавров. Много интересного узнаешь.

Вечером площадь в центре села была переполнена народом. После окончания доклада долго не смолкало «ура!..» Крестьяне дружно качали Галева и Лаврова, громко скандировали: «Во веки веков с Советским Союзом!..» Больше всего поразило людей, что они сами будут выбирать своих представителей в правительство Молдавской Советской Республики, как выбирали недавно в свой сельсовет.

Допоздна не смолкали музыка и веселье... Было второе августа 1940 года. Не только у нас в Молдавии, но везде в великой стране Советов — от Балтики до Дальнего Востока, от южных гор до северных морей — народы Советского Союза отмечали день рождения Молдавской Советской Социалистической Республики...

В конце августа у секретаря Донукиойского сельсовета как никогда прибавилось работы. Он готовил списки всех детей школьного возраста. Полный охват детей учебой зависел от качественного и своевременного учета, поэтому к секретарю Вани для помощи были прикреплены активисты. В школе открывались специальные подготовительные классы для обучения гагаузских детей русскому языку. В этих группах са-

мые маленькие школьники накапливали нужный запас русских слов, а уже на второй год обучения, в первом классе они должны обучаться грамоте.

Директор школы Галев в эти предсентябрьские дни тоже был завален работой: он искал квартиры для вновь прибывших учителей из России и Украины. К этому времени уже вернулись четыре местных учителя с курсов. Но когда распределили классы, оказалось, что и этих учителей мало. Им было поручено вести по два класса. Кроме того, наиболее опытным надлежало работать и в третью смену, в вечерней школе. Сельский Совет готовил и для вечерней школы списки людей от шестнадцати и старше, до тридцати лет. И взрослое население в большинстве своем и многие дети были неграмотными. Все это выяснилось сейчас, при проведении подробной переписи перед самым началом нового учебного года. Потому-то и не хватало учителей. Сельский Совет готовил и школы ликбеза. В специально отведенных крестьянских домах оборудовались помещения под классы для обучения взрослых.

Неожиданно большой оказалась тяга людей к грамоте... хотели учиться многие незанесенные в списки пожилые и даже некоторые старики. Женщин было меньше, но все-таки среди них желающих постичь грамоту оказалось много.

В школе уже определился первый помощник директора — завуч Евдокия Павловна Кислякова. Она начала свою работу с молодыми учителями с того, что собрала их на беседу к себе в кабинет.

После знакомства завуч сказала:

— Запомните, стесняться не надо. Несмотря

на то, что вы еще очень молоды, вам доверено ответственное дело. Правда, знаний у вас мало-вато.

Вам надо будет больше спрашивать старших, перенимать опыт. Вы будете днем учить детей, а вечером — сами учиться в седьмом классе вечерней школы.

— А мы уже при румынах окончили седьмой класс.

— Программа тех школ,—объяснила Евдокия Павловна,—не соответствует программе советской школы. Поэтому во всех школах Бессарабии ученики в этом учебном году будут учиться на класс ниже. После окончания седьмого класса в вечерней школе мы вам поможем заочно окончить педучилище.

— Какие классы мы будем вести?—спросил Вани Ушанлы.—Я очень боюсь, что не справлюсь.

— И я очень боюсь!—поддержала Галя.

— Не огорчайтесь, справитесь. Вам, скорее всего, дадим вести подготовительные классы. Дети в подготовительных классах прежде всего должны освоить русскую речь, поэтому на уроках надо будет как можно больше разговаривать по-русски. Только так дети быстро начнут говорить, да и вы сами лучше освоите русский язык. Польза будет двойная.—Евдокия Павловна замолчала и обвела взглядом ребят.

— Галя лучше всех нас знает!—первым нарушил молчание Нюклай Варнели.

— Вот и хорошо! Она и будет вам помогать. А ты, Галя, где научилась так хорошо разговаривать по-русски? — поинтересовалась Евдокия Павловна.

— Мы дома и по-русски и по-гагаузски говорим.

— Ты дочь Ивана Петровича?

— Да, — ответила Галя.

— Тебе лучше всех: есть к кому обращаться на русском языке и дома и в школе. Но и ребятам нечего огорчаться: вам помогут все учителя, и я — в первую очередь, — добавила завуч. А теперь хочу еще об одном вас предупредить. Не секрет, что вы совсем недавно учились в других условиях, в школах существовала палочная дисциплина. У нас, в советской школе, этого нет. К детям вы должны относиться гуманно, дисциплина в нашей школе сознательная, а рукоприкладство карается законом. Советской педагогической наукой доказано, что наиболее эффективно воспитание через сознание...

— Об этом нам и на курсах говорили, — сказала Галя.

— Ну, вот и хорошо! В дальнейшем обо всех вопросах мы более подробно будем говорить на педсоветах, методических объединениях и других заседаниях и совещаниях.

— А теперь — ни пуха вам, ни пера!..

Все улыбнулись...

Школа успешно начала свою работу. Все дети являлись на занятия регулярно и старательно учились.

Галя с огромным усердием принялась за свою учительскую работу. К каждому своему уроку девушка готовилась самым тщательным образом. А на уроках заметила, что легче всего дети усваивают знания, когда преподавание ведется с элементами игры, и она охотно этим пользовалась. Галя часто обращалась за помощью к своему отцу, но у него часто времени для этого

не было. Галева вызывали в район по партийным делам, наиболее сложные вопросы в сельском Совете также без него не решались... Сходы, заседания, совещания, педсоветы чередовались одни за другими.

— Галочка,— попросил однажды Иван Петрович,— пожалуйста, обращай ко мне только с самыми серьезными вопросами. «Уча, учись!»— где-то давно прочитал я. Старайся больше самостоятельно во всем разобраться! А когда совсем не сможешь разобраться, я помогу.— Галев улыбнулся и этим как бы извинился перед дочерью.

— Поняла, папа!— И дочь поцеловала отца.

— То-то!— сказал Иван Петрович.— Как говорит наш активист Кючюк Иорьги.

Дочь с отцом одновременно засмеялись.

Мать Гали видела, что ее дочь загружена в эти дни работой сверх меры, но работает радостно, с подъемом.

Галя и ее молодые друзья с первых дней стали посещать уроки опытных учителей, часто просились и к Евдокии Павловне. Ее уроки особенно много давали молодым. С русским языком им было трудно. Ребята старались разговаривать с Галей только по-русски, чтобы быстрее отточить свою речь.

— Галя,— говорили они девушке,— ты не стесняйся нас поправлять, иначе мы никогда не научимся правильно разговаривать по-русски.

— Я без конца это делаю,— смеялась Галя,— а вы запоминайте получше.

— У меня вчера на уроке сидела Евдокия Павловна,— сказал однажды Нюклай Варнели, когда молодые учителя беседовали на перемене.

— И много она у тебя ошибок нашла? — поинтересовалась Галя.

— Целую кучу, — ответил тот. — Прежде всего сказала, что много ошибок в моей русской речи. И еще сказала, чтобы мы не просто рассказывали детям материал, а показывали наглядно — на рисунках, предметах, которые можно принести в класс, называли их, объясняли их значение и свойства. И еще, чтобы заставляли ребят говорить между собой. Это они делают охотно. Наша задача только поправлять их и подсказывать новые слова и выражения. И еще Евдокия Павловна меня похвалила немножко...

— А за что? — поинтересовался Коли Кирчоглу.

— Сказала, что я владею классом, что из меня получится настоящий учитель.

— И у меня Евдокия Павловна уже четыре урока посетила, — начала Галя. — Говорит, что ей очень нравится мое обращение с детьми. И еще она заметила, что мои ученики уже полюбили меня... Показала мне, как правильно нужно планы писать. А в конце разбора сказала, как и тебе, Нюклай, что все мы четверо не зря учимся на педагога, что мы станем скоро отличными учителями.

Так совершенно по-детски хвастались и делились опытом юные учителя.

— Скорей бы начались занятия в вечерней школе, — продолжал Нюклай. — Хорошо учить, но меня самого тянет посидеть за партой, хотя бы еще годика два-три поучиться...

— Через пятнадцать дней начнутся занятия в вечерней школе, — сказал Вани Ушаплы. — Я слышал, как Иван Петрович объяснял парням в сельсовете. Он говорил, что вечерняя школа

предназначена для работающей молодежи и откроется чуть позже, после окончания основных полевых работ, где-то в октябре.

— И я с нетерпением жду, когда откроется вечерняя школа,— вздохнула Галя,— но работать с детишками для меня приятно, правда, трудно, но интересно очень. Когда заканчиваются уроки, хочу, чтобы снова скорей начались. Приду домой и уже жду завтрашнего дня— так хочется в класс. Смотрю я на своих малышей и не налюбуюсь ими: одни еще штанишки не умеют подтягивать, подтяжечки я им застегиваю, косички девочкам заплетаю, а у всех такие живые глазки и смышленные лица! А знаете,— перебила она сама себя,— я убедилась, что малышей надо учить играючи, так они меньше утомляются, быстрее усваивают.

— Элементы игры в обучении. Это, видно, очень важно. Об этом, помню, на курсах говорили, но я плохо понял,— сказал Вани Ушанлы.

— Надо посоветоваться с завучем по этому вопросу,— добавил Ньюклай...

— Игра? Как бы нам самим не заиграться,— засомневался Коли Кирчоглу.— Ведь правда, что мы недалеко ушли от своего детства. Даже моя мама говорит, что мы еще желторотые. Какие же мы учителя?

— Пусть твоя мама не беспокоится,— сказал более смелый Вани Ушанлы.— Мы ведь будем еще на ликбезе учить ее...

— И вправду,— засмеялся Коли,— ни одной буквы не знает...

Когда Галя приехала с курсов, Вани думал, что они будут чаще встречаться, но работы у обоих оказалось столько, что иногда трудно было выкроить минуту для разговора даже при встрече. Поздороваются, улыбнутся и заторопятся. Каждый по своим делам.

— Рассказала бы, Галя, как училась на курсах,— попросил как-то Вани при встрече.

— А ты почему к нам не заходишь, что, забыл дорогу? Вечера у меня свободные.

— Да у меня-то почти все заняты. Одно делопроизводство сколько времени отнимает, суток не хватает.

— Лучше приходи почаще в клуб на танцы, там и встречаться будем.

— Постараюсь, но с условием: после танцев домой вместе идем.

— Хорошо!— улыбнулась Галя.

И сегодня в клубе Галя была самая красивая, самая стройная: на ней было сатиновое цветастое платье, на ногах туфельки на высоких каблуках. Вани знал, что эти туфельки не ее, а старшей сестры, но, видимо, с тех пор, как Галя стала учительницей, и ей позволяли надевать их... На голове она носила ярко-красный беретик. В этом одеянии Галя казалась уж совсем взрослой и похожей на настоящую учительницу. Вани мысленно снова укорил себя за то, что не поехал с Галей на курсы учителей, сейчас бы работали вместе...

В клубе большинство составляли парни. Местные девушки еще продолжали по-своему встречаться на посиделках и вечеринках.

В клуб пришли и красноармейцы, они принесли с собой патефон и пластинки.

Вани протанцевал с Галей несколько вальсов, потом в кругу — «Молдованжу» и «Дюз аву». Красноармейцы тоже танцевали с Галей. Одного из солдат звали Сергеем, по фамилии Колесников.

После танцев Галя и Вани рука об руку пошли домой. Ночь была темная, в селе пахло новым вином; люди уже начинали уборку винограда. Отовсюду доносились звуки песен, маани¹, и одна чыртма² так плавно и звучно играла юч гюжюлю³, что казалось, будто соловей проснулся ото сна и старается разбудить песней своей весь мир.

Молодежь еще не расходилась с посиделок на отдаленных улицах села. Вани и Галя шли медленно, взявшись за руки, как некогда в детстве, когда шли в школу.

— Товарищ Иван Чилингир, а я уже стала учительницей. В прошлом году сама еще училась в школе, а ныне учу детей! Даже не верится!

— А ведь ты и похожа на учительницу: вон какой рост! Да и одета ты не хуже иных учительниц. У вас в доме теперь двое учителей: твой папа и ты, Галина Ивановна.

— Советская власть, товарищ Чилингир! Не было бы Советской власти, я бы не стала учительницей, и отец мой директором, и ты — секретарем!..

— Стали бы поденщиками или батраками у

---

¹ Маани — припевки, наподобие частушек (гагауз.).

² Чыртма — народный музыкальный инструмент (гагауз.).

³ Юч гюжюлю — народный танец (гагауз.).

Чювенжи или у Геоза, или Андончун Тану,— закончил мысль девушки Вани...

Беседуя, они подошли к воротам Галиного дома и сели у калитки на скамеечке.

— Галя,— предложил Вани,— давай будем играть, как будто мы на посиделках; я буду твой ярь¹.

— Э, нет, Ванижик, не хочу играть!— ответила на шутку шуткой Галя.— Ты потом и вправду захочешь...

Оба засмеялись.

— Давай будем тихонечко смеяться, потому что мама или папа тут же догадаются, что кто-то есть у ворот.

— Что, боишься?— спросил Вани.

— Не боюсь, но они велют зайти в дом, а там разве сможем так свободно говорить?

— Какая чудесная, теплая ночь!..

— И небо играет звездами! В такую ночь только на улице быть!

— Расскажи мне еще о курсах учителей.

— Курсы прошли хорошо. В конце, как на экзаменах, слушали каждого по тем предметам, которые читались, и оценки ставили. Я получила две четверки и три пятерки. Теперь, оценки не такие, как раньше были, не десятибалльные, а пятибалльные.

— А ребята как учились?

— Им трудней всего было по русскому языку, но они очень старались...

— Ты знаешь о том, что посланцы Бессарабии поехали в Москву?

— Да, да. Нам сказали, что от нас в Москву

---

¹ Ярь — возлюбленный (гагауз.).

поехала делегация, на торжества по случаю образования Молдавской ССР. И среди делегатов одна учительница Крачунеску из Оргеева.

— У нас Аркадий Иванович Лавров об этом читал доклад. Такой большой сход собрался, не меньше, чем двадцать девятого июня было...

— Нам на курсах очень много рассказывали о Владимире Ильиче Ленине и Надежде Константиновне Крупской. Она была женой Ленина и еще учителем учителей Советской страны.

Слушая Галю, Вани все прижимался к ней и незаметно обнял ее за талию. Галя будто не заметила Ваниной руки. После паузы сказала:

— Я разве не говорила, что эта игра в правду превратится?

— Почему?

— Почему твоя рука там?

— А разве плохо будет, если и вправду?..

— Не знаю, Вани.

— Галочка, что мне делать с сердцем? Как увижу тебя, в груди какой-то комок собирается и не дает мне дышать. Сколько тебя не было, все о тебе думал, тебя во сне вижу, ты мне самая дорогая!— Вани обеими руками обнял девушку. Ее голова опустилась на грудь парня.

— Давай лучше пойдем домой, а то мне кажется, моя мама видит, что я с кем-то у ворот сижу...

— И моя мама что-то видит, чувствует...

— Что чувствует?

— Не знаю. Только она сказала мне: «Матери все чувствуют...»

В темноте был слышен свист крыльев диких уток, они рассекали воздух, улетаая, а где-то над ними, очень высоко были слышны крики журавлей. Осень...

Галя когда-то прочитала, что во время дальних перелетов птицы строятся по-особому: во главе летят самые сильные, опытные вожаки, в середине — выводок этого лета, значит, менее сильные и неопытные птицы, и замыкают ряды также сильные, взрослые.

«Вот и у людей так!» — подумала девушка и спросила:

— Вани, слышишь, в небе птицы летят?

— Конечно, слышу! Было бы днем, мы бы с тобой посчитали их. Помнишь, как считали журавлей, когда в школу ходили?..

— Помню, мы тогда в третьем классе учились. У нас были домотканые торбы с кистями.

— Моя торба и сейчас в сених на гвозде висит.

— Подходит осень, но мне почему-то кажется, весна идет, — перевела разговор Галя.

— И мне так кажется...

— Вани, нам пора расходиться.

— Нет, рано еще. Я не пущу тебя, — сказал Вани и еще крепче обнял Галю. Девушка отстранилась, пытаясь освободиться от объятий.

— Вани, — говорила она, — иди, иди скорей домой! — А собственные руки не слушали ее. Они невольно прижимали парня к себе... Их губы в темноте безошибочно нашли друг друга...

Ко всем остальным Галиным чувствам этот поцелуй прибавил еще одно — испуг, который вдруг подавил все волнующие Галины чувства.

— Вани, что мы делаем? — Она тихонечко оттолкнула от себя парня.

— Не знаю, что делаем, — вздохнул Вани.

— Иди скорей домой, уже поздно.

— Совсем не хочу уходить.

— Тише разговаривай, попадемся, глупый!..

— Галя, у вас на курсах про колхоз ничего не рассказывали?— Вани, тоже испугавшись неожиданной близости, перевел разговор.

— Говорили, да еще в кино показывали,— ответила Галя, успокаиваясь.

— У нас в сельсовете товарищ Давиденко говорил, что здесь тоже будут колхозы, и только после этого жизнь пойдет по ленинскому пути, а теперь это только начало.

— Нам, товарищ Иван Чилингир,— так шутливо Галя иногда обращалась к Вани,— прибавится еще больше работы. Мой папа говорил, что и колхозы строить придется нам, молодым...

Разговор о колхозах у них явно не клеился.

— Проводи меня немножечко,— предложил Вани и, взяв Галю за руку, встал со скамеечки. Встала и Галя.

— Вани, а я потом боюсь назад идти.

— А я тебя провожу.

— А потом?

— Потом ты меня немножечко, потом опять я тебя, и потом опять, и опять, и опять...

— Так можно до утра провожать друг друга,— сказала девушка, тихонько отняла руку и спряталась за калитку. Потом она снова показала голову.

— До свидания!

— Завтра встретимся?

— Обязательно!

— До свидания!— улыбнулся Вани и весело пошагал домой, повторяя про себя:— До свидания, хорошее слово «свидание».

Завуч долукинойской школы Евдокия Павловна и еще трое педагогов, приехавших из России и Украины, создали в школе учительскую комсомольскую организацию. На первом же своем собрании они приняли в комсомол и местных молодых учителей: Коли Кирчогу, Ваню Ушанлы, Нюкляя Варнели и Галеву Галину. Вскоре в организацию приняли и первых сельских ребят. Ваню Чилингера, потом — заведующего библиотекой Мани Катринку, чуть позже — заведующего клубом Пети Гайдаржи, депутатку Стефаниду Статову и других. С помощью комсомольцев наладилась работа вечерней школы, где учились буквально все молодые ребята села. Комсомольцы-учителя помогали культармейцам обучать неграмотных и малограмотных. Ликвидацию безграмотности комсомольцы полностью взяли на себя.

Сложней была работа молодежи по организации госпоставок хлеба, в которой они помогали сельсовету.

Комсомольцы узнали через своих сверстников и сообщили в сельсовет о том, что Пети Геза, Тану Андончун и другие кулаки прячут хлеб. Оказалось, что первая всенародная конфискация только сняла пенки. Богатеи на что-то надеялись, спрятали значительное количество кукурузы, пшеницы и другого зерна. Хуже всего, что в этом им помогали некоторые бедняки за нищенскую подачку, их называли подкулачниками.

Молодежные бригады, возглавляемые комсомольцами, по утрам и вечерам искали и находили спрятанный хлеб, удачливость их объяс-

нялось просто: редко кто из молодых скрывал кулацкие захоронки. Работы с каждым днем становилось все больше, но молодежь успевала выполнять и свою основную работу и общественную. Вскоре сельские комсомольцы отделились от школьной организации и образовали свою самостоятельную, сельскую. Ее секретарем единогласно избрали Вани Чилингир.

Сради богачей, прятавших хлеб, самым хитрым оказался Пети Геоза. На его чердаках ребята побывали не раз, везде у него было чисто подметено — хлеба не находили. А он притворялся бедным, чуть ли не нищим. Когда однажды комсомольцы пришли к Геозе искать хлеб, он сам вышел им навстречу: такой безвинный, такой забитый и несчастный, как будто только что тифом переболел, и начал тягучим голосом:

— Братцы вы мои молодые, право же, вы мне все в сыновья годитесь. Какой же ябеда вас обманул и послал ко мне? Как же у него, негодяя, язык повернулся такое наврать? Нет у меня хлеба, дети мои.

— Не прикидывайся, бай Пети,— сказал Вани Чилингир,— мы знаем, что у тебя есть зерно.

— Не говори так, сыночек, большой грех на свою душу берешь,— продолжал играть роль несчастного Геоза.— Вот все мои фитанции! Я знаю, государству нужен хлебец, да это и глупому понятно! Сам без вас отвез все, все туда, на станцию, дети мои...

— Будем искать!— бросил член комсомольской бригады Пети Гайдаржи.— Если найдем, хозяин, на себя пеняй!

— Вы ведь уже искали, дорогие, но, коль надо, позволяю снова. Ищите по всем уголкам. Я рад был бы, чтобы нашли немного хлеба. Да и

мне полмешочка оставили бы... Прямо-таки голодаем, не поверите, дети мои! А ябедники нас за богатых выдают. Какой же я хозяин богатый, сами судите?—спрашивал комсомольцев Геоза, показывая им свои рваные домотканые штаны и облысевшую по краям овчиную шапку.

— Пошли, ребята, искать, долго с ним говорить не о чем,—приказал Вани.—Обыщите хорошенько, и видно будет, какова цена этих ласковых слов.

Ребята быстро распределились: одни пошли по читам, другие полезли на чердаки, третьи — в амбары, но, к удивлению всех, кругом было пусто-пусто... И все же комсомольцы не сомневались в том, что Геоза спрятал хлеб.

Этот хитрый делец разбогател не только эксплуатацией поденщиков и батраков, но многие говорили, что некогда он занимался и открытым грабежом: ночью обокрал церковь, взяв оттуда одеяния и посуду из серебра и золота. Имел Геоза и другие страсти — любил торговать лошаадьми и скотом, при этом часто одурачивал крестьян, набивая себе карманы деньгами трудовых людей.

— Вот видите, что нет! Только зря мою семью потревожили, бедная моя баба в каморку запряталась и плачет. Она у меня страсть какая пугливая, может еще и заболеть...

— Пошлем в Копкуй¹ к знахарке, пусть ее от страха вылечит,—сказал Пети Гайдаржи, который знал, что жена Геоза не из пугливых.

— Нечего прикидываться,—добавил и Вани Ушанлы,—скажи лучше, где спрятал хлеб?

---

¹ Копкуй — населенный пункт, где жила знаменитая знахарка.

— Валлаа¹, дети мои, нечего мне скрывать! Пусть громом меня на этом месте сразит, пусть я ослепну и руки по локоть отсохнут, если я хоть одно зернышко где-нибудь спрятал! Нет у меня и грамма хлеба...

— Оставьте!— прервал Вани Чилингир этот разговор и сам обратился к Геоze:— Лучше при- знайся и сам покажи, где зерно, а то за обман еще и судить будем!..

— Сам аллах смотрит на нас с высоты, сын мой. Разве можно мне, старому человеку, лгать?!

С тех пор, как в селе установилась новая власть, Геоза день ото дня становился все более набожным. Все чаще свои взоры направлял к небу, да так умиленно и просяще, как будто на самом деле там высоко кто-то был.

Комсомольцы ушли от Геоза к другому кулаку, Андончун Тану. У него под стогом сена нашли более двух тонн пшеницы, а под пустым амбаром в яме он спрятал ячмень.

— Почему прячете?— спросил секретарь и составил акт об изъятии зерна.

Тут же были мобилизованы подводы для вывозки хлеба. Ребята наполняли мешки, грузили, и к вечеру обоз отправился на заготовительный пункт.

На следующий день утром, когда Вани Чилингир пришел в сельсовет, в коридоре он увидел Яраса Тынчу, о чем-то толковавшего с Кючюк Иорьги.

— Ивв-ван Ффе-дорович, Тт-тынчу не рр-решается зайти в кк-ккабинет, тт-то-то!

— Почему не решается?— удивился секретарь.

---

¹ Валлаа — слово высшей клятвы (гагауз.).

— Истя, нне рр-ррешается нн-нникак вв-ввот, тт-то-то!

— Пусть идет смелей.

— Пп-проходи, истя, дд-ддурень, не стыдись... — Иорьги не успел закончить свое предложение обычным «то-то».

— Пожалуйста, — пригласил Вани, открывая перед Тынчу дверь, но застенчивый парень все еще продолжал мешкать.

— Дд-дда-дда что ты еще мм-ммешкаешь, пптица ты ддикая, ззаходи, гго-ворят! — С этими словами Иорьги обеими руками затолкнул Тынчу в кабинет и, только закрыв за ним дверь, закончил свое предложение: «Истя, тт-тто-то!»...

— Товарищ секретарь, — стесняясь и чувствуя большую неловкость, начал Тынчу, — я был зятем Геоза Пети. Много лет назад в середине лета нанялся я к нему батраком на шесть месяцев, а потом остался у него работником бесплатно на пять лет.

— Как это так? Совсем не платил, а почему не бросили?

— Нет, он по-другому меня связал. Когда увидел, что я мягкохарактерный и работающий, он договорился со своим другом батраком Коти Каража, чтобы спутать меня с его дочерью Домникой.

— Как это спутать?

— Как... Как говорится, неподходяще объясняться: вы намного моложе меня... Не знаю, поймете или нет, но все же расскажу. Я был тогда, значит, неженатым, парнем ходил, допустим, как вы сейчас. Бедным я был, да рос еще к тому же круглым сиротой. Кто меня оженит, кто мои расходы на свадьбу понесет? И жил я в то время, так сказать, где вечер, там и утро...

И вот как раз на этом меня подловил Пети Геоза. Научил он этого Коти Каража. Говорит, похвали ему, значит мне, мою дочь Домнику, пусть ее себе в невесты возьмет. А Каража, вы же знаете его, шкура шкурой. Согласился, продажный он человек! И давай меня, тепленького, в мешочек совать головой. Каждый вечер (мы, батраки, в сарае ночевали вместе) Коти мне спать не давал, все про хозяйскую дочь рассказывал.

«Ты, говорит, не смотри, что она такая худощавая и что в правом глазу маленькое бельмеццо, не на ярмарку же ее везти! Будешь с ней жить, как помещик,— говорит.— Хозяин тебе земли даст. Сын у него один, да и тот давно отделен: он уже получил свой кусок. Теперь ты сам, один станешь полноправным хозяином всего имущества Геозы и будешь нами командовать... А потом, глядишь, и наследником. Не будь дураком, парень!»

Вани слушал и удивлялся тому, какие только подлости не используют кулаки для своего обогащения. Ему до этого не приходилось вникать в такие дела. Работа секретаря сельского Совета раскрывала глубоко и часто неожиданно жизнь родного села в совсем недавнем прошлом.

— И потом что случилось?— спросил он после паузы.

— Я, как говорится, по глупости поддался уговорам Коти, и... что же вы думаете, прямо в следующее воскресенье уже сыграли свадьбу. А Домника, что и говорить, немощная из немощных. В ту пору ей шел двадцать девятый год, а мне было всего девятнадцать. Кто бы такую болезненную стал бы в жены брать? Мне, молодому дураку, «счастье» досталось, и стал я зятем Пети Геозы. Домника все время болела, о

каком еще там наследстве было думать!.. И стал я бесплатным батраком... В прошлом году Домника умерла, а тесть рассердился на меня и прогнал со двора, как собаку:

— Уходи, говорит, с моих глаз, такую здоровую девку погубил! Ты ее, проклятый, в могилу загнал!..

И вот так я свою молодость погубил и здоровье свое отдал. Днем и ночью работал в хозяйстве Геозы: грузил и выгружал, скотные дворы очищал, иные сутки напролет без сна работал, а он все подхлестывал:

«Давай, говорит, зять, не на кого-нибудь, а на себя работаешь. Старайся!»

— Здорово он тебя надул!— воскликнул Вани.

— Только сейчас, товарищ секретарь, когда новая наша власть установилась, я узнал, скольких он обманул и каким он был нечестным, человеком. Но и Каража хороший кусочек! Тогда за то, что меня на Домнике помог женить, получил от Геозы полдесятины земли. И сейчас все еще продолжает с ним в один сусак¹ плевать, извините за слово.

— То есть как, и сейчас?..

— Вот потому-то я к вам и пришел. У Геозы зерна — вот!— показал Тынчу пальцем погорло.

— А почему же наши комсомольцы не смогли найти? Его читы и амбары пусты, и закопанного нигде не обнаружили... Я сам тоже участвовал при обыске.

— Не верьте ему, не верьте! Геоза все свое зерно по ночам перетаскал к Коти Каража и спрятал у него.

— Ты что?— удивился Вани.— Неужели он, столько пробатрачив у него, теперь стал при-

крывать негодея? Как так можно свои интересы предавать?

— Он такой — шкура шкурой! За глоток вина родную мать продаст. Геоза обещал ему полтонны пшеницы, если все благополучно пройдет, и еще обещал теленка отдать, когда его корова отелится. А еще Геоза пугал, что советские не надолго. Вернутся королевские порядки, худо будет тем, кто грабил добрых хозяев.

— И Каража согласился?

— Конечно, согласился. Я же говорю: это шкура шкурой!

— Хорошо, — сказал секретарь. — Будем Геозу судить и заставим его заплатить тебе за годы батрачества — за все пять лет. А о зерне никому больше не говори. Сейчас можешь идти домой. Когда нужно будет, вас Кючюк Иорьги позовет в сельсовет.

После того, как Тынчу ушел, в кабинет секретаря вошли комсомольцы.

— Завтра с утра пойдем снова к Пети Геозе, — сказал Вани. — Вся поисковая бригада к шести часам утра должна быть возле сельсовета.

Утром комсомольцы спешили, чтобы застать Геозу дома. С ними пошли и двое депутатов — Пани Ялама и Стефанида Статова. По дороге Вани рассказал ребятам, что Геоза спрятал свой хлеб у Коти Каража, а тот, вместо того чтобы помочь сельсовету, Советской власти, решил способствовать кулаку. Коти в нашем лесу вырублен, в кулацкий топор вставлен, теперь родной лес рубить готов.

— Вот, оказывается, какой топорище!

— Типичный подкулачник, — с удовольствием

произнес по-русски Вани.— А мы ему еще хлеба выдали.

— Как же не выдашь — голодающая семья, остронуждающаяся.

— Он и землю готовую, засеянную получил!— сказал Пани Ялама.— Мы с Федором Ивановичем отмерили ему. Нельзя было не давать, у него шестеро малолетних детей.

— А смотрите, по какой скользкой дорожке он пошел!— возмущалась Стефанида Статова.— Надо его судить за это!

— Подождите, ребята. Вот когда это подтвердится, тогда и будем говорить. Я рассказал об этом Ивану Петровичу Галеву, и он предупредил нас: «Смотрите, говорит, товарищи, чтобы не была это какая-нибудь провокация. Если вы даже по незнанию нарушите законность, Советская власть вам не простит. Она никому не прощает беззаконие, наказывает сурово. А кулаки между тем не прочь подтолкнуть нас на беззаконие и карать нас нашей же собственной рукой».

Несмотря на предупреждение Вани, комсомольцы, очень сердитые, вошли во двор Геозы. Сам он уже успел удалиться куда-то из дому. Вышла жена.

— Опять пришли искать, ищите! Все равно у нас ничего нет, только людей со страху губите. Муж, бедный, от горя заболел и уехал в Копкуй к знахарке от перепугу лечиться...

Искали снова, но зерна у Геозы так и не обнаружили. Потом отправились во двор Коти Каража. Навстречу комсомольцам выскочили из сеней двое совершенно голых детишек, затем в дверях появилась Котина жена с самым млад-

шим ребенком на руках, и только в конце показался сам хозяин Каража.

— Здравствуйте, товарищ Ясыбаш!— обратился Вани к нему по фамилии.— Нам стало известно вот такое дело,— сказал он напрямик,— верно это или нет?

— Что вы говорите, друзья, наверное, кто-то ради смеха эту шутку пустил,— ответил Коти, внешне как-то слишком спокойно, но смуглое лицо его побледнело и стало желто-коричневым.

— Вот что, товарищ Коти, хотя не знаю точно, товарищ ты нам или нет, но пока назову товарищем согласно закону. Нас сельсовет уполномочил искать хлеб у тех, кто его прячет,— сказал еще определеннее Пети Гайдаржи.

— Пожалуйста, ищите, вот на чердаке еще чуточку осталось от того зерна, что сельсовет мне дал, больше ничего нет.— Лицо у Коти стало еще более желтым.

— Сельсовет тебе хлеб выдает, землю дает, а ты с богачами снюхался!

— Подожди,— приостановил его Вани,— проверим прежде, правильно ли все это.

Два человека бросились на чердак маленького, крытого камышом домика. Нюклай Варнели махнул рукой:

— Нечего нам лезть на чердак. Нужно искать во дворе,— и он тут же подошел к стогу виноградной лозы, который был сложен посреди двора, топнул ногой возле него и сказал:— Яма здесь!

Ребята, подхватив вилы и жердь, опрокинули копну лозы — под ней оказалась темная земля свежесасыпанной ямы.

Пети где-то отыскал лопату, сунул ее в руки Коти и сказал:

— Как закапывал, так и откапывай, продажная твоя душа.

В первые минуты Каража не мог попасть лопатой в нужное место. Потом, отчаявшись, начал копать яростно, и вскоре показалась солома, которой была прикрыта отборная пшеница. Обессиленный Коти бросил лопату и сел на землю около ямы. Жена его заголосила, а за ней и вся орава голопузых ребятишек. Комсомольцам даже стало не по себе.

Рассердившись, Вани схватил Коти за грудки и рывком поставил его на ноги:

— Тебе же помогли хлебом, засеянной землей. Смотри, ребятишки уже сытыми выглядят, а ты?..— И резко выкрикнул:

— Да ты детей своих продал за это зерно, не только совесть! И Коти пробормотал:

— Какая у батрака совесть, вечно голодное брюхо.

— Ладно, тогда голодал, а сейчас ведь хлеб получил. Чего опять помог Геозе?

— Простите, товарищи, прошу Вас, простите, пожалейте моих детишек! Запугал, да и подкупил, чего скрывать, польстился на лишнее зерно.

Вани быстро оформил акт, заставив подкупачника приложить палец. Ребята уже привычно ссыпали в мешки зерно и складывали. Кто-то побежал за подводами. В ожидании подвод Вани потребовал от Коти:

— Ну-ка, расскажи, как вы насильно поженили Тынчу Яраса на немощной дочери Геоза?

Комсомольцы и депутаты удивлялись, откуда Вани мог знать о тех давно минувших делах.

— На какой дочери?

— Не притворяйся! На той самой Домнике,

которая умерла в прошлом году. Расскажи, не прикидывайся, а то сейчас отправлю в НКВД!

— Не насильно, Иван Федурч, обманом. Что делать, из-за бедности поддался я и помог хозяину... Ты говоришь — совесть, вон моя совесть, вечно кричат: есть хочу, хлеба хочу!..

— «Из-за бедности»... Что, думаешь, остальные все богатые были? Такие же, а может быть, и беднее, а совесть не продавали, терпели, мучались, людьми оставались.

— Отдам тебе, говорит, полдесятины земли на самом лучшем месте Кирезлике, только, говорит, посватай мою дочку за Тынчу, — продолжал рассказывать, как было дело, Каража. — Он, говорит, сирота, парень покладистый, согласится жениться...

— Ну и что, дал он тебе потом землю?

— Дал, но...

— Что значит «но»?..

— Не на Кирезлике, а на Обаннар, где, кроме чертополоха и молочая, ничего не растет.

— Так тебе и надо, кулацкому прихвостню, — бросил Пети Гайдаржи. — Вот так богачи оплачивают вашу продажность. Он и тебя, и Тынчу обдурил.

— Хорошо, вот ты и станешь свидетелем на суде и расскажешь все, как было.

— Хорошо, хорошо, все сделаю, только не судите меня, пожалуйста! — плакал и просил трусливый Каража. — Пожалуйста, прошу вас!..

— Такого, так ты, жалеть нечего, — вступила в разговор комсомолка и депутатка Статова Стефанида. — «Хорошее» сватовство совершил!

— Почему же ты сам не женился на Домнике? — спросил Пани.

— Очень болезненная она была: на один глаз

косая, а другой — с бельмом, и говорить по-человечески не могла — как муха только жужжала!..

— Пойдешь с нами в сельсовет и там разберемся, — подвел черту Вани Чилингир.

Комсомольцы оставили часть пшеницы для раздачи нуждающимся в семенах, голодающих уже не было.

После обеда бригада комсомольцев вернулась в сельсовет. В считанные минуты была выпущена «молния»! В листке хлестко, резко изображали кулака Геозу и подкулачника Коти Каража.

* * *

Дежурные сельсовета Тодур Димитали и Кючюк Иорьги смотрели на листок и ничего не понимали. Они только по слухам давно знали о Геозе. Что он прячет хлеб у соседей и о том, как он прогнал Тынчу после смерти своей дочери, и многое другое. Теперь и Коти Каража находился здесь, сидел в коридоре сельсовета, ждал, когда его позовет секретарь, изредка тоже косился на висевшую «молнию», около которой собрались люди.

Иорьги, бросив презрительный взгляд на Коти, спросил его:

— Истя, ты многооррогая скотт-тина, ссв-ватовства ли т-ттебе не хватало?..

Коти ничего не отвечал, он только ниже опустил голову.

— Истя, ввот сс-сейчас ммолчишь. Сам бы взял в жены дочь Гг-геозы.

— В отношении себя он не дурак, — вмешался в разговор комсомолец Пети Гайдаржи, ко-

того приставили к Коти караулить, чтобы тот не убежал куда-нибудь,— других дурачить любит. Теперь вместе с Геозой будешь наравне отвечать, балда!

— Истя, бб-ббудешь отвечать, д-ддурень! А ты как думал?

— Не будьте жестокими, братцы!— просил Коти.— Простите, я ведь всю жизнь был бедным, все время батрачил на кулаков...

— Истя, был ббб-ббедным, а бб-ббедняков пп-ппредавал, тт-то-тто!

— Ты когда засватал Тынчу, не думал о том, что рано или поздно эти дела выявятся?— спросил Пети.

Каража ничего не смог ему ответить, только поник головой.

— Истя, пп-пподарил тебе Гг-геоза рубаху на свадьбе зз-за то, что ты пп-ппомог ему Тт-тынчу в ярмо зз-ззапрягать?¹

— Вместо рубахи,— ответил за него Пети Гайдаржи,— Геоза бросил ему объедки со своего стола, как собакам бросают. Дал ему на самом плохом месте полоску земли, заросшую осотом и чертополохом.

— Нна ттебе, бборзый, зземлицу с осотом! За то, что ккровного брата пппредал, тт-тто-то!

Из райкома комсомола приехала инструктор Лидия Захарова. Она снова собрала молодежь для изучения Устава комсомола. Когда занятие по Уставу кончилось, Вани Чилингир обратился к молодежи с объявлением:

— Товарищи, надеюсь, что вы все прочитали сегодняшнюю «молнию». Видите, какие события

---

¹ По гагаузскому обычаю сватам дарят главный подарок — вышитую рубаху и длинное полотенце в день свадьбы.

происходят у нас в Долукинойе. Кулак вербует себе помощников из нашей же среды. Вот вам лицо Геозы: женит свою дочь-кулачку на несчастном батраке Тынчу, убивая двух дроф одним выстрелом — берет себе бесплатного батрака и сваливает с себя заботы о больной дочери на другого. И хватило же у него нахальства еще обвинить Тынчу в прошлом году, когда его больная дочка умерла, в том, что якобы Тынчу временно загнал ее в могилу. И под этим предлогом прогнал так называемого зятя со своего двора, не заплатив ему ни гроша!..

— А что за человек Коти Каража?— спросила Лидия Захарова.

— Подкулачник,— ответил Вани,— а вообще темный, голодный и глупый.

— Все равно,— сказала Лидия Захарова,— таких подкулачников надо наказывать, чтобы другим неповадно было. Если бедные будут помогать богачам, мы не построим новую жизнь.

* * *

В вечерней школе училось более трехсот парней и девушек, кроме того в селе работали трижды в неделю кружки по ликвидации безграмотности. Можно было удивляться тому, где молодежь находила столько времени для выполнения этой большой работы на селе. Комсомольцы успевали сами учиться и помогали культурмейцам — разыскивали литературу, буквари, налаживали посещаемость. Заботились, чтобы в помещениях было тепло, лампы горели, чтобы хорошо шла работа.

В дневной школе дети учились до пятого класса, а в вечерней были и шестые, и седьмые классы. В седьмом (этот клас в те времена был вы-

пускным) учились и местные учителя, начавшие работать в этом году. Это Нюклай Варнели, Вани Ушанлы, Галя Галева и Коли Кирчоглу. В этом же классе занимались завклубом Пети Гайдаржи, библиотекарь Мани Катринку, Вани Чилингир и некоторые другие ребята, которые учились самостоятельно и уровень их знаний соответствовал седьмому классу. Таким устраивали небольшой экзамен для проверки знаний перед зачислением в выпускной класс. С большим интересом молодежь слушала уроки математики, химии, литературы, истории. Когда выходили на перемену, начинались обсуждения и сравнения прошлой школы с настоящей.

Вот и сегодня вечером только что вышли на перемену после урока истории. В коридоре вокруг керосиновой лампы собрались Вани Чилингир, Галя Галева, Пети Гайдаржи и другие ребята.

— Вы слышали, как сказал Борис Никанорович,— начал Пети Гайдаржи,— что история — это не сказка, а наука, которая излагает лишь то, что действительно было и есть — значит, лишь правду.

— Ага, и мне понравилось, когда он сказал, что наука ничего не принимает на веру, без проверки экспериментом или практикой,— прибавила бойкая Галя.

— Я, по крайней мере, так понял, что наука тогда является настоящей,— вступил в разговор Вани,— когда она говорит только правду, невзирая на то, нравится эта правда или нет. Но когда наука начинает в чем-то кривить, чтобы кому-то угодить, тогда это не наука. Помните, как когда-то бывший наш учитель господин Делаолту рассказывал по истории, что якобы предками гагаузов являлись римляне?

— Как не помнить,— улыбнулся Пети,— я однажды даже заработал на этом четыре плет-
ки.

— Давайте обо всем этом спросим учителей.— Ребята направились в учительскую к Борису Никаноровичу.

— Борис Никанорович,— первая спросила Галя,— нас раньше учил господин Делаолту тому, что предками гагаузов являлись римляне, но ребята не верят в это. Скажите, пожалуйста, кто же в действительности являются предками нашего народа?

— Румыны и гагаузы,— спокойно начал учитель,— в этническом отношении далекие друг от друга народы. Это прежде всего видно по языку. Ваш бывший учитель господин Делаолту частично правильно объяснял, что на формирование этнической группы Валахов или Волохов, к которым относятся и румыны и молдаване, значительное влияние оказали римские завоеватели и местные дако-гетские племена, но это не всё. Не меньшее влияние оказали на формирование волохов славянские племена. Еще в десятом веке Галицко-Волынское княжество, входившее в состав древнерусского государства, простиралось по Причерноморью до Дуная, включая земли современной Бессарабии и Северной Буковины. На западе граница шла по Карпатским горам и Закарпатья. Это говорит о том, что народы долго жили вместе, а это не могло остаться без взаимного влияния. Ярким свидетельством славянского влияния на волохов является современный румынский язык, где рядом с корнями самых обиходных слов латинского происхождения присутствуют корни славянские.

Что же касается происхождения гагаузов — в

исторической науке пока определенного ответа нет, но то, что гагаузы — тюркоязычный народ — это факт, который смешно отрицать.

Здесь учитель Делаолту ошибался или преднамеренно фальсифицировал науку, скорее второе.

В настоящее время в Советском Союзе счастливо и дружно живут более ста народов и народностей. Все они, как братья и сестры, одной семьей живут. В большую советскую семью на равных правах влились и народы Бессарабии: молдаване, гагаузы, болгары, цыгане, евреи и другие.

— Знаем, Борис Никанорович, — сказал Вани Чилингир. — О нашей новой республике — Молдавской ССР — на сходе граждан села говорил секретарь райкома товарищ Лавров.

— И я там был, — сказал Пети Гайдаржи, — но только всего не понял.

— А теперь перемена уже кончилась, вот и звонок прозвучал. Все по классам!

Это был последний урок. Когда окончились занятия, было уже поздно — без десяти минут двенадцать, но ученики остались с учителем, продолжая задавать ему вопросы.

В конце концов, ребята начали расходиться по домам. С ними пошел и Вани Чилингир. По дороге он внезапно отстал и, перебежав на другую улицу, остановился у Галиного забора, спрятавшись под высокими акациями. Только успел стать за дерево, как вдруг из-за угла послышались голоса — по улице шли ребята, а с ними и Галя.

— До свидания, Галя!

— До свидания, ребята! — раздались голоса.

Все ушли, но Галя еще продолжала стоять у

ворот. Вани вышел из-за акации, кашлянув, чтобы не напугать Галю.

Она тут же спряталась за другую акацию. Но когда выглянула, Вани не стал прятаться.

— Как ты сумел раньше нас прийти сюда?— удивилась девушка.

— На это у меня есть ноги.

— А ребята не поняли, что ты за мной бегаешь?

— Никто ни о чем не догадывается,— ответил Вани.

— Только наши мамы что-то чувствуют.

— Я же давно об этом говорил... От них ничего не спрячешь.

— Ясное дело. Вот и сейчас, как только войду в дом, мама спросит: «Что, разве вечерняя школа в два часа ночи кончается?»

— Скажи, что в два.

— А папа?

— Да, действительно, ничего нельзя скрыть. Лучше им уж правду сказать.

— А если попадем на языки ребятам? И в вечерней школе не будут ли нас с тобой дразнить или сплетничать?

— Пусть дразнят, потерпим,— ответил Вани.— Пусть, разве мы не похожи на жениха и невесту?

— Ой, Вани, мы же учителя и комсомольцы, а в селе, ты знаешь, кое-кто ненавидит нас, с удовольствием забросают грязью из-за угла.

— Я-то не учитель,— вздохнул Вани,— хоть и очень хотел бы им стать, но ты права, сельсоветчику тоже нужна чистая репутация.

— Сейчас поздно... Нам пора расходиться.

Вани медленно протянул руку, Галя тоже подала руку.

Вани крепко жал ее и не хотел выпускать.

— Я тебя люблю... Ни на минуту не перестаю думать о тебе, для тебя я хочу лучше учиться и много, много хороших дел для нашего села сделать.

— А я даже не знаю, кого в первую очередь любить,— сказала полушутя Галя,— аж голова кружится. Ты бы посмотрел на ребяташек из моего класса! Они такие красивые, маленькие и наивные, что к ним нельзя остаться равнодушным. Приходи хоть разочек и посмотри на моих малышей. Я даже в выходной скучаю по ребяташкам.

А еще я очень люблю Евдокию Павловну. Она так много знает, много умеет. Она настоящий советский учитель. А терпеливая!

— Мне очень нравятся ее уроки по литературе!— сказал Вани.

— Невозможно, чтобы они кому-то не нравились. Евдокия Павловна фактически полностью за всю вечернюю школу отвечает. Мой папа говорит, что это ее партийное поручение, потому что один директор везде не может успеть. У папы большую часть времени забирает работа партийная. А для нас, новых учителей, Евдокия Павловна — родная мать. Валлаа, Вани, я ее люблю, как свою родную маму!

— Только ты еще немножко и меня люби, ладно?

— Ладно!— засмеялась Галя и исчезла за калиткой. Чуть стукнул засов, и все стихло.

Начался декабрь, по утрам толстый слой белого инея покрывал поля, а снега еще не было. В обед на несколько часов становилось даже жарко, но по вечерам было холодно.

В такое время Буджакская степь выглядит неповторимо красиво: что значит равнинная гладь! Бесконечная и необъятная степь! На стерне изредка виднеется плуг — крестьянин пашет свою полоску. На пастбищах слышен перезвон колокольчиков, повешенных на шею баранов. Именно такой выглядела наша степь перед началом зимы, но нынешнее поле имело и знаменитости: широкие полосы на самых лучших землях сузились. Нивы обрели себе новых хозяев. Сто пятьдесят безземельных семей, имеющих по шесть-семь детишек, нынче получили землю. Завтрашний день уже не был для них голодным, страшным, как раньше. Они верили в будущее, жили им и строили его.

Промеж этих полей и виноградников из села Долукиой в районный центр Чадыр была дорога. До прошлого года по ней ездили на фазтонках попы, примари да жандармы конвоировали недовольных и виноватых... Сегодня же по этой дороге ехало пять подвод. В них сидели долукойские активисты: председатель сельского Совета, секретарь парторганизации, учителя, комсомольцы, культармейцы. Все они ехали на совещание по подготовке к выборам. На двенадцатое января тысяча девятьсот сорок первого года были назначены выборы в Верховный Совет СССР и Верховный Совет Молдавской ССР.

Секретарь райкома партии Аркадий Иванович Лавров в своем докладе сказал, что для

большинства молдавского народа эти выборы будут первыми в их жизни, впервые будут принимать участие в голосовании все женщины края. Поэтому к выборам нужно будет хорошо подготовиться. К этому дню надо будет добиться, чтобы неграмотные научились писать и читать, чтобы сами своими глазами прочитали в бюллетнях фамилии кандидатов, за которых они отдадут свои голоса, а с малограмотными да и грамотными трудящимися надо будет изучать Конституцию Советского Союза, чтобы каждый сознательно принимал участие в выборах.

Через несколько дней по тому же вопросу состоялось большое совещание и в клубе села Долукией.

Иван Петрович Галев рассказал собравшимся активистам о задачах в период подготовки к выборам. Были даны конкретные поручения агитаторам. Село было разбито на десятидворки, чтобы удобнее было проводить предвыборную работу.

Секретарю сельсовета, как и всегда, выпало самое ответственное — он должен был за короткий срок подготовить списки избирателей. Для выполнения этой работы к нему прикрепили четырех помощников — местных молодых учителей, в том числе и Галю Галеву. Еще через некоторое время была образована участковая комиссия, а ее председателем был избран коммунист Борис Никанорович, учитель истории.

* * *

В селе Конгаз со своей трудолюбивой семьей жил крестьянин Кости Факалы. Считался хозяином среднего достатка, но в засушливые годы

он смешивался с самыми бедными, как все они, с мешком под мышкой ходил и просил у богачей хлеба до нового урожая, соглашаясь на кабальные условия. Когда случались урожайные годы, он несколько оживал. Кости знали не только в его родном селе, но и в соседних как прямого, честного и очень доброго человека, часто вступавшего в споры с сельскими властями и богачами, защищая справедливость... Поэтому люди дружно называли его имя кандидатом в депутаты в Верховный Совет молодой Молдавской республики.

Когда он приехал на встречу с избирателями Долукиойя, на краю села его встретили хлебом и солью. На этот раз не понадобилось, чтобы Кючюк Иорьги обходил улицы и собирал народ. Люди сами, без оповещения, стекались на встречу с кандидатом в депутаты.

На собрании от имени избирателей Долукиойя выступил Андон Сюмебейли, который хорошо знал думы и чаяния своих односельчан.

— Дорогой наш друг и товарищ Кости,— обратился он к кандидату,— мы давно тебя знаем, ты достойный человек, потому и выдвигаем в Верховный Совет нашей республики, значит, в Верховный орган нашего государства. Мы от всей души отдадим за тебя в день выборов наши голоса, но перед этим хотим сказать тебе и наш наказ: служи, брат, Советской власти так, как честно и добросовестно прожил свою жизнь до этого. Ты, Кости, прославился своей честной и трудовой жизнью давно, но прежняя власть тебя ненавидела. Она всегда ненавидела правду и тех, кто ей служил.

А наша новая власть! Ты видишь, это я, председатель сельсовета, а кто не знает, что я был

вековечный батрак. А если мы выберем тебя — ты будешь завтра нашим представителем в Верховной власти республики. Это власть правды, дорогие земляки! Это истинная власть народа. И я призываю вас в день выборов проголосовать за нашего кандидата в депутаты Факалы Константина Петровича.

— Истя, гг-гговори, Андон, истя и за нас гг-говори, потому тт-ттебя пп-пприсидателем поставили, тт-тто-то! — слышался голос Иорьги из зала.

— Пожалуйста, выступайте и говорите вы тоже, товарищи! — предложил Андон. — Трибуной может пользоваться каждый без стеснения. Пожалуйста!

Завтра должен быть самый светлый праздник — день выборов. Кыяк Диму с вечаера сказал сыну:

— Люгор, найди тот красный флажок и прибай к воротам, пусть все видят, что мы согласны участвовать в выборах и любим Советскую власть, что от вшей души будем голосовать.

— Бака¹, я уже прибил, — ответил сын и спросил: — Ты видел, Андончун Тану тоже вывесил на своих воротах красный флажок?

— Конечно, повесит, — сказал Диму, перебирая свою побеленную инеем бородку. — Медведь разве от радости пляшет? — Его величество король убрался и сыновья Тану с ним вместе убежали — не на кого теперь опираться кулаку. — Диму немногò помолчал, подумал и добавил: — Их флажок, сын мой, не похож на наш. Чувствую

---

¹ Бака — отец (гагауз.).

я, что они не согласны. Печет их то, что земли на Кирезлике забрали и раздали беднякам. Красным флажком они стараются прикрыть свою ненависть к Советской власти.

На следующий день Диму встал утром и в пять часов разбудил жену, сына и невестку.

— Достань из сундука мой антери с гайтаном¹, дай еще смушковую шапку и мои белые саргы,— сказал он жене.

— К чему такой наряд старому человеку: не пасха же пришла?— сказала жена.

— Не понимаете вы, женщины, ничего, — укорил Диму свою жену.— Лучше уж молчите и делайте, что вам говорят. И сама оденься в свой кептарь с марокеном — узором. Невестка, и ты надень свою лучшую одежду... Сегодняшний день намного важнее всех праздников на свете: сегодня — выборы! А это значит, что мы, и даже вы, женщины, которые раньше как фальшивые монеты считались, теперь признаетесь людьми. Быстрее приготовьтесь и пойдем голосовать. Мы будем первыми.

В шесть часов утра семья Диму, празднично, нарядно одетая, вышла изворот дома. Снег скрипел под ногами, в сухом холодном воздухе далеко была слышна музыка, которая доносилась из помещения избирательного участка. Диму удивлялся и думал про себя: «Смотри, как много женщин, девушек идут голосовать, как на хору» и огорчался, что не вышел со своей семьей еще раньше.

Когда Диму со своими подходили к избира-

---

¹ Антери с гайтаном — гагаузская национальная одежда.

тельному участку, встретили семью Ялама Пани: они тоже спешили на выборы.

По дороге к ним присоединились и Тодур Арфонос со всеми своими сыновьями, невестками и женой. Все были одеты празднично. Очень нарядными выглядели женщины и девушки: на груди у них висело по три-четыре ряда мониста.

— Ты, бай Диму,— сказал Пани,— нарядился, как жених перед венцом.

— Хватит, друг мой, двадцать два года были в трауре. Настал и на нашей улице праздник!

— И я, товарищи, говорю жене: достань из сундука, что есть лучшее, оденемся и выйдем на люди, хоть раз, пока живы, свободно и без страха пройдемся по улице,— добавил Пани.

— Вот это голосование!— вмешался в разговор Тодур Арфонос.— Настоящий праздники в доме, и на улице, и на душе. Ты, сосед Диму, помнишь, как при королевской власти однажды в выборах участвовали?

— Хорошо помню, друзья. Тогда на удочку Гани Лейба попал, так был избит, что, пожалуй, всю жизнь не забуду. «Иди,— говорит,— голосуй за царанистов, и ты землю получишь...»

— Будь они прокляты,— подхватил Танас Капсомун, присоединившийся к ним по дороге,— и я попался однажды к ним, все из-за земли... Я даже забыл, как она, эта ихняя партия называлась. Научили меня, куда идти и что делать, и я все выполнил, как сказали, но при выходе оттуда меня без слов, без обвинения какие-то типы хватают и бьют. Нам нельзя было и пикнуть, потому что к выборам все село набивали вооруженными до зубов войсками.

— Вон на том углу стоял пулемет!— Ялама

Пани показал на перекресток.— И двое серолицых в зеленых рубашках были готовы стрелять.

— Сейчас, спасибо, отдыхаем без курканов¹, и голосование идет спокойно, как праздник!— вступил в разговор Ламбу Ушанлы.

Оживленно беседуя, счастливые избиратели дошли до сельской школы, где проходило голосование. Все здесь преобразилось— висели лозунги, флаги. И на подступах к школе были флаги, красочные плакаты. Окна, несмотря на раннее утро, были ярко освещены. Спорили с зарей ярко-красные знамена.

Возбужденные, взволнованные необычностью люди толпились около входа, ожидая, когда откроют, и многие протискивались поближе к дверям, чтобы проголосовать первыми. Прошел слух, что про того, кто будет голосовать первым, напишут в газете. Их у дверей сдерживал и навел порядок Кючюк Иорьги. Это был день его торжества: на голове у него была цигейковая шапка, на ногах— сапоги, смазанные дегтем. Он сознавал себя здесь главным распорядителем, без которого какие-нибудь разгильдяи могли испортить великое торжество— день выборов своей власти. Он был важен и торжественен и почти не занкался, когда говорил людям:

— Пожал-лу-йста, ппо одному, истя, не стесняйтесь. Ддобро ппожаловать!— вежливо приглашал он.

Люди заходили и, проголосовав, выходили обратно не сразу. Хотелось подольше побыть здесь, но их вежливо просили не толпиться, потому что с улицы все шли и шли избиратели.

---

¹ Курканами долукойцы называли жандармов.

К одиннадцати часам все долукойцы проголосовали. Музыканты вышли на площадь, запруженную праздничным людом. Стали играть без устали. Веселились все, образовав огромную хору, как и в день освобождения. Долукойцы впервые, пожалуй, почувствовали такую близость друг к другу, такое радостное единение.

Короткий зимний день был уже на исходе, когда три соседа — Диму, Тодур и Пани — направились домой.

— Как красиво, — отметил Тодур, — на каждом воротах или крыльцах красные флажки!

— Флажочки отличные, — согласился Пани, — но дома убогие, осевшие, некрасивые!

— А-ха, заметил? Я тоже заметил.

— Ничего, — сказал третий оптимистично, — будем жить, будем работать, будем и строиться. Под красным флагом убого жить не будем.

* * *

— Ты, истя, зз-зачем пп-ппришел, кк-ккого ждешь? — спросил дежурный Иорьги у Котяна Калбуржу, который с утра пришел и сидел в коридоре сельсовета.

— Лейба Гани початки с моего поля украл! — пожаловался сердито Котян.

— Истя, кк-ккакие пп-ппочатки?

— С участка, который выделил мне сельский Совет от его земли. Три дня назад смотрел — все было в порядке. А вчера пошли с женой уже убирать, смотрим, с краю на десять-пятнадцать шагов торчат одни стебли, а початков нет. Прямо места на стеблях заметны, откуда вырвал их наспех, ворюга. Потом показал все это меражи — полевому сторожу, но тот говорит мне:

«Разве запомнишь, кому какая полоска была выделена? Вчера я видел — здесь Гани Лейба ломал початки. Думал, что это поле ему оставлено, а оно, оказывается, вам было выделено...»

В то время, когда Котян разговаривал в коридоре с дежурным, на работу пришел председатель Андон. В коридоре мужчины продолжали разговор:

— Истя, он кк-к кулак, тт-тто-тто! — слышен был голос Иорьги.

— Что такое кулак? — спрашивал Котян.

— Истя, дд-ддармод, истя, гг-гграбитель, тт-тто-то. Понял?

— Это понятно, но что мне теперь делать, посоветуй!

— Пп-пусть его пп-позовут сс-ссюда, истя, отечч-ччат ббудет, ссукин сын, истя, тт-тотто-то!

Котян пошел в кабинет председателя и рассказал о своей беде.

— Подождите, товарищ, в коридоре и передайте Иорьги, пусть он пригласит Лейбу в сельский Совет.

Когда Лейба вошел в кабинет, председатель предложил ему сесть рядом с Котяном.

— Спасибо, — пренебрежительно ответил тот, перекладывая свою большую овечью шапку из руки в руку, — я лучше постою.

— Расскажите нам, пожалуйста, почему это вы с чужого поля початки собираете?

— Это поле не чужое, оно мое! — ответил без стеснения кулак.

— Советская власть с бывшего твоего поля отделила двенадцать рядков кукурузы и отдала их Котяну. Эти рядки теперь принадлежат

ему, а не тебе. Ты что, не хочешь признавать Советскую власть?—спросил Андон, расставляя слова так твердо, как будто их забивал гвоздями.

— Я с властью дело не имею. Это поле я посеял, а урожай другим отдавать? Где вы такой взяли закон?

— Во-первых, не ты лично сеял,— твердо ответил председатель.— Сеяли батраки, поденщики. Ну, а насчет закона скажу, что его издала Советская власть. Это очень справедливый закон: что не заработано собственным трудом, то не твое, понял?

— Этот никчемный продал свою землю, разве я виноват в этом?—спросил Лейба, указывая овечьей шапкой на Котяна.

— Я от голода погибал, потому и продал! У меня до сих пор душа дымится от этого, а ты еще называешь меня никчемным! Если бы твои дети голодали хоть один день,— и ты бы продал!

— Хорошо, по-вашему, выходит, я не сеял,— Лейба посмотрел на председателя,— но и этот же не сеял! Дайте мне собрать хоть этот урожай, а потом пусть свободное поле кто хочет возьмет. Пусть, поганый, сам пашет и сеет, а потом собирает! А так им слишком жирно приходится. Готовое посеянное выдали, а они только соберут.

— Ничего, сколько вам приходилось жирно, пусть теперь и нам немного достанется... И еще скажу: Котян не обрабатывал этого поля, но его сын у тебя два года батрачил, забыл про это?

— Я ему по договору за службу сполна уплатил!— все больше наглед Лейба.

— Заплатил, но вот в том-то и дело, что не

сполна. Если бы ты своим батракам и поденщикам уплатил за их труд сполна, у тебя бы богатства не прибавилось. В том-то и дело, товарищ Лейба, что часть труда ваших работников бесплатно переходила к вам в амбары и читы.— Андон Сюмбейли не зря учился все это время.

— Это с каких пор я вам товарищем стал?— спросил Лейба, краснея и синея от злости.— Нечего обращаться ко мне с этим словом!

— Ах ты, проклятый!— взорвался Андон и вскочил со своего стула.— Не нравится тебе наше слово «товарищ», хочешь, чтобы я тебя господином назвал? Здесь, дорогой мой, не примария, а сельсовет. В примарии были господа и там тебя величали господином. Теперь господ нет, они тютю! Исчезли!.. А впрочем, ты прав. Ты нам действительно не товарищ, а пока что гражданин и я с тобой вежливо разговариваю, а вот лишим мы вас, мироедов, гражданских прав и будете вы ни господами, ни товарищами и не гражданами, а так — бывшие...

Вот что, мы с тобой слишком долго резину тянем, сам того не стоишь. До утра чтобы ты вернул Котяну початки, иначе пеняй на себя. Слышишь, чтобы кукурузу отнес человеку домой!

— О-го, еще чего прикажете. Пускай ждет!— бросил Лейба и ушел, бормоча еще какие-то непонятные слова, а в коридоре уже внятно проговорил: «Надо мне было тогда задавить вас!»

Котян тоже вышел вслед за Лейбой, и ссора между ними еще пуще продолжалась в коридоре сельского Совета.

— Отдашь кк-ккурузу, истя, тт-тто-то, да еще и кадынжу спляшешь!— вмешался в ссору и дежурный Иорьги.

— Хоть бы ты заткнулся, и так богом обижен! И еще ты лезешь сюда!— махнул рукой кулак.

— Истя, тт-тты бббудешь мммолчать, но мммы бб-ббудем гг-гговорить, тт-тто-то!

— Немым да голодранцам досталось правосудие, и хочешь у них правду найти!— пылал от злости Лейба.— Посмотрим, долго ли протянете?!

— М-м-мы ттеперь уж, истя, пп-ппотянем нн-ннавсегда, тто-тто!

— Наши портки вы носили,— добавил Котян,— потому мы и остались без них. Ну а над заикой может смеяться только последний гад, а ты и есть гад.

— Истя, тт-ты на свой язык пп-ппогляди, он у тебя нечистый, потому что долго жандармам задницы лизал, истя, тт-тто-то!— завелся Иорьги.

Лейба, сплюнув, грюкнул дверьми и вышел на улицу. «Ну погодите, мы еще с вами рассчитаемся!»

На следующий день все же он наполнил три мешка початками, повез их на подводе к Котяну домой и сбросил у забора, кипя от ненависти. Он знал— председатель сельсовета не шутил с ним вчера.

* * *

Осенью из всех богачей, у которых было конфисковано добро, только один Лейба открыто выступил против, попытался мешать Котяну убирать урожай с надела.

Весной же, когда люди вышли пахать и сеять на своих новых наделах, случаи сопротивления

кулаков участились. На полях ежедневно происходили острые ссоры, нередко сопровождавшиеся драками. В сельском клубе за эти дела открытым судом судили бывшего примаря и богача Вану Чювенжи. Он никак не хотел отдавать одному из своих батраков надел, выделенный тому сельсоветом: избил его, обругал и прогнал с поля. И получил по заслугам — пять лет тюрьмы.

После суда несколько спокойнее пошла полевая кампания, если не считать другой инцидент, о котором стало известно немного спустя, после сева.

Кулак Гачу Мортолоз приехал на бывшее свое поле, распряг своих упитанных лошадей, привязал их к новой телеге, взял сажень и стал прохаживаться на краю поля, бормоча себе под нос: «Каждый босяк сегодня хозяйство заводит, землю занял! Мне от прадедов моих достались в наследство эти земли: ни пяди не продал, как это делали расточители наподобие Котяна Калбуржу. Сукин сын, пропустил через свою бездонную глотку все отцовские земли! Проел, пропил, сволочь, а теперь мы, Гачу да Лейба, должны ему землю давать. Чего ради? Дам я тебе такую землю, что поперек горла станет!..»

В это время на дороге показалась скрипящая подвода. Она подъехала поближе, и Гачу увидел, что у дышла рядом с лошадей тянул шлею человек... Это был Кючюк Иорьги, а позади подводы шел Ламбу Ушанлы. Они вдвоем объединились в ортак и ехали сеять свои наделы.

Остановились бедняки у своих участков, а навстречу им идет Гачу:

— Уходите отсюда!— кричал он и саженью указывал им дорогу назад.

— Куда нам уходить?— спокойно спросил Ушанлы.— Здесь нам сельсовет отвел землю, здесь и будем сеять.

— Какую землю?— вскипел Гачу.— Это моя земля, унаследованная от родителей моих. Катитесь к чертям, голодранцы, с глаз моих, а то вот этой саженью измерю вам обоим рост...

— Истя, Гг-ггачу, не нн-ннадо гг-ггорячиться: у палки есть два конца, тт-тто-то!

Не долго думая они начали снимать с подводы соху и другие принадлежности. Гачу, же, рассвирепев, подбежал к Ламбу и со всей силой ударил его саженью по плечу. Завязалась драка. На шум мигом сбежались пахари.

— Истя, тт-ттоварищи,— закричал Иорьги,— взбб-ббесился мироед. Пп-ппомогите, его связать. Не бб-ббойтесь, истя, сейчас вв-ввласть наша, бб-ббоятся нечего.

Несколько человек быстро успокоили Гачу, скрутили ему руки за спину, туго связали кушаком и посадили на подводу.

— Истя, тт-ттеперь бб-ббесись, сколько хх-ххочешь, тт-тто-то!

— От жадности бесится!— прибавил Ламбу Ушанлы,— Вот теперь понесешь передачу своему другу Вану Чювенжи в тюрьму...

— Пп-понесешь, тт-тто-то! Истя, пп-ппоехали в сельсовет, тт-тто-то!

Гачу понял, что дела плохи, и начал каяться, охать, а потом даже заплакал.

— Извините, люди, простите, берите всю землю, только меня в сельсовет не ведите!

— Мы, истя, зз-зземлю и так взяли, и в сель-

совет пп-пойдешь как миленький! И лошадей возьмем теперь, конфискуем.

— Ишь, какой хороший!— кричали люди.— Саженью человека чуть не убил, а теперь — «простите»! А Ламбу захочет тебя простить?

— Ламбу, извини, поверь, жаль стало родительского добра, я нечаянно тебя... Отдам тебе землю и одну мою лошадь, только скажи, пусть развяжут руки и в сельсовет не подавайте, прошу тебя!..

— Землю не ты мне дашь,— ответил Ламбу,— а Советская власть, пусть тебя немного подержат в темной, там образумишься и поймешь, что не ты хозяин земли.

— Тт-тто-то, пп-ппоймешь!

За сопротивление советским законам и нанесение телесных повреждений безвинному человеку Гачу был осужден народным судом. Его лошади и телега конфискованы и переданы в распоряжение долукойского сельсовета. Содержали лошадей в маленькой конюшне Ламбу Ушанлы, жившего рядом с сельсоветом, а ухаживали за ними дежурные Кючюк Иорьги и Тодур Димитали.

* * *

В пятницу во дворе Статовых было многолюдно. Собрались девушки и под звуки кларнета и скрипки шили свадебный флаг¹— начиналась

---

¹ По гагаузскому обычаю свадьба начинается в пятницу вечером, подружки невесты шьют из домотканого полотна свадебный флаг; на конце древка прикрепляют цветы розы и вывешивают на крыше, чтобы отовсюду было видно.

свадьба. Выходила замуж Стефанида Статова за красноармейца Сергея Колесникова, который служил в воинской части. Родители Сергея и его старший брат с женой и дочерью приехали на семейное торжество из Тамбовской области.

В субботу вечером совершили почетный круг у свадебного дома¹, а потом двоюродный брат невесты пошел к Ламбу Ушанлы.

— Ламбу бату, дайте, пожалуйста, лошадь — поехать на ней по селу приглашать гостей на свадьбу.

— К кому будешь приглашать на свадьбу? — спросил он.

— К сестре Стефаниде.

— К той, что за красноармейца выходит?

— Да, к ней.

— Иди, дорогой, и спроси у председателя сельсовета. Лошади, хотя у меня в сарайчике, однако принадлежат они обществу и распоряжается ими сельсовет.

Парень побежал к Андону Сюмбейли.

— Стефанка выходит замуж? Можно. Она у нас депутатка и жених ее служит в Красной Армии. Бери лошадь и скачи, зови гостей!

— Просим, чтобы и вы пожаловали на свадьбу! — сказал парень председателю и протянул оплетенную чотру², из которой Андон отхлебнул вина и тем самым, по обычаю, дал согласие быть на свадьбе.

---

¹ По гагаузскому обычаю в субботу утром мальчик и девочка с бутылкой вина и калачом совершают почетный круг вокруг дома, где начинается свадьба. После этого ритуала гонец отправляется приглашать родственников и знакомых на свадьбу.

² Чотра — деревянная посуда, украшенная резьбой и оплетенная ремнями.

Гонец надел на лошадь красивую наборную узду со сверкающим начищенным налобником и поскакал к дому невесты. Там девушки украсили узду и чотру вышитыми платками, и свадебный гонец зарысил по селу.

Сергей удивлялся незнакомым обычаям, но улыбался широко и открыто, как будто говоря: разве обычаи важны, любовь всего важнее.

Когда стало темнеть, во дворе Статовых собралось еще больше людей. Играла музыка. Девушки и парни танцевали дюз хору и выкрикивали: «Йуха-йуха, йу-ха-ха! Йуха-йуха, уу-ха-ха!...» Некоторые парни и девушки становились парами на сундурме у крыльца — начинался засев¹.

В доме невесты проходили все свадебные обряды, поскольку жених был издалека и невозможно было разделить свадьбу на две части, как полагалось. Поэтому самому Андону пришлось договориться с командиром, чтобы дружки и шафера вышли за невестой из части, которая являлась домом жениха. Командир согласился быть посаженным отцом. Хотя смущенно признался, что толком не знает, что это такое.

После полуночи сваты, кумовья, родственники, все приглашенные сели за «большой стол» — так называется по местному главный период пиршества на свадьбе. За этим «большим столом» отец Стефаниды Вани Статов сказал тост в честь своих сватов:

— Дорогие сваты, дорогой посаженный отец,

---

¹ В субботу вечером в гагаузских свадьбах участвуют молодые, они танцуют, между танцами выходят на улицу и у дома, на завалинке беседуют со своими возлюбленными. Этот вечер называется «засев».

кумовья, крестные, молодые и все гости! Далеко находилось счастье моей дочери, но оно, это счастье, к ней пришло. Сергей сегодня становится нашим зятем, значит, становится для нас таким же дорогим и родным, как и наша дочь Стефанида. Не зря издавна существует пословица: «Как бы далеко ни было счастье, если оно твое — все равно придет». Вот и дочкино счастье пришло! Стефанка сегодня не только невеста, но и депутат сельсовета. Где было слыхано и видано, чтобы женщина, да еще такая молодая, избиралась государственными делами управлять... Раньше их даже голосовать не допускали. Прошу всех поднять бокалы за наших многоуважаемых сватов и за молодых!

— За интернациональную семью! — добавил посаженный отец.

Тамбовский сват сказал короче, но дельно:

— Дорогие друзья, товарищи! Для меня ваш край давно стал родным. С четырнадцатого года по восемнадцатый я воевал здесь, в Бессарабии и на Буковине. На этой земле мы многих своих друзей-товарищей похоронили. Тяжко было нам покидать вас, оставлять подигом. Но мы знали, что вернемся, и я знал, что вернусь. Только не знал, что вернусь сюда свекром такой красавицы, как Стефанида, сватом таких добрых людей, как ее родители. За вас, дорогие мои родители, за тебя, милая моя невестушка! За всех вас, новые советские граждане!

Тост вызвал взрыв восторга и бурное неожиданное «ура!»

Затем пошли другие тосты, обряды. Стефанка разъясняла жениху все свадебные обычаи и он все чаще восклицал: «А ведь красиво! Смотри, как интересно!»

Свадьба шла очень весело, в дружбе и согласии пировали собравшиеся. Песни пели хором на русском, молдавском и гагаузском языках; танцевали «Дюз хору», «Яблочко», «Барыню» и «Молдовеняску» и снова садились за столы. Но под утро внезапно произошло смятение: на дворе кричали куры, утки, гуси, страшно лаяли собаки. Потом послышался гул, и под ногами земля стала вздуваться, а еще через секунду пошла качаться во все стороны — землетрясение!

Толчки с каждым мгновением усиливались и учащались. Качались столы, звенели щеколды дверей, вылетали стекла окон, фонарей...

Первым выбежал на улицу командир части, четко скомандовал красноармейцам остаться: «Помогать населению.» А сам на неоседланной лошади поскакал в часть, крикнув: «Если в части все в порядке, я пришлю еще бойцов на помощь!»

Из помещения выбежали все. На Каршы Мааля¹ начался пожар, плакали дети...

Через несколько минут тряска кончилась, народ начал разбегаться по домам, каждому нужно было скорее узнать, что там, на его дворе, в его семье, никому уже не было дела до свадьбы. А жених и невеста организовали людей на тушение пожара...

Землетрясение застало Кючюк Иорьги на своем рабочем месте. Он был на ночном дежурстве в сельсовете. Сначала он не понял, что происходит. Сидел себе спокойно у телефона, не успел даже на улицу выбежать. Пока он опомнился — землетрясение уже прошло. Иорьги

---

¹ Каршы Мааля — название части села.

взглянул в окно и увидел, что на противоположном конце села бушевал пожар.

Некогда было размышлять. «На пожаре самая нужная вещь — повозка», — сообразил Иорьги и бросился к Ламбу Ушанлы — через два дома от сельсовета. На пороге, при выходе, чуть не столкнулся с Тодуром Чилингиром.

— Куда ты, Иорьги? — спросил дежурного.

— Ззз-запрягать, истя...

— Быстро, и туда! — Тодур показал на пожар. Дежурный так и думал делать, а полученное задание подтвердило правильность решения.

Сам Тодур вбежал в помещение и поднял трубку телефона: хотел позвать на помощь районных пожарных, но никто не отвечал. В это время в комнату вошли Галев и Сюмбейли.

— Ну что? — обратился Иван Петрович к Чилингиру.

— Хотел позвонить в район, чтобы пожарников прислали, но, видать, провода порвало!

— Спокойнее, товарищи! — воскликнул Галев. — Дай я позвоню. А пока они приедут, надо на месте находить подводы, бочки и послать тушить. Пошлите Иорьги к Миялу Панаюдуну, пусть лошадей запряжет...

— Он уже пошел к Ламбу сельсоветских запрягать.

— Хорошо, пусть кто-то другой к Миялу тоже пойдет.

— Алло, алло, Чадыр-Лунга! — кричал в трубку Иван Петрович, но район не отвечал. — Андон Петрович, — обратился Галев к председателю сельсовета, — пошлите кого-нибудь, пусть звонят в колокол, чтобы народ собрался!

— Я уже послал Вани!.. — не успел он до-

сказать фразу, как зазвенел большой церковный колокол частыми ударами.

Телефон неожиданно ожил, но из района Галеву ответили, что пожарные выехать не могут, потому что землетрясение вызвало много пожаров и разрушений. Надо было организовать тушение своими силами, но люди уже сами действовали.

В этот момент к сельсовету прикатила подвода Панаюдун Мияла. На ней Галев и Андон помчались на пожар, оставив у телефона Тодура Димитали. Здесь уже работали крестьяне и красноармейцы, которые прибыли первыми на место происшествия и внесли особенную четкость в борьбу с огнем.

Иорьги как ветер влетел во двор Ламбу, мгновенно запряг лошадей, перевалил с водовозной телеги в повозку большую бочку, бросил два топора, сапы, схватил два бакыра — медные ведра для питьевой воды...

— Что же вы делаете, Иорьги батю, из чего же мы будем воду пить? — закричала жена Ламбу, увидев, что Иорьги коршуном вылетел с бакырами из сеней.

Иорьги только отмахнулся и с грохотом укатил. Ламбу, поняв обстановку, тоже бросил свой разваленный от землетрясения дымоход и успел вскочить на подводу к Иорьги.

По пути наполнили бочку в речке и подоспели вовремя.

Горел дом Титур Ангила. Он, как богомольный человек, перед каждым воскресеньем зажигал три лампадки и оставлял их горящими до утра. Землетрясение превратило лампадки в факелы. Уже крыша сгорела и повалились потолки. Люди бились, чтобы огонь не перешел к

двум соседним домам. По двум слегам солдаты спустили бочку с водой на землю, на телегу закатали хозяйскую пустую, и Иорьги, раздав людям топоры и сапы, помчался вновь на речку. Вторую бочку воды Иорьги привез очень быстро.

— Бай Иорьги, гоните вон туда, на южную сторону!— распорядился Андон.

— Истя, зз-здесь очень сильно гг-ггорит!

— Это оставьте: здесь уже не сумеем ничего спасти. Надо отрезать путь огню к тем домам.

Только хотел Иорьги перейти на другую сторону, как из огня послышался... человечески^й голос!

— Там кто-то есть!— крикнул Андон.

Иорьги бросил вожжи, молча вылил на себя ведро воды и ринулся в пламя: чудом нашел он ход в подвал, поняв, что только там мог уцелеть человек. (На Иорьгину подводу тут же сел Диму Кыяк и пошел поливать крышу соседского дома). В тяжелом дыму уже не кричала, а стонала женщина. Иорьги ощупью нашел ее, схватил и ринулся через огонь.

Потерявшую сознание, обожженную женщину привели в чувство, перевязали и отправили на подводе в район. Галев поспешил помочь Иорьги, но тот, и сам порядком обгоревший, почти не заикался, нещадно ругался.

— Истя, дд-ддурак, истя, то-то! Второй раз полез в огонь. А вон дверца из подвала во двор.

— Ты герой, бай Иорьги,— сказал Галев.

— Я дурак— то-то!— и показал Галеву на открытую на уровне фундамента дверцу из подвала во двор.

— Тебе тоже надо ехать в больницу.

— Истя, что, я рр-рразве ббольной?

— Руки у тебя обгорели!— доказывал ему Андон Петрович.

— Нин-ничего, пп-пройдет, истя...

— Тогда хоть немножко отдохните!— решил в приказном порядке отправить его домой Иван Петрович.

— Истя, ссейчас иду!— ответил Иорьги, а сам пошел искать свою подводу. На ней Кыяк Диму и Ламбу Ушанлы обливали водой крышу дома Котяна Калбуржу.

— Истя,— пристал Иорьги к Диму,— слезь, я пп-поеду! Слезь, гговорю, тт-тто-то!

— Куда ты поедешь?— спросил Ламбу.— Посмотри на себя, какой ты... Иди, говорят тебе, отдохни и одежду перемени!..

Иорьги как будто оглох, ничего не слушал. Он вырвал из рук Диму вожжи и поехал сам на речку. Там уже набирали воду много подвод, была очередь...

Когда солнце взошло, огонь уже сдался. От большой кучи разбросанного во все стороны хлама подымались вверх только пар да дым. Когда пожар был полностью потушен, к людям обратился Иван Петрович:

— Товарищи, пожар потушен, но будьте осторожны. Многие дома разрушены или потрескались, глина осыпалась, дерево торчит, пересохший камыш, сухие плетни. Жить будет нгде, а гореть найдется чему. Еще раз прошу, будьте осторожны.

А теперь попрошу товарищей красноармейцев, коммунистов и комсомольцев, активистов образовать группы по три-пять человек и пойдете обследовать разрушения в селе. Агитаторов десятидворок назначаю старшими групп.

После обследования каждая группа является в сельсовет. Если потребуется срочная помощь, присылайте кого-нибудь. И последнее: передайте всем, кого здесь нет, что Советская власть не оставит в беде пострадавших. Вместе с группами обследования пусть и сами пострадавшие придут в сельсовет, секретарь запишет понесенный ущерб и разрушения, в соответствии с этим каждому будет оказана помощь.

В сельский Совет стекались люди. Это было самое людное место и в горестные, и в радостные дни. Иорьги тоже находился здесь.

— Бай Иорьги,— подошел к нему Иван Петрович Галев,— я же вас послал домой переодеться и отдохнуть, почему же меня не послушали? Немедленно идите домой. Даем трехдневный отпуск и на работу не приходите, отдыхайте дома... Подождите, вы сами не сможете, как я вижу. Сейчас пошлю кого-нибудь, пусть проведет вас домой.

— Иорьги батю,— обратился пришедший из какой-то группы молодой парень,— и ваша землянушка¹ рухнула!..

Эта весть потрясла его. Он побледнел и чуть было не упал.

— Что такое, бай Иорьги? Крепитесь, что с вами?— спросил Галев, увидев, что ему совсем стало плохо.

— Истя, в землянке бб-ббыл бб-ббольшой бб-ббрат!..— Опустив руки, он сгибался все ниже, как будто хотел лечь от бессилия. И верхняя гу-

---

¹ Землянушка — у русских — убогая хибарка из дерновых пластов с крышей, какой придется; у гагаузов — из комьев сырой глины, смешанной с соломой, и накрытая по тонким стропилам слоем камыша, глины и золы.

ба его чернела то ли запекшейся кровью, то ли смолой на месте обгорелых усов.

— Подвода готова?— спросил Иван Петрович.

— У крыльца!— ответил ездоной.

— Сейчас же едем туда, может, еще жив человек!

На подводу сели Галев, Иорьги, еще несколько человек и поехали к дому Иорьги. Вестник несчастья тоже умчался туда, чтобы с группой попытаться откопать пострадавшего.

На месте землянушки они увидели большую кучу комьев сухой глины и хлама. Собравшиеся соседи и группа сельского Совета разбирали комья. Галев и приехавшие с ним люди тоже включились в работу. Иорьги спешно бросал глину в сторону, хотя сам хорошо понимал, что спешка уже ни к чему...

Брата Иорьги, мертвого, закутанного в старый оборванный кожушок, нашли у печурки. Потолок обрушился и упал прямо на голову бедного старика... Соседи же, будучи заняты каждый своим горем, и не подозревали, что в развалинах землянушки лежит брат Иорьги. Только когда уже совсем рассвело, они увидели, что землянушка разрушена.

Секретарь сельсовета Вани Чилингир записывал убытки от землетрясения. Из коридора люди заходили по одному в его кабинет и говорили, у кого какие разрушения.

— Я было сбил масло и налил в глиняные кувшины (другой посуды не имею), во время землетрясения все масло разлилось,— ни капельки не осталось!— заявил Игнат Варнели.

— По сколько литров в кувшинах было?

— Литров по пять, два больших кувшина было...

— Сбавь,— устало сказал Вани.— У людей настоящие беды и убытки.

— И наш сарайчик обрушился и задавил овечек!— сказал кто-то другой.

— Сколько?

— Три больших и одну годовалую.— Вани записывал.

— А у нас хлев земляной рухнул,— сообщила женщина.

— У нашего дома задняя стена упала.

— И у нас погреб завалился...

Вани записывал.

— У нас бабушку придавило, ногу сломала. Вани, как это будешь писать— убыток или беда?

Вани даже не улыбался.

— Отправим в больницу. Комиссия будет рассматривать каждый конкретный случай на месте. После этого окажут помощь.

* * *

В Долукиной школе шло заседание педагогического совета. Директор школы Иван Петрович Галев подводил итоги окончания учебного года.

— В прошлом году,— сказал он,— я был учителем в этой школе, работал и до этого— и обстоятельства мне хорошо знакомы. В школе было шесть учителей и семь классов, в которых, числилось около двухсот пятидесяти учащихся. Из них больше половины не посещали школу совсем, поскольку, как правило, были разуты и раздеты. Только советская школа охватила учебой всех детей, снабдила необходимой одеждой и

обувью. Только первых классов было шесть параллельных и три подготовительных.

Наш коллектив очень много работал по обучению грамоте взрослого населения... Хочу на сегодняшнем итоговом педсовете поблагодарить всех учителей, которые не посчитались с трудом и временем и оказали большую помощь культармейцам, активистам и молодым учителям...

Галя на педсовете сидела рядом с Нюклаем Варнели.

— Долго что-то тянется сегодня педсовет,— сказал он шепотом девушке.

— Долго, потому что конец года.

— Галя, если ты боишься одна домой идти, я могу тебя проводить...

— Я вместе с папой пойду!— ответила Галя после некоторого молчания. Она не хотела обидеть парня.

* * *

В субботу Кючюк Иорьги возвратился с дежурства и с утра до вечера был свободен. Но на следующий день, несмотря на то, что был выходной — воскресенье, он должен был работать.

Пошел прямо к Ламбу Ушанлы. С тех пор, как рухнула землянушка и умер его брат, Иорьги поселился в маленькой кухоньке у Ламбу. Здесь ему было удобно: постоянно среди людей и работа рядом.

— Сс-сабансайорсун¹, истя, Лл-ламбу!— сказал Иорьги своему товарищу, глубоко вздыхая. Со дня землетрясения Ламбу еще ни разу не услышал, чтобы Иорьги весело шутил.

---

¹ Сабансайорсун — приветствие, доброе утро (гагауз.).

— Кемейтайорсун¹, Иорьги-ага! Вы опять печальные? Не надо так сильно переживать,— постарался Ламбу несколько успокоить друга.

— Истя, бб-ббрат ммой, гг-ггоре отнимает рр-ррадость, истя, тт-тто-то!— Глаза его наполнились слезами, но он не хотел их никому показывать.

— Не надо печалиться: как говорится, горюй — не горюй — назад не вернешь!...

— Истя, это кк-кконечно так, пп-пправда, но я один, ккак кукушка, остался на сс-ссвете, тт-тто-то!..

— Ты ведь привык к одиночеству и раньше...

— Истя, с братом я не был одд-ддинок, тто-тто-то!

Ламбу и Иорьги сидели на сундурме и молчали. Уже с утра пекло июньское солнце. На другом конце сундурмы росла жердель, плоды на которой уже желтели. С поля доносился запах поспевшего хлеба.

На улице показались два человека, которые медленно куда-то шли. Это проходили мимо Арфонос Тодур и Кыяк Диму. Заметив сидящих во дворе на сундурме товарищей, они поздоровались с ними:

— Здравствуйте, мужчины!

— Здравствуйте, здравствуйте, заходите и о здоровье вашем расскажите!— пригласил их Ламбу, надеясь при помощи друзей несколько рассеять печаль Иорьги.

— Это можно,— согласились друзья и вошли во двор.

— Урожай хороший показывается нынче!— начал Тодур Арфонос.

² Кеметайорсун — ответ на приветствие (гагауз.)

— К нашему счастью,— добавил Диму Кыяк, перебирая свою редкую бородку.— Какие дожди выпали!

— Если сумеем вовремя убрать посевы, можно будет с голодом надолго попрощаться,— сказал Ламбу.

— А богачи лопнут от злости. В такой урожайный год земляца нам перешла,— вставил довольный Тодур Арфонос.

— Истя, ппу-сть лл-ллопнут, тто-тто-то!

— Иорьги-ага,— спросил Диму Кыяк,— вы свою полоску смотрели, как урожай?

— Истя, очень хх-ххороший пп-показывается. Мы с Ламбу вместе были, ячень пп-по пояс, истя, то-тто!

— Титур Ангил распускает слухи, будто бы нынешний хороший урожай весь в огне сгорит, как его дом, мол, сгорел... На то, говорит, божье знамение показалось.

— Где же вы это услышали?— спросил Тодур Арфонос.— И как у этого шейтана язык только поворачивается!

— Женщины в прошлое воскресенье на улице обо всем этом говорили, пояснил Диму.

— Какой же все-таки подлец этот Титур Ангил!— рассердился Тодур.— Если у него сгорело, теперь хочет, чтобы у всех урожай сгорел и люди остались голодными!

— Если бы он не был дерьмом, не служил бы у попа Мокану,— вставил Ламбу.

— Истя, кк-кконечно, не служил бы, нн-иннегодяй! Ттт-тто-то!

— Вместе с ними не грабил бы бедняков!— Еще сердитее заметил Арфонос.

Мужчины замолчали.

— Истя, тт-т-товарищи,— внезапно прервал

молчание Иорьги.— Пп-погода хорошая, пп-поехали проведаем наши пп-посевы!

— Не мешало бы!— согласился и Тодур.

— Оставим на завтра,— проворчал Ламбу Ушанлы.— Всегда это делалось по воскресеньям.

— До завтра много здоровья надо,— вмешался в разговор Диму.— Поедем сегодня, я соскучился по своей красивой полоске.

— Ламбу, истя, запрягай, пп-поедем сс-сегодня, ззавтра я дежурю в сс-сельсовете, тт-то-то!...

— Ну, хорошо,— согласился Ламбу, не желая обидеть друга.

Прошло менее часа, и воронье уж мчало по воду с друзьями к их заветным полоскам по Кирезликскому полю среди высоких, пахучих зреющих хлебов. Легкий ветерок носился между колосьями, наклоняя их то в одну, то в другую сторону. А все поле волновалось подобно морю. Слышны были крики перепелок; высоко в небе, трепеща крылышками в горячем воздухе, выводили свои трели жаворонки.

— Горячий ветер,— заметил Тодур,— не тот ли, что запал несет?

— Нет,— уверенно перебил Ламбу,— это с севера дует. Когда вон оттуда будет дуть,— он покажет кнутом на юг,— тогда знай, что запала не миновать.

Когда друзья вернулись с поля и остановились у Ламбу Ушанлы, солнце опускалось к горизонту.

— Бай Иорьги,— пригласил его Ламбу,— приходи, поужинаем вместе! Когда ты один— еще больше в печаль впадаешь...

— Хорошо!

— На следующей неделе,— сообщил Ламбу за софрой¹ своим домочадцам,— начнем жатву.

— Пшеница еще не спелая,— возразила жена Ламбу, глядя на пучок колосьев, выставленных мужем в углу.

— Сначала нашего друга Иорьги ячмень уберем, а тем временем и пшеница поспеет.

— Истя, ячмень с убб-бборкой не ждет,— согласился Иорьги.— Оо-поздал — ппотерял, тт-то-то!

— Ладно,— согласилась она и, наевшись, встала из-за софры, начала креститься в сторону икон, где в углу горела лампадка. А затем спросила Иорьги:

— Завтра воскресенье, Иорьги батю. Не зажечь ли у вас в кухоньке лампадку?

— Истя, гг-ггелин, нечего тратить зря масло. Я и без лампадки обойдусь, истя, тт-то-то!

Иорьги поблагодарил Ламбу и его жену за ужин и ушел в свою кухоньку. Впервые после гибели брата на душе у него было спокойно, а в глазах все еще отсвечивался спелый золотистый ячмень. Так и в спокойном сне перед ним переживался и неповторимо шуршал этот ячмень.

Все долукиойцы спокойно легли в этот вечер спать, каждый — от мала до велика — с большой надеждой на новый урожай, на более светлые дни, каждый со своими печальями и радостями, надеждами на будущее.

Печалей и горя у многотерпеливых долукиойцев стало куда меньше, чем год назад.

Спокойно спали люди Долукиойя. Но в пятом часу утра всех старых и малых, молодых и взрос-

---

¹ Софра — низенький, круглый обеденный столик в семьях гагаузов.

лых разбудил тяжелый гул и грохот и подрагивание земли. Напуганные недавним землетрясением, люди выскакивали на улицу, ничего не понимая...

* * *

Иорьги мигом прыгнул с земляных нар, где он спал на рогожке, укрытый старым залатанным одеялом, подбежал к окну Ламбу, постучал и закричал:

— Вставайте, вставайте, зз-землетрясение!..

Когда все вышли на улицу, они поняли, что это... не землетрясение. На юге, в стороне города Галацы, раздавались орудийные залпы, в воздухе гудели самолеты, где-то недалеко тяжело бухало — рвались бомбы.

— Иорьги-ага,— с тревогой произнес Ламбу,— это, кажется, страшнее землетрясения...

До утра никто уже не спал. Иорьги дважды бегал в сельсовет, спрашивал своего напарника Димитали, что происходит, но никто ничего не знал: телефон молчал.

Когда все же Иван Петрович связался с районом, ему сказали, что ответят позже, а пока нужно поддерживать спокойствие, не допускать паники...

Между тем гул не прекращался, он становился более интенсивным, приближался, продолжали рваться бомбы. И даже самые недогадливые уже не думали, что это обычный гром. Тоскливое волнение гнало людей к сельсовету, но и там им ничего не могли сообщить. И хотя слово еще не было произнесено, оно, казалось, беззвучно врывалось в сердца людей:

— Женька! Война!

— Неужели?

В сельсовет прибежал красноармеец из части и сообщил, что со стороны Румынии вражеские войска атакуют границы Советского Союза. Наши пограничники как могут сопротивляются, но им нужна помощь...

Галев собрал всех, кто находился в это время в сельсовете, и сказал:

— Товарищи, это война! Через пару часов будем знать точно, что нам делать, а пока — спокойствие, выдержка, ни в коем случае не допускать паники.

В тот вечер у телефона дежурили Тодур и Иорьги вдвоем. В сельсовете ночевали Иван Петрович, Андон Сюмбейли, Чилингир Тодур, Вани и другие комсомольцы и депутаты. В кабинетах и коридоре было полно людей. Все ждали телефонного звонка. Не дождавшись, Иван Петрович выехал в район верхом.

Германия, а вместе с ней и Румыния внезапно, без объявления войны напали на нашу страну. В первые часы неведения люди тревожились, потом стали надеяться, что врагов, конечно же, отобьет наша героическая Красная Армия, но никто не знал, что надеждам этим суждено сбыться не сегодня, не завтра, а через долгих четыре года.

В райкоме партии ночью экстренно заседало бюро, которое утвердило состав подпольного райкома, оставляемого после отступления для работы на месте. Бюро подобрало уполномоченных и направило в села для мобилизации всего трудоспособного населения и всех видов транспортных средств на военные работы, на помощь Красной Армии и для организации эвакуации.

Получив указания, Иван Петрович поскакал домой.

Уже было под утро. Никто не ушел из сельсовета домой. Ждали возвращения Ивана Петровича. Одни дремали на подоконниках, другие легли на стулья. Только Вани глаз не сомкнул. Он сидел за своим столом. То принимался суматошно разбирать бумаги, то застывал в неподвижности, не зная, что делать: сжигать, прятать документы или оставить все как есть? И в этот момент усталый от скачки Иван Петрович вошел в кабинет, на ходу бросив:

— Эвакуация!

На сборы и отправку — не более дня, а сами — в Красную Армию. Одно важно: каждый сам должен определить себе то место, где он больше всего принесет пользу, если не позовут старшие товарищи.

* * *

Утром из сельсовета Вани пошел к Гале домой.

— Все, Ванижчик, вот тебе и педучилище, и работа, и мечты, — сказала Галя, крупные слезы катились по ее щекам.

— Молчи, Галя! — сказал резко Вани. — Вот победим врага, а потом будем и учиться и учить других.

— Ты куда пойдешь?

— Как куда? В Красную Армию! Сегодня поговорил с Сергеем Колесниковым — он так советует.

— И я с тобой вместе пойду! — твердо заявила Галя.

...На следующий день они вдвоем были уже в военкомате.

А в сельсовете Кючюк Иорьги и Тодур Дими-

тали сожгли почти все бумаги. Два увесистых свертка Кючюк Иорьги зарыл на винограднике Кумлуке — так было условлено.

Кючюк Иорьги и Тодур подожгли здание гельсовета и ушли в район.

— Ты что будешь дальше делать? — спросил Годур своего друга.

— Истя, пойду ннашу родную Советскую власть защищать, тт-тто-то!..

— И я с тобой пойду! — воскликнул Димитали.

— Истя, нне надо, ты вернись назад. У тебя есть жена и дети. Они будут ждть, истя, слышишь, тто-то!..

— Не-ет, Иорьги, сидеть и ждть возвращения Вану Чювенжи или Геоза?.. Пошли! — И друзья зашагали, еще не зная, куда приведет их луть...

* * *

В палисаднике покинутой усадьбы Тодура Чилингера исступленно-ярко цвели гвоздики, красные гвоздики...

РАССКАЗЫ

ДЕМИРЧУ¹

В наших местах все лучшие земли принадлежали помещику Капаради и вот его-то землям, казалось, и границ не было. Он был хозяином и поймы озера Ялпуг, и самого озера, со всей рыбой в нем, и плодородных холмов с виноградниками, и долин с садами, и пастбищ, и многих других угодий, вплоть до самого Дуная. И, конечно, он владел многочисленными отарами овец и стадами скота.

Знали о помещике и мы, дети. В нашем представлении он был не личностью, человеком, а неким местом, чуть ли не государством, загадочным и страшноватым, куда взрослые уходили работать и где им за тяжелый труд давали небольшую плату, если хотел фантастический Капкаради, или не давали совсем, если он почему-нибудь не хотел.

Большинство моих односельчан были беззе-

---

¹ Демирчу — распространенное гагаузское собственное имя, в переводе на русский язык значит «железный».

мельными, или владели столь маленькими полосками земли, что были вынуждены постоянно искать дополнительные заработки, чтобы не пропасть с голоду. Чаще всего эти дополнительные заработки при всей их мизерности и становились основными: своя полоска при самых неслыханных трудах могла служить лишь неким подспорьем батрацким заработкам, ежели они случались в сезон. Поэтому наши «хозяева» старались быстрее справиться с работами на своих полосках и спешили на поденщину.

Те же, у кого земли совсем не было, становились постоянными батраками помещика. Домой в село они приходили редко: раз в месяц, а в разгар работ того реже — на случайный выходной, чаще всего в непогоду, и, не успев толком повидаться с родными и друзьями, тут же спешили обратно, боясь опоздать.

Трудная была там работа и ничтожная оплата, но в других местах и таких работ не было. Помещику это было известно, и он безжалостно пользовался безвыходностью положения своих поденщиков и постоянных батраков. Чтобы заработать поденщику на ситцевую рубашку или хлопчатобумажные штаны, надо было работать недели две от зари до зари: денежной ценности заработанного хлеба или одежды они не представляли. Пища поденщика отличалась редким постоянством: реденькие щи, часто из порченных овощей с неизбежным перцем да однообразная мамалыга. Но опять-таки в других местах и такой еды не найдешь. Так голод и нужда гнали людей туда, где они надеялись заработать хоть на такую еду, а бог даст, и на одежду.

Но даже среди этих забитых и безответных людей — батраков, были у нас, детворы, да и у

взрослых, свои герои, образцы для подражания. Чабаны Симу Ильев, Ламбу Крустоев, Уанку Копущу, их подвиги были постоянной темой на воскресных дернеках¹ взрослых, где и без нас, понятно, не обходилось. Даже самые непоседливые из нас затихали при этих рассказах, и всем нам хотелось походить на легендарных наших односельчан. Конечно, нынешним ребятишкам не стоит труда представить чабана — Героя Социалистического Труда, но чтобы пастух нынче был героем мальчишеских мечтаний, образцом для подражания, — сомневаюсь...

Однако и Симу, и Ламбу, и Уанку превосходил своей совершенно легендарной популярностью батрак Демирчу. Даже женщины говорили о нем с гордостью, возвышенно: силач, борец, трудяга, а в поведении застенчивый, тихий, скромный... Мы разинув рты слушали эти рассказы, хотя и не понимали, как в одном человеке сочетаются столь разные качества. Самого Демирчу мы, конечно, тоже знали, хотя видели редко: он вечно пропадал у помещика, батрача на самых разных работах. Зато землянку его мы знали хорошо: она как раз была на самом краю села, в месте наших ребячьих игрищ, и на ней вечно висел солидный замок. Хотя даже мы знали, что у Демирчу уж вовсе нечего красть, замок должен был свидетельствовать, что вот и он — домохозяин, и ему есть что запирать на время длительных отлучек своих.

Право, не объяснишь, почему подавленный, почти постоянно голодный народ, иногда долгие годы нищий духом и телом, вдруг возьмет и родит богатыря духом и телом, — не то как вопло-

---

¹ Сбор соседей, знакомых на улице.

щение мечты, не то как упрек себе, своей рабской приниженности. И богатырь этот вовсе не всегда лихой атаман благородных разбойников, даже не обязательно вожак, чаще — просто труженик, как Демирчу, о коем и сказ мой.

О нем говорили, что он оправдывает свое имя и, конечно, он был железный человек. Но еще о нем говорили, что телом он — твердое железо, характером — мягкое. И это было правдой, но только когда было нужно, у него и характер становился твердым железом.

Весна в тот год пришла необычно рано, но в ранней своей победе несла какую-то тревогу, хотя даже старики по приметам не предсказывали ничего необычного. Уже в начале марта поля очистились от снега, в селе образовались сухие дорожки, по буграм и луговинам густо зазеленела трава. Было солнечно, тепло, сухо. Буйно цветущие абрикосы, черешни своей свежей снежной белизной набивали оскомину взгляду. Полевые работы торопили крестьян. На огородах сеяли лук, чеснок, бобы, на виноградниках спешили закончить множество разных работ... Надо было скорей закончить все домашние дела и отправляться на заработки к помещику, пока тому требовались батраки: сразу открылось множество всяческих работ, только не в крестьянских объемах. Конечно, кормит помещик плохо, но ведь и дома не сытнее. Лучше впроголодь, да с работой: все же хоть какой-то заработок на рубаху-портки, на соль-спички..

В ту мартовскую субботу до вечера и воскресенье с утра люди с сапами, вилами на плечах гурьба за гурьбой отправлялись на работу пеш-

ком. До усадьбы было добрых тридцать километров. Мужчины и женщины, девушки и парни, подростки, плохо одетые, босые, шли туда с надеждой и оттого было все-таки весело, тем более, способствовала этому погода — теплая, сухая, почти летняя, хотя, повторяю, и несла она в себе некую неясную угрозу.

В понедельник эта угроза обрела ясные и грозные черты. С утра густые низкие тучи навалились с севера. Вскоре они обволокли непроглядной пеленой все небо и так быстро двигались во все стороны, как будто там подняла тревогу сама нечистая сила, отчего-то вдруг пришедшая в ярость. Странность была в том, что, несмотря на бешеную скорость движения туч, человек при взгляде на небо даже не надеялся на просвет.

— Что это может быть? — тревожно спрашивали женщины.

— Что, разве не видите, — солидно отвечали им мужчины, — зима назад возвращается!

Но никто из них не мог ни объяснить тревоги, заключенной в неожиданной непогоде, ни предположить, серьезно ли и надолго ли она.

...Во вторник и в среду на поле уже было невозможно работать. Небо непрерывно сыпало мелкие капли дождя, а режущий холодный ветер делал дождь совсем нестерпимым. Сотни людей с виноградников, полей, из садов хлынули по дворам. Некоторые остались, промерзшие, продрогшие, искали укрытия, прижимаясь друг к другу. Записные балагуры пытались выкидывать шутки, борясь с мрачным настроением людей, но рассмешить не удавалось никого. Поденщикам было о чем подумать: в нерабочие дни хозяин кормил еще хуже, а в конце недели удер-

живал за еду. А так как заработка не было, неизбежно накапливался долг.

А тут еще людям укрытия не хватало. Они понуро стояли, не зная, куда себя деть, прямо под открытым небом, под дождем, на ветру, тоскливо и неприкаянно. Ночевать им приходилось под дырявыми навесами, надеялись, что завтра-послезавтра погода улучшится и начнутся работы. Но в пятницу мелкий дождик стал крупнее, оставаясь все таким же непрерывным и назойливым, ветер усилился и стало холоднее. Облака опускались все ниже и двигались теперь не только во все стороны в небе, но, казалось, спускались прямо в землю и из нее вздымались в высь, не столь уж, впрочем, высокую...

Стало очевидным, что неделя для поденщиков потеряна: завтра работы из-за непогоды явно не будет, а воскресенье православный помещик соблюдал строго, да и никаких примет хорошей погоды не было даже и на следующую неделю. Теперь уж надо было торопиться домой: протопить печку, согреться, высушиться — не дай бог заболеть, пропадет и будущая поденщина. Теперь уже люди стихийно гуртовались в ватагу, многие мысленно находились в пути домой. До села было далеко и по пути никакого укрытия, где бы передохнуть и согреться людям.

Путникам, прежде чем выйти на прямую дорогу к селу, надо было пройти семикилометровую пойму реки, которая и всегда-то была заболочена, а в дождливую погоду даже на сухих местах чернозем становился вязким и липким, как клей, а ближе к воде раскисала тина. На противоположном конце низины проходила железная дорога, а за ней на бугре находилась землянка чабанов и кошара овец. Иногда в пути

поденщикам можно было остановиться у чабанов, более предприимчивые и настырные умудрялись выпросить кусочек брынзы или горячей мамалыги, но прохожих всегда было слишком много и это поневоле делало гостеприимство чабанов весьма сдержанным. За чабанской стоянкой оставалось пройти три холма и миновать три долины, изрезанных холмами. Люди наизусть знали эту дорогу, по которой шли сейчас, даже не заметив, кто первый кинул:

— Пошли, что ли...

Главное, дойти до последнего холма, с вершины которого уже были видны крайние домишки села. Никому из путников сейчас и в голову не пришло, что овраги в долинах уже были переполнены дождевыми водами. Всех успокаивало, что с ними шел Демирчу, который даже в такую мокрогодицу выглядел могуче-красивым, особенно на фоне съезжившихся и промокших людей: как будто его сила и неподатливость погоде переливались и в остальных. Демирчу позвал Тяню-ага и, наверное, уверенность Демирчу укрепила решение Тяню, а уж остальные потянулись скорее за Демирчу, чем за Тяню. Уже на выходе из усадьбы все вытянулись цепочкой, кто надел на голову старый мешок капюшоном, кто таким же способом натянул армячок, иной приспособил антери — одежду из домотканой шерсти — и так, по-разному укрываясь от дождя, с одинаковой безуспешностью плелись вереницей к далекой железной дороге.

— Куда вас, безумцев, несет? — спросила кухарка помещика путников еще на выходе. Она была односельчанкой поденщиков, жалела их и намеревалась несколькими из них, хуже всех оде-

тым, найти местечко для ночевки в кухне у плиты и, может, кой-какие объедки:— Вернитесь, погибнете! Вот-вот может пойму затопить!

— А чего здесь ждать? Да и где?— спросила женщина в черном платье:— Под этим навесом ветер, как шило, колет, стоять невмоготу. А во время ходьбы мы и согреемся.

— Ой, смотрите, дождь усиливается, а до села совсем не близко. Оставайтесь, будете по очереди греться в кухне у огня.

— Многим ли поможет твоя кухня, нас, видишь, здесь сколько мерзнет,— сказала еще одна из женщин и, взяв свою полосатую торбу на плечо, пошла, шлепая красными босыми ногами, за толпой.

Так уж получилось, что никто не решал, а все согласились на еще неведомый риск и отправились домой, хотя знали, что и там пышных булок нет, а у многих и очаг был холодным.

Впереди всех, само собой, широко шагал Демирчу. За ним тянулся инициатор похода, низенький, в заплатанных штанах мужичок Тяню-ага. Вслед за ними шла группа женщин. Одежда на них отяжелела от воды, а сильный и бесконечный дождь все ухитрялся набивать в их лохмотья воды, будто уплотняя ее. Все путники шли босыми, только Тяню-ага был обут в постолы.

— Сними постолы,— предложил Демирчу,— легче идти будет.

— Ы-ы-ы, ноги мерзнут, а ведь грамотизмом болею, фельчер давно уж говорил...

— Живей будешь шагать — согреются. Смотри, все люди босыми идут.

Грязь была где жидкой, даже топкой, где вязкой и липкой, тяжелой. Штаны у Демирчу

были засучены выше колен, его большие босые ноги, обмазанные блестящей грязью, казались обутыми в щегольские черные сапожки в обтяжку. Шагал парень смело, быстро, потому грязь от его ног отскакивала в стороны далеко, а сзади брызги летели на спину до его могучих плеч. Мощный стан его был традиционно опоясан широким красным кушаком, кушак обхватывал середину тела на добрых пол-аршина и представлял собой главную часть одежды. Грудь была раскрыта нараспашку — застегивать рубашку не надобно было, там шарфом вздымалась целая поляна черных кучерявых волос. От спины и груди Демирчу на взгляд заметно шел пар.

— Надо спешить, — сказал он шлепающему за ним Тяню, — дождь усиливается да и холода-ет заметно.

— Ы-ы-ы, надо, — равнодушно согласился Тяню, еле вытягивая ноги из грязи: его постолы так раскисли, набились грязью и отяжелели, что каждый напоминал разминаемый мясником свежий воловий желудок. Тряпичные обмотки и онучи висели вместе с пластами грязи и отличались от нее только тем, что не отрывались, а волоклись, оставляя следы. Тяню и самого себя тащил через силу.

— Я, ы-ы-ы, отстану, вместе с женщинами пойду, — еле пробормотал он, — ты, Демирчу, крепкий, не смотри на меня, иди вперед.

— Нельзя в таком пути друг друга бросать! — недовольно ответил Демирчу, вернулся к Тяню, взял того под руки, поддержал, одновременно окинув взглядом далеко отставших людей, прислушался к их возгласам.

— Подожди...

— Дай руку!.. — доносил ветер их голоса.

Демирчу какое-то время буквально тащил на себе Тяню, потом встал.

— Подождем,— сказал он,— отдыхай, пока подойдут все. Среди тех, видать, тоже есть обесиленные, поможем друг другу, уж доберемся до дому, так все.

Оставленный Демирчу, Тяню опустил на карачки там, где стоял, даже не вытащив очередной ноги из грязи. Мокрый антери и рубаха кольчугой давили на плечи, по лицу стекал пот, перемешанный с водой. Взгляд искал место потверже, где сесть, но кругом были лужи и кисельная грязь, и Тяню, качнувшись, сел прямо в грязь, там, где раскорячился.

— Отдохни,— сказал ему Демирчу, вытирая полуоторванным рукавом лицо.— Я пойду посмотрю остальных и снова двинемся.

Тяню услышал шлепающие звуки шагов Демирчу, хотел посмотреть тому вслед и не смог: тяжелая, насквозь промокшая шапка из овчины вдавила ему голову в плечи, одежда сковала все тело, ныли ноги, пульсирующим венам казалось тесно в мокрых портках. Много ли, мало просидел оцепенело в луже, Тяню не знал: когда вернувшийся с отставшей гурьбой Демирчу поднял его, он спал.

— Проснись, проснись, Тяню-ага, а то от такого сна до смерти недалеко!— тряс его на руках Демирчу. Тяню с трудом открыл глаза и увидел вокруг себя таких же измученных людей. Рядом с ним стояла женщина, с которой он два дня назад работал на помещицьем поле. С ее коричневого чукмана¹ текла вода вместе с краской, платок прилип к голове, взгляд был устремлен в небо, и она исступленно молила бога:

¹ Чукман — домотканое шерстяное платье.

— Прости нас, господи, пожалей наших детишек и спаси нас для них!— Крестилась она типично по-гагаузски—часто-часто, будто отбивала рукой струи дождя, в ее исступлении было столько силы и искренности, что будь на небе хоть какое-нибудь божество, оно бы проявило себя...

— Вставай, бай Тяню,— снова сказал Демирчу. Он знал, что если Тяню сейчас не поднять, тот так и оцепенеет здесь.— Хватит и вам молиться, женщины, бог поможет, если сами постараемся.

— Вот встаю,— пролепетал Тяню, но подняться не мог: холод уже сковал его всего, зуб не попадал на зуб.

— Давайте подыдем его,— позвал Демирчу людей. Хотя его силе не нужна была помощь, ему нужно было, чтобы люди помогали друг другу. Все глядели на Тяню, но сил ни у кого не было, лишь кое-кто качнулся к Демирчу, который сам поднял и поставил на ноги Тяню.

— Сейчас стоять нельзя!— жестко сказал он.— Давайте догоним вон тех чабанов, которые перегоняют отару через мост. Может, они знают, где поменьше грязи.

— Пошли скорей, товарищи,— неожиданно поддержала его девушка Чана, которая и выглядела покрепче других,— догоним чабанов. Они знающие и опытные люди и в таких переделках не впервой. Вместе перейдем мост, а там недалеко и железная дорога, на ней грязи нет. Дальше песчаный бугор, шагать легче будет, а там и землянка пастухов, отдохнем малость.

— О-о-о, если мост перейти, до землянки рукой подать!— поддержал кто-то.— Там наверня-

ка есть сухой кизяк, хворост для разжижки, можно будет костер разжечь, согреться.

— Погреемся, отдохнем, а там за часок можно и домой добраться!— совсем оптимистично добавил третий. Определив цель, люди ожили, и вот уже все шестнадцать поденщиков с новыми силами устремились вперед.

От непрерывного дождя грязь в долине становилась жиже и это облегчало ходьбу, но зато час от часу вода затопляла пойму и все вокруг стало сплошным, хотя еще мелким, морем, над которым кое-где торчали бугры. Женщины шли по трое, взявшись за руки, медленно, но все вместе. Из мужчин самым слабым был Тяню, и Демирчу буквально волок его по болоту под мышки.

— Вот отара!— заговорили люди.— А чего это так сильно овцы блеют?

— Как им молчать?— отвечал Демирчу.— Нам тяжело, а, думаете, животным легко в такую погоду? Они же ничего не понимают.

Тяню был не единственной заботой Демирчу. Пока добрались до моста, он несколько раз, бросив Тяню, возвращался, поднимая то одного, то другого, то третьему помогая выбраться из колдобины. Добравшись до моста, люди одержали первую небольшую победу, но здесь же их ждало и первое большое препятствие. Бурно прибывающая вода была сплошным селевым потоком и кипела, как черный кисель на огне, даже гудела страшно, не по-водяному, было страшно даже не только пройти через мост, а просто стоять около него на берегу. Непрерывно размываемые берега добавляли ей густоты, но не сбавляли скорости. Бешено проносились коряги и бревна, следы разрушений — целый улей, рассе-

явшаяся крыша дома, кусок забора, почти целая скирда сена и многое, что уже нельзя было угадать. Корягами, бревнами, всем, что было твердым, река непрерывно бомбила мост и так-то не бог весть какой устойчивый. Он, скрипя и содрогаясь, дергался от берега к берегу, подавался по течению и трудно возвращался назад. Около моста вода на том и этом берегах уже заливала луг, но пройти еще можно было, только рискнуть пройти по мосту. На той стороне за железной дорогой уже видно дымила землянка, казалось, даже запах овчины и брызги доносятся. Но мост...

Чабаны, пригнав овец к мосту, тоже застряли: овцы не хотели идти на мост, пугаясь необычного гула воды. У измученных чабанов опускались руки. Когда они увидели толпу людей, обрадовались помощи: важно было загнать одну-две овцы на мост, чтобы остальные ринулись следом — таков уж инстинкт у этих по временам невероятно упрямых животных. Овцы тревожно блеяли, ожидая неведомо чего, чабаны ждали людей, не зная, что те предельно измучены, а стихия не ждала никого: дождь все усиливался, вода переполняла русло, гул ее становился страшнее.

— Если еще проторчим, снесет и нас и овец, — сказал один из чабанов.

— А может, бросить нам эту скотину и спастись самим? — предложил совсем усталый чабан Ламбу Крустоев.

— Нет! — резко возразил старший чабан Симу. — При чем тут животные? Ясно, они не наши, но мы же за них в ответе. К тому же до кошары рукой подать, только бы мост... Пр-роклый...

Люди, подходя, здоровались, узнавая чаба-

нов — все трое были их односельчанами: Симу Илиев с детства был подпаском, ныне был уже старшим над отарой, Ламбу Крустоев прошел тот же путь и был первым помощником Симу, а единственным «рядовым» был Уанку Копушу — молодой, худощавый и еще малоопытный чабан. Однако, несмотря на малый опыт, Уанку уже хорошо понимал, что труд их вовсе не так идиличен, как кажется со стороны, что он очень труден, а в такие моменты, как сегодня, даже опасен. Только об опасности он и смог высказаться, не умея ничего предложить, когда растерян был сам Симу...

— Друзья, — обратился Симу к подошедшим, — мы все с вами попали в одну беду, но мы — с отарой, без нее нам нет пути на ту сторону. Прошу вас, встаньте по обеим сторонам дороги и кричите, пугайте, толкайте овец, направляйте их на мост. Если две-три решатся побежать, остальные ринутся за ними и мы спасем отару. Обещаю вам, когда доберемся до землянки, накормить всех бараниной, помочь согреться и посушиться: вижу, вы намокли и замерзли не меньше нас, да и устали...

Люди были до того обессилены, что не могли ответить на предложение Симу: заманчиво было подкрепиться баранинкой, посушиться у очага, но где было взять силы для спасения обезумевшей отары? Оцепеневшие от холода и мокра, люди до сей поры только и способны были тащиться почти механически друг за другом, просто боясь отстать.

— А надо ли спасать помещичью скотину, коль сами можем погибнуть? — сам не зная, повторил кто-то из путников мысль Ламбу Крустоева.

— Спросите любую овечку, знает ли она, что она — помещицья? — возразил Симу. — Нам они доверены, нас они поят и кормят, худо ли, хорошо ли. Поможете — благодарны будем, одни не справимся теперь.

— А мы вам поможем, — теперь уже и Ламбу поддержал старшего, — в чем только сможем. Прежде всего накормим, а сытому и холод не так страшен, да и подсушитесь, согреетесь у нас.

— Согласны, — откликнулись несколько голосов, и слышнее всех был голос Демирчу, которого и усталость не брала. Дальше Демирчу говорил один:

— Пусть кто может, встанет и помогает загонять овец, а кто не может или не хочет, пусть отдыхают так. Хотя за делом-то всегда теплее, да вот и дождь слабее становится.

Три пастуха, к которым сразу присоединился Демирчу, и несколько путников окружили отару и стали гнать ее через узкую насыпь к мосту.

— Чу-у-у-ушь!

— Ии-и-и-и!

— Хо-о-о!

Крики людей перекрывали шелкания кнутов, не «стреляющих» от сырости, но еще громких, пронзительный свист чабанов, но несмотря ни на что, овцы не шли на мост, кружа какую-то свою, жуткую, страшную карусель, с ужасным бляением и дикими глазами: рев воды и скрип дергающегося моста приводил их то ли в бешенство, то ли в ужас.

— Давайте перетащим на себе несколько овец-поводырей на ту сторону, — предложил Симу, — за ними, думаю, пойдут и остальные.

— Давайте, — вслед за Демирчу согласились мужчины и каждый, стараясь поймать барана,

взвалил на плечи по блеющему и дергающемуся животному, почти перебежали мост, содрогание которого пугало их не меньше овец. Но труд их и отвага пропали даром: как только за рекой они выпустили овец из рук, те галопом проскочили по мосту обратно к отаре, которая ничуть не желала двинуться за ними, пока те были за рекой.

— Взбесились черти!— неистово ругался Симу.— Эти побоялись на ту сторону перейти, а те не испугались обратно перебежать!..

Он кружил вокруг отары, бил овец кнутом, щелкал им, ругался что есть сил, мужики ругались тоже, проклиная овец, погоду, а в душе даже то, что связались с чабанами. Самый молодой чабан Уанку откровенно плакал: ему было жаль овец и он острее других предчувствовал беду, еще не зная, какую. Самый измученный из пастухов, он много раз падал и опять поднимался, проявляя упорство и мужество, которых никто не замечал. Наконец, поскользнувшись, упал в грязь и сам Симу и поднялся, не в силах даже ругаться.

— Да пусть перетопнут все к черту, или передохнут на берегу!— безнадежно выкрикнул Ламбу.— Тут впору самим спастись!..

— Э, не пастушьи слова!— спокойно возразил Демирчу.— Животные глупые, нам за них не думать, кто будет думать, друг?

— Бесполезно мне думать! Вон погода нож к горлу приставила, сейчас река всех нас в Дунай снесет, к рыбам на съедение! Что тут думать?

— Спокойно, товарищи,— сказал Симу,— пробуем еще один чабанский метод: возьмем овец-поводырей за задние ноги и поведем их медленно на передних ногах через мост, тогда

должны и остальные потянуться за ними.

Мужчины вновь взяли овец и баранов-поводырей, только уже по-новому, как предложил Симу, и повели по мосту. Остальные, окружив отару, стали настойчиво теснить ее к мосту. Поводыри громко блеяли, старались вырваться и повернуть назад, но сильные руки мужчин не выпускали их. Вся отара уже была на мосту, даже на второй его половине.

— Уже пройдут!— подумал старший чабан Симу, но в этот момент овца, которую он вел, встрепенулась, стала на передние колени, не желая более пятиться. Чабан старался ее поднять, но животное с дикой силой рвануло в сторону и, вырвавшись, побежало назад. Другой чабан перекрыл ей дорогу посохом, направляя снова к Симу. Но та отскочила к перилам моста и стрелой рванулась в бурлящую воду. В тот же миг за ней бросилась другая, за той— третья, четвертая... и пошли, мешая друг другу, с диким блеянием бросаться в гибель по одиночке и группами, точно околдованные. В черно-бурые бугры ревущего селя словно пролилось— тоже буграми— почти такого же цвета живое озеро, и все исчезло.

Онемевшие от ужаса люди еще искали взглядами животных, еще стояли в их ушах блеянье и крики чабанов, и вот уже последние овцы мелькали бурдюками в жутком потоке под мостом, который все содрогался, выгибаясь и выпрямляясь. Вот уже всю отару уносило в Дунай и в Черное море, кроме нескольких баранов, попавших на мель и словно не решивших еще, топиться ли до конца, или выбираться на берег.

Симу, сидя в грязи, рвал на себе волосы, Демирчу только сейчас заметил, что, зажав нога-

ми и схватив за горло свою овцу, он задавил ее. Только у чабана Ламбу его баран спокойно стоял между ног, правда, на этой стороне моста, словно и не видел гибели собратьев, или был вовсе не их породы.

— О-о, боже!— воскликнул Демирчу,— Те, как замороженные, а этот стоит хоть бы что!

— Мужики, что вы смотрите?— закричал Ламбу.— Не все же еще утонули, ловите, вытаскивайте по одному барану, хоть сколько-то спасем.

Симу первым внял призыву напарника и, кинувшись в воду у берега, поймал лучшего в отаре барана, вытащил его, тут же связав кушаком со спасенным ранее, затем поймал второго и тоже привязал к свободному концу кушака. Ламбу еще раньше успел связать двух баранов. Эти уж точно теперь спасены. Молодой и горячий Уанку кинулся дальше всех, схватил за мокрую шерсть овцу, та вырвалась, другой баран, налетев, словно боднул в воде Уанку, и парень вместе с бараном был подхвачен грязными и бешеными валами.

— Пы-ы-ы, ама-а-ан!¹— вырвался у женщин слитный вопль: они поневоле выступали в роли зрителей поединка между людьми и стихией:— О, аллахым, аллахым,² и парень пропал тоже!

Демирчу с криком «Уанку, Уанку, держись!» кинулся спасать парня. В какой-то миг ему казалось, что это еще возможно. Теперь уже за ним следили люди, забывая дышать.

— Ы-ы-ы,— протянул немножко оживший Тяню,— какой все-таки глупец этот Демирчу:

¹ Пы-ы-ы, аман!— возгласы при несчастье (гагауз.).

² О, аллахым, аллахым — О боже, боже (гагауз.).

где же из такой гибели спасешь человека? Жаль, такой крепкий парень Демирчу, а погиб по глупости!

— Мокрый, а жужжит, как муха осенняя!— оборвала его Чана.— Демирчу лучше тебя знает, что ему делать.

И вдруг... из пучины ниже моста показалась голова Демирчу, слипшиеся волосы его закрывали глаза, но он сделал несколько мощных и точно направленных гребков и каждый как будто вырывал его из черного бурлящего киселя. Станным казалось, как он не подавился, потому что не захлебнуться тем густым киселем было невозможно...

— Ну, теленокдохлый,— снова резко обратилась Чана к Тяню,— ты видишь, человек уже на берег выходит, а ты поспешил его потопить!..

— Ы-ы-ы, аллах все же помиловал его. О, боже, дай ему ума не лезть снова в такую воду! А то ведь вот Уанку-то нет...— бормотал Тяню, трижды перекрестясь.

Демирчу не слышал да и не слушал, что говорят о нем люди. Едва укрепясь ногами в воде на размытом, но уже прочном берегу, он зорко смотрел по течению, отбросив мокрые волосы— Уанку не было видно, но... может, какая-то коряга показалась человеческой головой, и он снова мощно оттолкнулся и нырнул в жуткую круговерть. И опять его долго не было видно...

— Ы-ы-ы, сохрани его господи, неровен час...— бормотал Тяню, крестясь лихорадочно.

Далеко от моста из воды показался Демирчу, он явно тащил на себе кого-то, борясь с потоком.

— Уанку, тащит Уанку!— кричали люди. Симу и Васил побежали по берегу помочь Де-

мирчу, который только на берегу убедился, что тащит не Уанку, а овцу за шерсть, уже захлебнувшуюся. Васил и Симу набросили на Демирчу свои плащи.

— А, будь ты проклято!—воскликнул тот.— Да не холодно мне!.. Уанку жаль. В этой каше овец было больше воды, не поймешь, кого ловить. А парень, видно, сразу задохнулся...

— Да ты и сам чуть не утонул,—смягчил Симу.

— В том ли дело!—возразил Демирчу.— Вот Уанку не вернешь!

— Не вернешь,—вдохнул и Васил,— а какой славный был малый!

Все трое мужчин направились к мосту, на котором уже не было отары: она «паслась» теперь на дне взбесившегося Ялпуга, стремительно удаляясь к Дунаю. На мосту и предместье без сумасшедшего кружения овец было непривычно пусто, без их блеяния тишиной казался даже рев набравшего силы потока: за какие-нибудь десять-пятнадцать минут безумие стихии поглотило обезумевшую отару овец в восемьсот голов и молодого парня. Это до глубины души потрясло даже предельно изможденных путников. Теперь им самим надо было перейти мост, но они еще не решались, медлили, хотя ни о чем не думали, опустошенные потрясением. Единственным ясным чувством всех был страх. На мосту лежали, барахтаясь в луже и бляя, связанные кушаками три барана, четвертого все еще держал Ламбу и, казалось, нет для него сейчас в мире более важного дела. А мост все больше трещал под ударами на глазах прибывающего потока и, казалось, разгибался каждый раз чуточку меньше, чем выгибался, и скрипел, словно хрипел под

невыносимой мощью стремительно густеющей и поднимающейся воды. Люди смотрели на оставшихся баранов, на чабанов, друг на друга, но больше всего на мост.

— Что мы смотрим? Чего ждем?— напористо спросил Демирчу, с которого все еще текло, хотя дождь переставал.— Давайте быстрее к землянке, смотрите, как мост качается, скоро и он пойдет догонять овец.

— Овцам хорошо!— произнесла вдруг самая озябшая женщина в жиденьком, плотно прилипшем к голове платочке.— Пospешили и избавились, а мы остались мучиться дальше. За какие грехи, господи?

— Бросайся и ты в воду!— непривычно сердито бросил Демирчу.— Раз овечьим умом живешь, зачем человеком зовешься?

— Вперед, товарищи!— скомандовал Васил.— Нечего рассуждать.

Взявшись за руки по несколько человек, люди ступали на мост, невольно ускоряя шаг: на мосту каждый задний спешил обогнать переднего. На другом берегу ослабевшие путники резко сбавляли шаг и снова еле плелись. Чабаны и двое мужчин покрепче потащили к стойлу спасенных баранов, затем вернулись помогать людям. Только Ламбу остался там кухарить, и скоро от очага стало наносить веселым огоньком сухого кизяка, дразняще запахло манжа — кавурма² из барана, которого быстро, по-чабански зарезал и разделал Ламбу.

Стонущий, надсадный треск отвлек Ламбу от его работы, он оглянулся и как в кошмарном

---

¹ Манжа-кавурма — еда из баранины, обычно перченая (гагауз.).

сне увидел: водой разломило мост, оторвало от берегов и понесло, как игрушку. Он тревожно глянул поближе и радость согрела его лучше огня: люди, все, уже поднимались по склону к землянке. Демирчу прямо тащил на себе Тяню, Симу и Васил помогали женщинам. Деревянный вопль погибшего моста остановил всех, заставил оглянуться туда, откуда только что выбрались: низина уже была вся затоплена, словно мост был дамбой, которую прорвало, жирная вода медленно догоняла людей. Впрямь, море разливанное!..

...В землянке битком набились самые ослабевшие и больные, так что Ламбу стоял чуть не в костре, вплоть к казану. Остальные пристроились наверху, теснясь поближе к землянке у камышового забора загона: казалось, запах пищи и слабое тепло из землянки помогали согреться. Только Уанку не было среди людей и кто знает, как далеко он теперь был! Сознательно о нем горевала только Чана, остальные тупо думали — вот нет Уанку, — не в состоянии чувствовать даже живое горе. Его отсутствие не ощущалось резко — вот нет Уанку и все, словно его и не было вовсе, а так — кто-то помянул о нем вскользь, походя...

Он был из бедной многодетной семьи, где основной пищей были мамалыга, лук да чеснок, и хотя ему чаще всего приходилось вставать из-за круглого столика полуголодным, рос он здоровым и крепким мальчишкой. Хотя половинка яйца и кусочек белого хлеба были великим лакомством по большим праздникам, да и то не всегда, лицо у него было здорового цвета, а черные брови блестели почти так же, как глаза. В одиннадцать лет отец отдал его подпаском ча-

банам, так что в доме стало одним ртом меньше. Он полюбил свой библейский труд, наверное, древнейший из трудов человеческих, тишину буджакских степей, незлобивых и послушных овец — если бы он знал, какими они бывают! — и резвых, шаловливых ягнят. Сам резвый и незлобивый, он был смышлен и легко усваивал не только романтические легенды о великих чабанах Буджака, но и массу необходимых чабанских премудростей, стал со временем надежным и незаменимым помощником чабанов, сроднившись с ними. Ныне шел восьмой год его работы в отаре и, хотя он все еще был подпаском, с ним считались, как со взрослым чабаном. В пятнадцать лет он чуть не погиб от тифа, но перемог болезнь без всякой медицины, а вот теперь...

Тяжко будет матери, всей семье, которой он помогал уже больше самого отца, услышать страшную весть. Сейчас горевали чабаны, а завтра гибель Уанку ранит сердце семнадцатилетней дочери огородника — чернобровой Зелю, которая далеко от села вместе с отцом выращивала овощи на берегах Ялпуга — Ялпуга, чье название теперь всегда будет произносить с суевным страхом.

Возможно, Зелю и сегодня на огороде, но у них с отцом там хорошая землянка и запас сухого кизяка, и печка, которую она, наверное, топит сухой виноградной лозой и думает, как плохо ее Уанку в такую непогоду в голой степи. Если бы он был близко, уж забежал бы ненадолго подсушиться, погреться...

Наладится погода, будет солнечно, мимо пойдут отары и зазвенят колокольчиками, но Зелю поймет, что это не ее Уанку, разве на миг забудется... Пройдут еще отары, но шелканье кнута

не будет тем знаком, по которому она выбегала, запоет свирель задушевную пастушью мелодию, но только у Уанку была самая чистая и мелодичная свирель и только во сне будет Зелю слышать ее отзвуки, все затихающие с годами. Изменил Уанку невесте, обвенчался с Ялпугом, а там и дунайские русалки позавлекают черного парня...

Среди жмущихся у камышового забора людей была двоюродная сестра Зелю — Чана, самая крепкая из женщин и даже сейчас самая красивая и, видно, ей было суждено сообщить юной сестричке, что стала та вдовой, еще не став официально нареченной...

А сейчас Чана, как и ее спутники, считала, что самая главная опасность миновала и в пути, и в погоде. Правда, было очень холодно, нестерпимо холодно, люди жались друг к другу, а все вместе — к дымившей трубе, откуда так влекуще несло тепло и пахло нестерпимо вкусной манжей. Чабан Ламбу тут же на угольях испек баранью печенку и по крохотному кусочку раздавал ее людям: он знал, что таким голодным и изможденным еще надо захотеть есть. Чане не так хотелось есть, как забраться на миг в землянку, погреться у огня, но там были больные, и, сменяя друг друга, грелись самые слабые.

К женщинам подошел Демирчу, которого, казалось, ни сырость, ни холод не брали, раз уж не сумел его забрать сам разбушевавшийся Ялпуг.

— Девушки, — предупредил он всех, — не надо сидеть на одном месте даже кучкой: ветер тянет все холоднее, застынете.

— Так что же нам делать? Кучкой вроде теплее...

— Собирайте топливо, какое попадет, вообще двигайтесь, ходите.

— Можете загородки разбирать и сжигать, — разрешил чабан Симу.

Но мокрые заборы никак не разгорались, дерева почти не было, припасенный кизяк тоже так промок, что даже не тлел. Меж тем сварилась манжа и всех накормили, сколь хватило, мясом, напоили горячим бульоном. Люди на глазах ожили и все без обсуждений поняли, что надо идти домой. Дождь, бесконечный, начинающийся, перестояющий, к этому времени, казалось, окончательно иссяк, только тучи по-прежнему проплывали, чуть не задевая за головы, да ветер свирепел: он не становился сильнее, но с жуткой ощутимостью леденел.

— Надо идти! — предложил Демирчу и люди, признав вожакими его, Ламбу и Симу, особенно его, Демирчу, посоветовавшись, решили идти домой: в землянку буквально невозможно было влезть, а ночевать хоть по ту, хоть по эту сторону забора в такую погоду означало верную гибель. В землянку кое-как втолкали еще двух, совсем ослабевших женщин и двух девушек. Там стало не пошевеливаться, но зато тлела теплина в очаге, разожженном Ламбу, и надо было только следить, чтобы не гас огонь. От тесноты в затишке тоже было тепло.

— Следите за очагом! — наказал Ламбу оставшимся ночевать: — Кизяк сырой, погаснет огонь, кабы и ваша жизнь не погасла...

— Кто с нами, пошли! — позвал Демирчу. — Идти не так трудно — будем живее двигаться, согреемся.

Девять женщин и четверо мужчин пошли домой — чертова дюжина. Через полчаса люди

разогрелись, зашагали ровней, уверенней. Среди женщин сама собой выделилась Чана — она была моложе других, выносливее да и посмелее, хотя ее больше других потрясла гибель Уанку...

За первым же холмом в низине им преградила путь бурная река на месте бывшего сухого оврага, которому не было ни конца, ни начала. Разогревшимся уже от ходьбы людям надо было лезть в ледяную воду. Ламбу, не теряя ни минуты, стал искать брод, прощупывая дно давно уж подобранным длинным шестом, и довольно быстро нашел. Переправились благополучно и, вновь промокнув, хоть, кажется, дальше было некуда, продрогнув, зашагали быстрее, чтобы согреться на ходу. Со следующего холма путникам открылось родное село, все оживилось, женщины стали креститься. Чана не крестилась, она молча и упорно шагала впереди всех.

Во втором овраге вода бушевала сильнее: он был уже давешнего, но даже на взгляд глубже, а плавать никто не умел, особенно женщины.

— Бай Симу, переплывете овраг? — спросил безнадежно Демирчу.

— Э, дорогой Демирчу, до дна доплыву сразу. Знал бы, как плавают, разве бы не кинулся вместе с тобой спасти нашего Уанку?

— А Ламбу умеет?

— Меня догонит сразу...

— Если бы брод, то перешли бы, как давеча, взявшись за руки, — размышлял вслух Демирчу. — А то как же нам переправлять женщин? Они же еще все перепуганы до смерти.

— Вон проволока, — сказал Симу. — Как я забыл, здесь же загон загораживать хотели.

— Давай беги, тащи.

Пока Симу бегал за проволокой, люди опять

стояли у воды и смотрели на грозное зрелище: гудели, скручивались, всплескивались черные как деготь от буджакского чернозема волны, на глазах увеличивая русло-овраг. Гул и холод пугали и сковывали всех, только Демирчу ходил по берегу, выбирая место для переправы и обмысливая, как ее организовать. Деятельных помощников в этом у него никого не было, единственный, кто мог плавать, Васил, заболел и сидел на мокром берегу молча, держа руками живот.

И Ламбу, который с шестом ушел искать брод, все еще не возвращался. Васил с трудом поднял голову и сипло сказал Демирчу:

— Демирчу, переплывай и спасайся сам...— голова его снова поникла.

— Что ты чепуху несешь?— сердито закричал Демирчу.

— Во всяком случае, позовешь людей на помощь. Тут нас много, один не справишься, а сам из-за нас можешь погибнуть,— с трудом произнес он: было видно, что недуг пожирает его.

— Да чего ты городишь, чабан называется!— сердился пуще того Демирчу, понимая правоту Василя и зная, что не мог поступить иначе.

— Глянь, вон перед нами уже село видать!

— Видно, но...

— Что «но»? Сколько прошли, с такими мучениями, а тут...

— У меня сил нет, женщины боятся, а дождь, гляди, опять какой да еще с градом,— деревянными губами шептал Васил.

— Держись, друг, держись!— стал умолять Демирчу, сняв с себя антери и рубашку и надевая их на Василя. Сам он остался по пояс голым, на волосатой груди ненужным украшением

собирались блестящие градины. Он позвал Чану:

— Посмотри за дядей Василем, а мы с Симу протянем проволоку, будем держать, и все переправятся.

Чана, поглядев в лицо Василя, сняла и с себя чукман, закутала им плечи больного, сама осталась в жиденьком, облипающем платье. Васил, трудно дыша, уговаривал:

— Чана, надень свой чукман, мне не поможешь...

— Что так долго Ламбу не идет?— спросил Демирчу, закручивая петли на концах проволоки, чтобы не вырывалась из рук. Длину ее он уже прикинул — хватало для переправы.

— Не утонул ли он?— высказал страшную догадку Симу, и Демирчу вдруг поверил ему — сердцем понял, что произошло несчастье. Еще одно... Все, кто мог, бросились искать, но понапрасну: крепкий мужчина, так нужный Демирчу для помощи людям, пропал, как в воду канул. А, может, и впрямь в воду... Когда Симу и Демирчу вернулись к месту переправы, женщины безгласно плакали над Василем: он скончался. Вообще в этом злосчастном походе люди заболели и умирали как-то мгновенно, будто ныряя в смерть...

— Да что же это такое происходит, люди?— не своим голосом кричал Демирчу.— Неужто мы такие бессильные, пропадаем, как мухи на морозе? Соберитесь с силами!

— Демирчу бату,— предложила Чана,— переплывите и сходите в село, зовите людей нам на помощь.

— Далечно,— ответил Демирчу,— и град все

усиливается, пока я вернусь, вы все погибнете. Спасение только в движении!

Это понимала и Чана, но ей хотелось, чтобы он спасся, этот могучий и красивый мужчина, так старавшийся для всех: ему очень шло жить, именно так она и подумала.

— Нет, не надо в село идти,— продолжал Демирчу.— Я и Симу, да еще с твоей помощью, Чана, протянем проволоку, переправим женщин и сами переправимся: последнего вытянем на проволоке. И все будем дома!

— Вряд ли сможем, Демирчу бату, да и впереди еще один поток. А все же давайте попробуем,— согласилась Чана, понимая, что бездействие вовсе губельно.

Чана и Симу взяли за петлю, Демирчу за другую и, пройдя чуть вверх против течения, резкими рывками преодолел поток, встал на берегу, натягивая проволоку, крича, чтоб начинали перебираться. Но увы!.. Женщин погубили ослабленность, боязнь, скованность: трое пошли довольно решительно, но, не успев потерять дно под ногами, сорвались и ушли в пучину. За ними, вновь, как в страшном сне, как давешние овцы, шли остальные, то ли захлебнувшись, то ли от испуга... Проволока в руках Демирчу держалась, натягиваясь и ослабляясь, он что-то кричал, не слыша себя, впервые чувствуя страшную усталость и почти опустошенность. На том берегу Симу держал проволочную петлю, не зная, что ему еще делать. Около Чаны осталась одна женщина, ее соседка Оли булю. Еле шевеля губами, она сказала:

— Пойду и я...— и взялась за проволоку, но в этот миг к ним прорвался крик Демирчу:

— Н-е-ет, вернись! Я переправлю, вас сам,

на себе. Тяни проволоку, Симу!— здесь ее не за что было даже зацепить и он, бросив свою петлю, вновь ринулся через поток.

Симу и Чана посадили Оли булю на берегу — она уже не могла стоять. Ее босые ноги просвечивали сквозь грязь желто-белым неживым цветом. Чана сняла с плеч уже окоченевшего Васи́ла Демирчев антери, закутала в него ноги Оли булю, та прилегла, и когда подошел Демирчу, ее уже не было...

Страшно было на этом берегу: в нескольких шагах от воды лежал труп Васи́ла, в волосы его уже набился град, у самого берега, словно загнув, лежала Оли булю, и Чана рыдала над ней, содрогаясь всем телом и закусывая пальцы обеих рук.

Симу стоял с петлей в руках, опустив голову, молча.

— Чана, не плачь, бесполезно!— хрипло сказал Демирчу девушке.

— И тебя и Симу я переправлю на себе, я смогу, не бойся!

— К чему мученья? Ведь впереди еще такой поток!

— И там переправлю! Хоть вас спасу! Иначе — как жить мне?

— А что скажем дома, если доберемся, про остальных?

— Не знаю...— ответил Демирчу, опуская голову, испытывая тяжкую тоску.— Может, я виноват...

— Не-ет!— крикнула дико Чана и... ринулась в воду. Звериным прыжком успел достичь ее Демирчу, схватил за длинную черную косу и вытащил на тот берег.

— Си-и-му!— крикнул он чабану.— Жди там,

не смей без меня лезть в воду! Я отведу Чану и прибегу за тобо-о-ой!

— Подожду,— ответил, слышный самому себе Симу, не зная, сколько еще он сможет выдержать на таком холоде, мокрый, босой. Да он и не думал о себе—единственным внятным желанием его было, чтобы спаслись Чана и Демирчу...

А Демирчу нес на руках девушку, будто забыв опустить, прижимал ее, мокрую, к своей мокрой голой груди. Она лежала на его руках, закрыв глаза, бледная, осунувшаяся, и, несмотря на весь трагизм происходящего, показалась ему необычно красивой. За сорок лет он видел женщин, но никогда не связывал их со своей судьбой и только сейчас, в целой цепи гибели и смертей людских, у него вдруг шевельнулось в груди что-то теплое и он почти прорычал, сдавливая неожиданное рыдание.

— Чана, ты же хотела...— начал он.

— Да,— тихо ответила та, открыв глаза,— освободить тебя...

— Да нельзя же, Чана! Грех! Разве мало погибло людей потому, что не смогли бороться, поддались. Сейчас я притащу тебя в свою землянку, там есть сухой кизяк, разожжем очаг, согреешься.

— Я согласна, но скажи, почему мы Симу оставили там?

— Я его не оставил, вот донесу тебя и вернусь за ним бегом!

Девушка была довольно тяжелой, но впервые в этот кошмарный день Демирчу почему-то стало легче и он все убыстрял шаг со своей нелегкой ношей, словно впереди и впрямь уже затеплился и засветлился домашний очаг...

— Ты очень хороший, но прошу тебя, отпусти меня, я сама доберусь домой, а ты иди помоги Симу.

— Одну тебя не пущу,—отрезал Демирчу, опуская девушку наземь,—вон впереди еще одна вода.

— Я переплыву сама.

— Ты плохо шутишь, я не пущу тебя одну.

— Прости меня, Демирчу!

Через последний овраг они переправились неожиданно легко, и Демирчу привел Чану в свою землянку.

— Быстро разожги огонь, вон спички, вот кизяк и сухая лоза,—и направился к двери.

— Подожди, ты же по пояс голый, надень рубашку сухую!

— Некогда!—ответил Демирчу.— Вот сухой плащ,—и, накидывая его на себя, побежал спасать Симу. Перебрел первый поток, добрался до второго, переплыл вновь и его. Симу нигде не было видно. Оли по-прежнему лежала у берега, края ее черного платка и грудь необычным бисером украсили блестящие градинки. При жизни Оли не носила бус, их попросту не было у нее, сейчас же ее посмертно на краткий миг украсило самое необычное ожерелье из всех когда-либо носимых женщинами...

Поодаль, почти засыпанный градом, жутковатым сугробом белел труп Василя. Демирчу горько спросил его вслух:

— Скажи, брат, куда исчез Симу?

Молчал сугробно блестящий труп, и горечь залила душу Демирчу. До темноты он искал товарища и вернулся, только поняв, что поиски бесполезны. За полночь он вернулся домой, не заметив ни трудности первого оврага, ни отно-

сительной легкости преодоления второго. В его землянке пылал очаг, было тепло. Молча, тихонько хозяйничала Чана...

На следующий день на подводе, запряженной волами, привезли из землянки чабанов оставшихся там людей, собрали покойников. Но те, живые, не могли принять участие в похоронах Оли булю и Василя, все были тяжело больны. Несколько дней спустя на берегу Дуная нашли трупы утонувших, среди них обнаружился и Симу. Утонул ли он, пытаюсь найти брод через поток, или утопился в полном изнеможении души и тела, никто никогда не узнал...

...За гибель овец спрашивать было некого, за гибель людей — некому...

* * *

Через год я встретился с Чаной. Она качала на руках запеленутого младенца.

— Твой? — спросил я. — Сын, дочь?

— Сыночек! — улыбнулась она — Наш с Демирчу.

— Где теперь Демирчу?

— На заработках. Видишь, у него прибавилось забот, прибавилось доброй славы, вот прибавилась и семья, а достатка не прибавилось, нет.

Распространилась легенда-быль среди людей (сам-то Демирчу молчал, а Чана на диво для женщины не была болтлива) о том, как трагически единоборствовал богатырь Демирчу со стихией — за жизнь людей. Один за всех...

Видно, когда народу нужен герой, он — находится, даже если это простой батрак. А мера героизма всегда безмерна...

АЙВОВЫЙ ЦВЕТ

Симу Коджабаш устало ходил возле своего дома и разглядывал ветхие, покосившиеся стены, с которых сыпалась штукатурка. «Глина есть глина, даже если она с соломенной сечкой перемешана,— думал Симу,— хорошо тем, кто ныне строит каменные дома и штукатурит их цементом!» Симу поднял взгляд на камышовую, тоже ветхую крышу, которая крошилась и походила на штукатурку стен. Нужно было снять крышу, старые потолки, стены поднять несколько выше, стелить новые потолки и заново покрыть дом шифером. Для этого нужны были еще добрые стропила... Поднятое вверх навеки загорелое, иссеченное морщинами лицо хозяина и вытянутая шея тоже чем-то походила на черную от старости крышу и серые облупившиеся стены: казалось, вот-вот со щек отвалятся целые куски...

Симу Коджабаш унаследовал дом от своих родителей и после себя, как полагалось, должен был оставить его своему сыну Василию. Но ведь надо было оставить дом, а не развалюху: Жили они пока вместе, но Василий, похоже, внимательно поглядывал на дом тестя, куда более крепкий, чем отцовский. Женат был Василий на Зине, девушке из Баурчи. Женился он сразу как вернулся из армии. До того он даже не был знаком с Зиной и свел их не случай, а двоюродный брат Ойту. А Василий только глянул на девушку, подержал ее руку в своей и понял сразу, что другой жены ему и не надо. Это было как озарение. А внешне все было просто, по-деревенски. Осенью как-то Василий поехал в Баурчи погостить к тетушке, Ойту пригласил его к баурчинским девушкам на посиделки: посмотришь, ка-

кие красавицы тут. Особенно Зина Ямбулова — то ли дикая коза, то ли ангел божий!

— О-го!— И в этом «О-го!» было куда больше чувств, чем в объяснении словами Зининой красоты.

В тот же вечер Ойту раскаялся, что познакомил Василия с Зиной. Позже даже повздорил с братом. Не пришел на свадьбу и долго не хотел с ним встречаться. До сих пор был неженатым. Хотя никто не догадывался почему, даже сама Зина. До женитьбы Василия он и сам не подозревал, что так крепко влюблен в Зину. Все подшучивал над собой и над Зиной, что, мол, красавица жена — одни тревоги да беспокойство в жизни. А вот поди ж ты...

Несколько месяцев назад неожиданно скончался в Баурчах отец Зины. На похороны пришел и Ойту и все заглядывал в сторону Зины... Не понравилось Василию поведение своего двоюродного брата. Дома он сказал жене:

— Сколько может человек таить зло на своих же родственников, будто кто-то предал его или дом спалил... Правда, на тебя он глядел так, будто не на поминках, а на посиделках был.

— Коль уж заговорил о доме,— сказала Зина,— хочу тебя, Вася, спросить, что же мы будем делать с домом в Баурчах. Теперь ведь он стал нашим по наследству, не оставим же его пустовать или разваливаться.

— А что же ты советуешь?

— Ой, знаешь, я бы с удовольствием поселилась жить в Баурчах!

Впервые за время совместной жизни Василий усомнился в своей жене. Ее трезвая рассудительность показалась ему тайным расчетом. «Не потому ли так вертелся вокруг нее Ойту на

поминках в Баурчах?»— гвоздем засело у него в голове.

Зина будто на лету поймала эту мысль Василия и, покачав головой, сказала спокойно, даже без упрека.

— У меня, дорогой мой, один ты да сыночек наш. Мама, ты знаешь, умерла еще молодая, теперь вот и отец скончался. Ну что ж делать, у нас теперь своя семья... Знаешь, когда ты первый раз сделал мне предложение, я домой вприпляску шла. А когда сватов прислал, все боялась, вдруг кто-то скажет, что это сценка из самодеятельности... Я когда о доме сказала, тоже о нас подумала. Улочку нашу вспомнила. Ты впервые там меня поцеловал, помнишь? Вот я почувствовала, что такое настоящая любовь. Помню, обомлела, обмерла вся, и жар, и озноб, словно лечу с тобой! Ну, не умею я рассказывать, что чувствовала тогда, а все-все помню...

Все было верно: и дом в Баурчах был новее, просторнее, прочнее и улочка та прямая, хоть давно уже стала большой улицей, а все помнилась той прежней. И не было вроде на той прямой улочке тайных уголков... а ведь сколько их было! Прижмутся, бывало, с Зиной к забору под кроной яблони, вишни, люди идут, а не видят...

И стало нелепо думать о Зине, будто ради Ойту хочет она переселиться туда, в край их юности и любви. Хотя, конечно, не стоит жить по соседству со своим двоюродным братом: подальше жить — поближе душой друг другу. Вот она ревность: никакого повода со стороны Зины, да и Ойту ведет себя безупречно, а душу все-таки саднит. Читал Василий, что ревность — чувство, почти отмершее, не нужное человеку, вроде аппендикса... Вот отмершее, а люди мучаются,

от аппендицита ведь тоже иногда погибают...

Симу любил своего сына и невестку почти одинаково. Невестка была добра к нему, внимательна и, главное, не старалась быть, а именно была такой — чистоплотной хозяйкой, отличной кухаркой, заботилась о муже, сына любила спокойно и ровно, не дергала его... Однако, после смерти свата в Баурчах на сердце у старика стало тревожно. Молодые были по-прежнему ласковы и внимательны друг к другу, но как будто играли роли влюбленных супругов. Нельзя было ничего ни подсказать, ни посоветовать, не на что было пожаловаться. Но, казалось, исчезни сейчас старик, и его долго не хватятся. Ощущение того, что он лишний в доме, усиливалось тем, что сам дом потихоньку разваливался у него на глазах. И это было особенно заметно, потому что дома соседей были в большинстве новыми, красивыми, крытыми шифером, жостью, черепицей; сверкали застекленными летними верандами, вились узорчатой резьбой наличников окон и крылец, вставляли на въездах железным полотном ворот с наварными виноградными гроздьями и листьями, а кое-где торчали железным частоколом пик.

Наверно, Симу Коджабаш был не прав, но ему некоторые дома соседей казались не столь красивыми, сколь наглыми. Как кладовщик колхоза Коли Дерибжи, распираемый жиром, виноградным спиртом (потому что вино уже его не брало), считавший общественный склад своей собственностью и хвастающий, что у него добра много.

...Наверное, старый Симу был не прав. Ведь его собственный дом казался заброшенным, и разве кто-нибудь из людей был виноват в том, что

Симу Коджабаш вовремя не взялся за ремонт. Теперь ему одному ремонт был не под силу. Однако к пенсии он поднакопил немножко денег, виноградник поднаполнял кубышку, и только ожидание затянулось.

Сначала он ждал, пока вернется из армии сын Василий, потом пока поступит на работу в колхоз и освоится, потом... И впрямь, после демобилизации и устройства на работу Василий рьяно захлопотал в родном гнезде: выписывал, привозил необходимый материал, складывал лес, кирпич, мешки цемента, закрывал рубероидом и толем, даже стал скуповат. Копил деньги, добавляя к отцовским сбережениям. Все шло как полагалось и как хотелось старику, но усердия сына не надолго хватило, потихоньку стало ослабевать. Он уже ничего не привозил на подворье. А однажды, к удивлению отца, увез куда-то почти весь штабель кирпича.

Симу поначалу стеснялся расспрашивать сына, а потом подросла свадьба с ее весельем и бестолковостью и опять было не до расспросов. А тут вроде все устроилось само собой. Молодые стали жить у Симу, а там, не успел старик оглянуться, Зина принесла сына, и Симу оставалось любоваться тем, как сноровисто и умело, выкраивая каждую свободную минуту, Василий обновляет отцовский дом, а потом опять рвение сына стало ослабевать. Молодая семья все чаще гостила в Баурчах, когда возвращались к Симу Коджабаш, вели себя так, словно боялись чем-то обидеть его или проговориться о чем-то.

Набравшись духу, старый Симу спросил сына, скоро ли он продолжит ремонт, а то вон отваливается даже заново зацементированный угол. Василий хмуро буркнул что-то насчет то-

го, как трудно достать материалы. А вечером дольше обычного шептался с Зиной. И шепот их походил на шелест пересохшей бумаги, не то чтобы сердитый, но очень уж сухой...

Семья Коджабаш обедала за низеньким круглым столиком — софрой. Отец с сыном сидели друг против друга. Невестка была рядом со своим мужем, а на коленях ее сидел Люгоржук, годовалый их сынок. За столом опять сам собой, уже в который раз, возник разговор о доме.

— Надо ремонт начинать, а то в один прекрасный день окажемся на фундаменте, но во дворе, — сказал Симу.

— Понятно, надо начинать, — ответил сын, — но хорошо знаешь, что мы еще твердо не договорились, будем жить здесь или в Баурчах.

— Кто мы? — Я отсюда никуда не поеду! Да и усадьба такая, что не у каждого двора.

— Значит, отец, — сказал Василий, — один из домов надо продавать. Давай решать какой?

И вдруг как на стену натолкнулся дед Симу в привычном разговоре:

— А на кого же оформлять дом? Люгоржук маленький, у меня домовладение свое. Ты, Василий, живешь здесь, дом в Баурчах принадлежит Зине, но она твоя жена и, естественно, живет тоже здесь...

Был теплый весенний день, расцветали абрикосы и айва начинала цвести, виноградник тоже раскрывал свои глазки... «Хорошо, — неопределенно думал Симу, даже не пытаюсь понять, что хорошо именно здесь, в этом уголке родном. — Если Василий вздумал продать этот дом, значит, скоро кто-то другой будет любоваться цветущей айвой, которую было видно с крыльца его род-

ного дома. Кто знает, какому покупателю-лодырю попадет, может, оставит виноградник необрезанным, непрошеванным, деревья запустит, заведутся гусеницы. А ведь усадьбу, виноград, садик надо не просто умело и вовремя обрабатывать, надо каждое дерево, каждый куст знать...» Мысли старика обрывались. Он старался найти причину того тайного разлада, который внешне будто не выступал, но внутренне терзал его и молодых тоже.

...Если бы Василий вздумал уйти вместе с Зиной в город, старый Симу не одобрил бы, но понял — многие бегут. Но менять село на село? А чем это село хуже того? А может быть, сын рассердился на то, что Симу не продал свой дом и не предложил ему деньги на какие-нибудь «Жигули»? Они же, молодые, нынче помешались на «Жигулях»! И еще одна мысль не дала старику заснуть всю ночь: «Не сердится ли Василий на отца за то, что тот до сих пор не перевел дом на его имя? Не чувствует себя полноправным хозяином — вот, вероятно, в чем дело!»

Рано утром Симу встал, оделся, взял паспорт и пошел в сельсовет перевести дом с себя на сына...

В обеденное время, как и в другие дни, перед тем как кормить и укладывать спать ребенка, Зина вывела его во двор на свежий воздух. Она водила сына за руку. Мальчик делал несколько смелых шажков, потом резко останавливался, будто не знал, что ему дальше делать. Потом снова трогался с места — мать радовалась стараниям и успехам сына, а ребенок радовался, что держится на ножках. Вошли через калитку

на огород и Зина, взглянув на деревья, удивилась: за ночь айвовые ветки так оделись в цветы, что кроны казались сугробами. Зина сразу подумала о своем муже. Василий очень любил эти деревья. Под ними он услышал от Зины первые слова любви... Трудно будет Василию расстаться со своими деревьями и Зине самой будет нелегко...

Вдруг сын Люгоржук выдернул руку из руки матери и ликующе закричал. И нельзя было понять, чего больше — тревоги или радости в этом детском крике. Мальчик восторженно глядел на белые облака айвовых цветов и вдруг сделал несколько шагов навстречу им. Упрямо шел, переваливаясь, как уточка, с ноги на ногу, но все уверенней и уверенней. Остановился и обнял ствол айвового дерева. И снова ликующий детский возглас взлетел над огородом. Люгоржук был победителем. В сияющих детских глазах так и читалось: «Видишь, мама, что я могу?!»

Счастливая Зина протянула руки к сыну, приседая перед ним, но Люгоржук прижался щекой к стволу айвы, всем своим видом говоря: «Видишь, я стою и дерево... и ты, и всем хорошо...»

Вошедший в огород дед Симу тихо произнес:

— Не трогай его. Он же сейчас головой небо подпирает!

— Он сам пошел на своих ножках,— уж запоздало сообщила Зина.— Какой... сам!— удивленно добавила она.

Просветлело и лицо старика, казалось, через эти глубокие морщины и вековечный загар вот-вот выступит молодой безудержный румянец.

— Зина, голубушка,— необычно взволнованно заговорил старик,— твой сын хорошо пошел,

потому что земля наша поддерживает его.— Спеси, дорогая, ему чорекь — таков обычай, катнешь, дочка, круглую лепешку по следу мальчика. Я верю, далеко укатится чорекь, далеко уйдет по жизни мой внук! — и уже будничным тоном попросил: — Только испеки чорекь румяный, круглый, — почти заискивающе объяснил: — это не церковный обычай, дочка, это народный.

— Погляди за сыном, дед, — вся заполыхавшая, звонко попросила Зина и побежала в дом месить тесто.

...Круглая, подрумяненная, еще источающая печной жар лепешка катилась по следу мальчика, проскочила гривку травы и, словно подхлестнутая, стремительно покатилаь по тропинке вниз. Счастливой матери показалось даже, что чорекь может перескочить через плетень ограды...

Зина неожиданно легко коснулась губами щеки свекра, раньше она этого никогда не делала.

За ужином Зина спросила мужа:

— Василь, мы когда-нибудь будем ремонтировать дом или будем глядеть, как он разваливается?

— Будем, — весело ответил муж, — обязательно будем!

Дед Симу вручил сыну документ на право наследования домом. Василий не стал даже вынимать бумагу из конверта и спокойно сказал:

— А вот это, отец, уже не имеет никакого значения.

И Симу понял, что по этой земле еще долго будут ходить ноги его внука.

БОЖЬИМ ПРОИЗВОЛЕНИЕМ

Вообще-то я по национальности гагауз. И отец мой Игнат Бабоглу, и мать Федора Казанжи — гагаузы, и деды-бабки с той и другой стороны — тоже. И, конечно, в советском моем паспорте и в свидетельстве о рождении записана национальность — гагауз.

Дотошный читатель может воскликнуть удивленно, что значит вообще гагауз! Разве, в частности, можно быть кем-то еще? Оказывается, можно. В частности, в моей жизни был короткий период, когда я стал вдруг... чистым румыном! И это удостоверяло свидетельство о рождении с королевским гербом и печатью румынской примарии. И это чудо свершилось божьим произволением. Но так как господу богу в ту пору некогда было заниматься вопросом этнического происхождения маленького гагаузенка, чудо моего перерождения от имени божьего, но вполне земными средствами осуществил наш священник отец Илья Тудоран. В основе чуда лежали две бараньи туши, стремление попа Ильи воспитать из меня своего преемника, подкрепленное неистовым желанием моей матери видеть меня попом, и уступчивый, до робости, характер моего отца.

Главное же заключалось в моих школьных успехах, особенно по закону божьему, в чем мои сверстники в большинстве своем отнюдь не блистали. Мать моя не без основания считала, что лучше поповой доли нет ничего на свете. У нас даже поговорка бытовала: «Попаз гиби йашэр!» — как поп живет!

Мечта мамы о моем будущем поповстве особенно, до исступления, всесжигающей стала после того, как она, усерднейшая прихожанка, уви-

дела меня прислуживающим в церкви вдвоем с товарищем по парте Вани Гайдаржи — в церковном одеянии и со свечами в руках. После этого много дней с умилением и странным однообразием восклицала: «...аллахчыым сан пак попаричинсин, чожуум! — господи, сынок, ты же попом родился!» И неизменно плакала от умиления, не в силах высказать красоту и благолепие увиденного ею в церкви. Странно ли, что при этом она забывала, что ни один гагауз до сей поры не бывал попом.

Мой отец, как сказано уже выше, Игнат Бабглу дружил с попом Ильей Тудоран. Как дружил? По закону того времени, как честнейший и терпеливый бедняк, арендатор-издольщик мог дружить с хозяином богатых земель, на которого фактически гнул спину едва ли меньше, чем поденщики на помещика. Поп откровенно хвалил моего отца за действительно редкостную честность, хотя в душе, я думаю, считал его глуповатым: редко кто из издольщиков не стремился малость обхитрить попа-мироеда. И лишь отец мой никогда этого не делал. Владел он тремя десятинами земли на участке Обаннар, что в переводе означает болота, где истощенное и изъеденное оврагами поле давало высокие урожаи только чертополоха да свинороя. Чтобы семья не погибла с голоду, отец, как и многие у нас бедняки, постоянно арендовал землю у попа на самых кабальных условиях.

Поп Тудоран имел хорошее государственное жалованье, получал немалые доходы от исполнения различных церковных треб: похорон, крещения, венчания. И еще владел четырнадцатью десятинами на лучшем участке Кирезлик и сверх всего этого в 1928 голодном году прикупил к

своим землям еще двадцать десятин у голодающих крестьян за бесценок. Таким образом у попа стало 34 десятины лучшей земли, которые давали ему самый большой доход. Однако попу и этого было мало, и он «подрабатывал» еще в сельской школе, читая уроки закона божьего. Здесь, в школе, и произошло мое близкое знакомство с отцом Ильей Тудоран. Дисциплина на уроках его преподавания была исключительная. Если у нашей учительницы госпожи Мурешану кое-кто из нас и позволял себе чуточку шалить или изредка не выучить урок, то у батюшки это было исключено. За малейшее нарушение он выкручивал и вырывал волосы на висках. Это наказание было страшным и потому даже самые большие шалуны на уроках закона божьего сидели тихо, молча, стремясь как-нибудь не попасть на глаза и не услышать пугающего: «А скажи-ка, чадо...» Молитвы и притчи нужно было вызубривать наизусть, рассказывать громко, четко. После пересказа христову притчу нужно было уметь толковать иносказательно, применительно к идеям самого попа, а угадывать их не каждый мог...

— Как твоя фамилия?— спросил меня поп на одном из первых уроков.

— Бабоглу,— ответил я робко.

— А-а, это ты есть сын Игната Бабоглу?

— Да.

— Знаю, знаю. Отца твоего хорошо знаю и мать твоя постоянная наша прихожанка. А звать тебя как?

— Колей,— ответил я так же тихо и несмело.

— А Расскажи-ка, чадо, притчу про виноградадаря!

Я, набравшись смелости, рассказал все слово в слово, как по книге и как батюшка требовал.

— Молодец, выучил! Теперь объясни, чадо, как ты понимаешь отрезанную и брошенную в огонь лозу?

— Это, ваше преподобие,— продолжил я,— бесплодные ветки, не приносящие никакой пользы. Притча учит нас, что так будет и с теми людьми, которые живут на земле и не трудятся, богу не молятся, церковь господню не посещают... Они на том свете будут гореть в геенне огненной точно так, как сгорели у виноградаря лозы, не приносившие плоды.

— Правильно, чадо, отлично выучил, десятка. Десятка в то время в школе была высшая оценка.

Если бы я знал, что эта десятка положила начало моему чудесному превращению в румына, я молча подставил бы попу свои виски. А, впрочем, вряд ли я мог в ту пору понять и оценить влияние на мою судьбу божьего произволения...

Как-то во время молотьбы отец Илья Тудоран пожаловал к нам домой. Как всегда внезапно, вдруг. Снедаемый постсынной тревогой о том, что издольщики обманывают его, он любил наносить такие внезапные визиты для нежданной ревизии.

Отец встретил попа спокойно и холодно, не видя причин ни для беспокойства, ни для гостеприимства. Мать же вся засияла, поцеловала руку священника и огромный наперсный серебряный крест с распятием. Золоченая цепь была длинновата, отчего сам крест покоился не на персях, а на необъятном поповом чреве. До сих пор помню, когда прихожанки целовали крест священника, мне всегда казалось, что они торопливо и истово облизывают ему брюхо. Отчего ряса

его на этом месте блестела больше, чем в других местах. Лишь позже я понял, что крест, раскачиваясь, натирал до блеска попову одежду.

Отец из вежливости отложил вилы, которыми ворошил разбросанный по харману ячмень, кивнув мне, чтобы продолжал гонять кнутом лошадей, запряженных в токмак — каменный вал для молотбы. Однако мне было интересно и я стал гснять лошадей потише, прислушиваясь к разговору взрослых и прикрикивая в паузах.

— Хороший у тебя сын, Игнат Пантелеевич, — похвалил меня поп, — в школе учится отлично и дома, вижу, помогает по хозяйству весьма усердно. Истинно в поте лица добывает хлеб свой, несмотря на несовершенные лета.

— Да, парень неплохой, — согласился отец, — помогает нам во всем, да ведь как же иначе?

— Послушный он у нас, — добавила мама, — очень послушный, а уж молитв, батюшка, знает наизусть и сграсть сколько, прямо священнослужитель! — и потупилась, прикрываясь от смущения платком.

— Больше скажу, — продолжал поп, — отрок одаренный и закон божий усваивает осмысленно и глубоко. Оттого надобно его послать учиться далее.

Мать неслышно всплеснула руками и застыла в молитвенной позе: сокровенную мечту ее высказал батюшка, сам догадался!

— Е-е, где учиться крестьянскому сыну да еще гагаузу, батюшка, не слыхал я, чтобы из наших местных хоть один ученый объявился. — Отец то ли не догадывался, то ли наивно хитрил, что не понимает, о какой науке идет речь.

— Я помогу вам устроить его в духовную семинарию. Именно из таких одаренных и богопос-

лучших и должны произрастать слуги господни, представители бога на земле.

— Учеба стоит дорого, батюшка, мне не по карману, я и в хозяйстве не могу свести концы с концами.

— Да, дороговато, — согласился поп, — но Коля, уверен, будет учиться хорошо. Оплата преуспевающему снижается, ну и подзаймешь у меня, у других, ради благого божьего дела не грех и подзадолжать. Словом, Игнат, заходи ко мне завтра, договоримся окончательно, — категорично сказал поп и ушел.

Отец хмуро молчал, опираясь на вилы, даже не заметив, что я перестал погонять лошадей. А мама вся так и светилась в ожидании близкого и неперменного чуда.

— Иди, Игнат, — страстно доказывала она отцу. — Будем работать вдвойне, пускай в долги залезем, лишь бы Колю выучить. Господи, попом станет, Игнат, подумай! Свою землю получит, доходы какие! И мы арендовать не будем, хоть под старость заживем по-человечески.

Гордый и на первый взгляд упрямый, отец мог иногда резко высказаться, но на деле был по характеру мягок и уступчив, как уже сказано. И с благословления отца Тудорана я той же осенью держал экзамены для поступления в духовную семинарию. Успех был полный. Когда мы вернулись из города на наших лошадях, но в поповском фаэтоне (батюшка был верен себе и на поездке сэкономил, не гоняя своих лошадей, однако ехать на жесткой крестьянской телеге даже ради экономии не рискнул), он все хлопал отца по плечу. Искренне хвалил его за то, что вырастил умного сына. Правда, не стеснялся хвалить и себя за то, что не дал зарыть мой талант

в землю, а умелым обучением отшлифовал его...

Однако время шло, а извещения о моем зачислении в семинарию все не было. Мать даже похудела от тревожного ожидания и наконец погнала отца:

— Поди к батюшке да узнай же, в чем дело. Вдруг бумажка затерялась.

— Э-э, говорил я тебе, Федора, не мужику, да еще бедному, лезть в попы.

— А что, мы хуже людей? Коля наш, сам отец Илья говорил, лучше всех учится. Кому же и быть попом?

— Да уж кому-кому, но только не нам. Вот увидишь, что только зря издержались с этой поездкой в город. Не ехать же вновь, чтобы узнать об отказе.

Но мать как всегда настояла на своем, и отец пошел к попу.

Илья Тудоран подумал, подумал, но, видать, и его гордость задело. Взял да и позвонил в город по телефону. По телефону же ему светили, что в духовную семинарию принимаются только подростки румынской национальности. Я же был по рождению гагауз и в метрическом свидетельстве это было записано черным по белому.

— Я же вам говорил, батюшка, не надо нас попусту тревожить,— мрачно и сердито говорил отец,— куда нам, крестьянам, да еще гагаузам, соваться в попы.

— Ничего, Игнат, будет по-моему,— утверждал поп, которого, видно, крепко заело,— только придется тебе съездить в город и забрать метрическое свидетельство. Остальное все в руке божией.

— Легко сказать — снова гонять подводу за 60 верст. А тут кукурузу надо с поля возить.

— Ничего, съездишь!— утвердил поп.— Грех торговаться в божием деле.

Расстроенный отец почти сдался, а придя домой, попал под непрерывный нажим матери. В конце концов, конечно, поехал и забрал мою метрическую выписку и привез попу.

— Теперь вот что, Игнат,— объявил поп,— есть у тебя, знаю, несколько упитанных овнов, сиречь барашков. Выбери-ко двух самых лучших, зарежь, а туши вечером мне принесешь домой.

— Зачем это, батюшка, велика ли моя отара? А вы из-за этой учебы совсем меня ограбить хотите...

Десяток овец были последней надеждой нашей семьи. Дело было не только в небольшом количестве настригаемой шерсти, получаемой брынзы, а в редчайшем случае и в самой баранинке, но и в том, что эта крохотная отара была наша, не арендуемая.

— Ну, Игнат,— рассердился поп.— Против богоугодного деяния идешь, против божиего прозволенья? Тебе ли по-мирскому суетно толковать помыслы мои, служителя божьего?

Конечно же, мягкохарактерный отец мой сдался.

Узнав об этом разговоре, мама немедленно послала отца за баранами. К вечеру туши были готовы. Отец завернул их в белую простынь и, когда стемнело, понес к попу.

— Одну тушу повесь у меня в коридоре, а другую возьми и пойдем со мной,— сказал батюшка.

Мой отец, теперь уже внутренне раздраженный, но сдавшийся, безоговорочно выполнял все, что говорил ему его преподобие. И так они пошли вдвоем к господину нотар — к главному чинов-

нику в румынской примарии.

— Ах, батюшка, здравствуйте, благословите!— защебетала служанка при виде ночных гостей, почти в смятении поцеловала руку отца Тудоран:— Такие заботы у вас, такие, так поздно! Милости просим!

— Здравствуйтесь,— сухо ответил поп и, входя, кивнул отцу:— Повесь тушу здесь в прихожей!

— Боже, какой прелестный баранчик!— всплеснула руками служанка. Нелепость ее восклицания — что прелестного в свежей бараньей туше?— только подчеркнула необычность и непонятность позднего визита.

— Здравствуйтесь, здравствуйтесь,— не выказывая удивления, первым приветствовал хозяин — длинный, сухощавый с лисьим лицом нотар. На этом лице постоянно было что-то загадочное — то ли улыбка, то ли усмешка: никогда не понятно было, либо человек потянется целоваться, либо укусит.

— Садитесь, отче,— прямо пропел нотар,— и вы садитесь,— сухо кивнул отцу, который скованно пристроился в уголке. Батюшка сел напротив хозяина за стол, который торопливо накрывала служанка, в первую очередь ставя кувшин вина.

— Господин нотар, вам знаком сей христианин?

— Конечно же, хорошо знаю — Игнат Бабоглу.

— Примерный прихожанин,— похвалил поп,— а супруга его вистину горячо верующая. Однако же не из-за сего Игната и супруги его явился я к вам, господин нотар. Ведомо ли вам, что у названных мною супругов есть сын, Николаем нареченный?

— Мне ли не знать, батюшка, — воскликнул нотар, — да вы выпейте, хорошее вино умному разговору не помеха, говорят.

— Так, — утвердил поп, опрокидывая первый стакан, — не в уста входящее оскверняет, а из уст выходящее. А ведомо ли вам, — продолжал он, настраиваясь прямо на какой-то торжественный тон, — что поименованный мальчик Николай Бабоглу, господин нотар, отлично учится и весьма преуспевает в законе божьем?

— Наслышан, наслышан, ваше преподобие.

— Та-ак! — едва ли не взревел поп. — А может ли нищий гагаузеныш проникнуться святостью и мудростью закона божия не по летам своим?

— Не может, — почти механически согласился нотар.

— Стало быть, — продолжил он, — мальчик божьим произволением создан румыном, а нам ли не верить в промысел всевышнего?

— Никак невозможно, батюшка! — чуть испуганно сказал господин нотар перекрестясь и залпом опрокинул стакан вина.

— А следовательно, — прямо грозно сделал Тудоран паузу... и нотар подхватил:

— Смеет ли бумажка рукотворная спорить с божьим произволением? Все понял, батюшка, бумаги исправим! Дабы не противоречить промыслу божию.

— Умно рассуждаете, — крикнул от удовольствия поп, опрокидывая очередной стакан. — Могли бы по уму своему и пастырем быть.

— Но, отче, — заулыбался нотар, — согласитесь, что в пользу румынского этнического происхождения не хватает аргумента. Во всех документах написано, что отпрыск он гагаузский.

— Да, да и в церковных книгах родители

его — гагаузы. А отпрыск сей все-таки румынского происхождения... Недостающий же аргумент, господин нотар, в прихожей.

Нотар выглянул и, моментально вернувшись, произнес:

— Истинно, отец мой, чудеса такие бывают! Вы правы, мальчик румын по происхождению, и это бесспорно.

— Надеюсь и верую, — подобно проповеди протянул Тудоран, — что из сего отрока Николая возраstim мы плод благолепный и по обучении и воспитании станет он достойным пастырем сих глупых овец гагаузских, слугою божьим и его величества короля.

— Завтра нужная бумага будет, — почти пропел нотар, — но церковные книги с записью о крещении?..

— В моих руках! — басисто, точно провозглашая аминь, закончил поп. — Выпьем за сие...

Так на следующий день я переродился.

Когда возвращались от господина нотар, отец спросил попа:

— Позвольте, батюшка, почему понадобились два барана? Я же бедный человек!

— Ты лучше благодари всевышнего, — ответил он, — что так дешево твой сын из безродного гагауза превратился в человека! Мне придется церковные книги переписывать, а господину нотар — сельские. Видишь, какую работу ты нам задал?

Выслушав упрек попа, отец остолбенел, он с великим трудом старался понять смысл этой запутанной и в сущности оскорбительной для него историй. Во всяком случае он понимал, что дело

не в потере двух баранов, а дальше и не хотел думать.

Через неделю я получил извещение и поехал учиться в духовную семинарию, но попом так и не стал. Учеба прервалась отнюдь не божьим произволением, а по воле народов: двадцать восьмого июня тысяча девятьсот сорокового года Бессарабия воссоединилась с Советской Родиной. Советская власть одной из главнейших и первейших задач считала обучение детей, развитие сети школ, а поскольку не хватало учителей, чуть ли не всех нас, грамотных, почти подростков, срочно обучили на курсах и послали работать учителями. Так я стал учителем на всю жизнь.

В первое время по освобождении мы еще многого не понимали и оттого я всерьез струхнул, когда некоторые коллеги попугивали меня тем, что я румын, а работаю учителем в советской школе. Во избежание неприятностей я решил сам объяснить в роно «чудесное» свое перерождение. Руководители удивились, посмеялись, что чудо божие опиралось на две бараньи туши. Инспектор роно товарищ Лушников сказал, что для Советской власти национальность не имеет никакого значения, был бы человек советским по духу.

— А ведь подлая и не глупая тактика,— произнес заведующий роно Земит,— создать себе помощников из угнетаемого народа для еще большего его оболванивания, угнетения. Попагагауза его соплеменники стали бы слушать куда с большей верой.

Признаться, я тогда не все до конца понял и с облегчением услышал веселое и насмешливое:

— Ну иди, румын гагаузский, работай, детей теперь будем учить по-советски.

Почти сорок лет проработал я в советской школе, был много лет директором, окончил университет, стал отличником народного образования, не раз был награжден, даже вот стал профессиональным писателем. И все это отнюдь не божьим произволением, а возможностями, которые предоставила Советская власть любому человеку независимо от его этнического происхождения.

СОДЕРЖАНИЕ

ГВОЗДИКИ РАСЦВЕЛИ ВНОВЬ. *Повесть* 3

Рассказы

ДЕМИРЧУ. 202

АПВОВЫЙ ЦВЕТ 235

БОЖЬИМ ПРОИЗВОЛЕНИЕМ 244

Бабоглу Николай Игнатьевич

- Б 12 Гвоздики расцвели вновь: Повесть, рассказы/ Пер. с гагауз. В. Измайлова; Худож. О. Градинарь.— Кишинев: Лит. артистикэ, 1986.— 258 с.

В сборник входят повесть и рассказы современного гагаузского писателя. Они посвящены становлению Советской власти в гагаузской деревне, будням и нелегким проблемам хлеборобов и виноградарей Буджака.

Б $\frac{4702150000-59}{M756(12)-86}$ 100-86

84Г-44

Николай Игнатьевич Бабогду

ПОВЕСТЬ, РАССКАЗЫ

Художник Олег Васильевич Градинарь
Издательство «Литература артистикэ»,
277004, Кишинев, пр. Ленина, 180.

Редактор Л. Бабий.

Художественный редактор А. Святченко.
Технический редактор В. Бужуля.
Корректоры: Н. Чеботарь, Л. Колпакова

ИБ № 2846

Сдано в набор 19.07.85. Подписано к печати 04.02.86.

АБ 04407. Формат 70×100¹/₃₂. Бумага тип. № 2.

Гарнитура Литературная. Печать высокая.

Усл. печ.-л. 10,56. Уч.-изд.-л. 9,76. Усл. кр.-отт. 10,80.

Тираж 10000. Заказ № 1187. Цена 60 коп.

Издательство «Литература артистикэ»,
277004, Кишинев, пр. Ленина, 180.

Центральная типография, 277035, Кишинев, ул. Флорилор, 1. Государственный комитет Молдавской ССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.

**В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ
«ЛИТЕРАТУРА АРТИСТИКЭ»
В 1986 ГОДУ ВЫХОДЯТ ИЗ ПЕЧАТИ
КНИГИ МОЛДАВСКИХ АВТОРОВ:**

А. ХИЖДЕУ	Избранное
А. БУСУЙОК	Один перед лицом любви
Н. РУСУ	Лия
И. СТАВСКАЯ	Притяжение далей
И. К. ЧОБАНУ	Кодры

60 коп.

В сборник современного гагаузского писателя Н. Бабоглу включены рассказы о хлеборобах и виноградарях Буджака, об их буднях и нелегких проблемах, с которыми приходится сталкиваться. Повесть «Гвоздики расцвели вновь» — о становлении Советской власти в гагаузской деревне.
